ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ,

издаваемый

Николаемъ Карамзинымъ.

ЧАСТЬ VII.

МОСКВА, 1803.

Въ Университетской Типографіи

у Люби, Гарія и Попова.

По возложенной отъ Господъ Кураторовъ на меня должности, я разсматривалъ книгу, подъ заглавіемъ: *Вѣстникъ Европы, издаваемый Николаемъ Карамзинымъ, Часть VII.*, и не нашелъ въ ней противнаго наставленію, данному мнѣ о печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгахъ. Коллежской Совѣтникъ, Профессоръ и Ценсоръ

Антонъ Прокоповичъ - Антонской.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ГЕНВАРЬ 1805.

№ I.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

МАРѲА ПОСАДНИЦА,

или

Покореніе Новагорода.

Историческая Повѣсть.

(Вотъ одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ случаевъ Россійской Исторіи! говоритъ Издатель сей повѣсти. Мудрый Іоаннъ долженъ былъ для славы и силы отечества присоединить область Новогородскую къ своей Державѣ: хвала ему! Однакожь сопротивленіе Новогородцевъ не есть бунтъ какихъ нибудь Якобинцевъ: они сражались за древніе свои уставы и права, данныя имъ отчасти самими Великими Князьями: на примѣръ, Ярославомъ, утвердителемъ ихъ вольности. Они поступили только безразсудно: имъ должно

было предвидѣть, что сопротивленіе обратится въ гибель Новугороду, и благоразуміе требовало отъ нихъ охотной жертвы.

Въ нашихъ лѣтописяхъ мало подробностей сего великаго происшествія; но случай доставилъ мнѣ въ руки старинный манускриптъ, который сообщаю здѣсь любителямъ Исторіи и — сказокъ, исправивъ только слогъ его, темный и невразумительный. Думаю, что это писано однимъ изъ знатныхъ Новогородцевъ, переселенныхъ Великимъ Княземъ Іоанномъ Васильевичемъ въ другіе города. Всѣ главныя происшествія согласны съ Исторіею. И лѣтописи и старинныя пѣсни отдаютъ справедливость великому уму Мареы Борецкой, сей чудной женщины, которая умѣла овладѣть народомъ и хотѣла (весьма не кстати!) быть Катономъ своей Республики.

Кажется, что старинный Авторъ сей повѣсти даже и въ душѣ своей не винилъ Іоанна. Это дѣлаетъ честь его справедливости, хотя при описаніи нѣкоторыхъ случаевъ кровь Новогородская явно играетъ въ немъ. Тайное побужденіе (motif), данное имъ фанатизму Мареы, доказываетъ, что онъ видѣлъ въ ней только *страстную*, пылкую, умную, а не великую и не добродѣтельную женщину.)

Раздался звукъ *Вечеваго колокола*, и вздрогнули сердца въ Новѣгородѣ. Отцы семействъ вырываются изъ объятій супругъ и дѣтей, чтобы спѣшить, куда зоветъ ихъ отечество. Недоумѣніе, любопытство, страхъ и надежда влекутъ гражданъ шумными толпами на великую площадь. Всѣ спрашиваютъ: никто не отвѣтствуетъ. . . . Тамъ, противъ древняго дому Ярославова, уже собралися Посадники съ золотыми на груди медалями, Тысяцкіе съ высокими жезлами, Бояре, Люди Житые со знаменами и Старосты всѣхъ пяти Концовъ Новогородскихъ (*) съ серебряными сѣкирами. Но еще не видно никого на мѣстѣ лобномъ или Вадимовомъ (гдѣ возвышался мраморный образъ сего Випязя). Народъ крикомъ своимъ заглушаетъ звонъ колокола, и требуетъ открытія Веча. Іосифъ Дѣлинскій, именитый гражданинъ, бывшій семь разъ Степеннымъ Посадникомъ — и всякой разъ съ новыми услугами отечеству, съ новою честію для своего имени — всходитъ на желѣзныя ступени, открываетъ сѣдую, почтенную свою голову,

(*) Такъ назывались части города: Конецъ *Неревскій*, *Гончарскій*, *Славянскій*, *Загородскій* и *Плотинскій*.

смиренно кланяется народу и говоритъ ему, что Князь Московскій прислалъ въ Великій Новгородъ своего Боярина, который желаетъ всенародно объявить его требованія . . . Посадникъ сходитъ — и Бояринъ Іоанновъ является на Вадимовомъ мѣстѣ, съ видомъ гордымъ, въ одеждѣ воинской и мечемъ препоясанный. То былъ Воевода, Князь Холмскій, мужъ благоразумный и твердый — правая рука Іоаннова въ предпріятіяхъ воинскихъ, око его въ дѣлахъ государственныхъ — храбрый въ битвахъ, велерѣчивый въ Совѣтѣ. Всѣ безмолвствуютъ. Бояринъ хочетъ говорить . . . но юные, надменные Новгородцы восклицаютъ: *смирись предъ великимъ народомъ!* Онъ медлитъ — тысячи голосовъ повторяютъ: *смирись предъ великимъ народомъ!* Бояринъ снимаетъ шлемъ съ головы своей — и шумъ умолкаетъ.

„Граждане Новогородскіе!“ вѣщаетъ онъ: „Князь Московскій и всея Россіи „говоритъ съ вами — внимайте!

„Народы дикіе любятъ независимость, „народы мудрые любятъ порядокъ: а „нѣтъ порядка безъ власти самодержав„ной. Ваши предки хотѣли править са„ми собою, и были жертвою лютыхъ „сосѣдовъ или еще лютѣйшихъ внутрен-

„нихъ междоусобій. Старецъ добродѣтель-„ный, стоя на прагѣ вѣчности, закли-„налъ ихъ избрать Владѣтеля. Они по-„вѣрили ему: ибо человѣкъ при дверяхъ „гроба можетъ говорить только истину.

„Граждане Новогородскіе! въ стѣнахъ „вашихъ родилось, утвердилось, просла-„вилось самодержавіе земли Руской. Здѣсь „великодушный Рюрикъ творилъ судъ и „правду; на семъ мѣстѣ древніе Ново-„городцы лобызали ноги своего отца и „Князя, который примирилъ внутрен-„ніе раздоры, успокоилъ и возвеличилъ „городъ ихъ. На семъ мѣстѣ они прокли-„нали гибельную вольность и благосло-„вляли спасительную власть Единаго. „Прежде, ужасные только для самихъ „себя и нещастные въ глазахъ сосѣдовъ, „Новогородцы подъ державною рукою Ва-„ряжскаго Героя сдѣлались ужасомъ и „завистію другихъ народовъ; и когда „Олегъ храбрый двинулся съ воинствомъ „къ предѣламъ юга, всѣ племена Славян-„скія покорялись ему съ радостію, и „предки ваши, товарищи его славы, едва „вѣрили своему величію.

„Олегъ, слѣдуя за теченіемъ Днѣ-„пра, возлюбилъ красные берега его, и въ „благословенной странѣ Кіевской основалъ

„столицу своего обширнаго государства; „но Великій Новгородъ былъ всегда де- „сницею Князей Великихъ, когда они „славили дѣлами имя Руское. Олегъ подъ „щитомъ Новогородцевъ прибилъ щитъ „свой къ вратамъ Цареградскимъ. Свято- „славъ съ дружиною Новогородскою раз- „сѣялъ какъ прахъ воинство Цимисхія, „и внукъ Ольгинъ съ вашими предками „былъ прозванъ *Владѣтелемъ міра.*

„Граждане Новогородскіе! не только „воинскою славою обязаны вы Государямъ „Рускимъ: естьли глаза мои, обращаясь „на всѣ Концы вашего града, видятъ по- „всюду златые кресты великолѣпныхъ „храмовъ святой Вѣры; естьли шумъ „Волхова напоминаетъ вамъ тотъ великій „день, въ который знаки идолослуженія „погибли съ шумомъ въ быстрыхъ волнахъ „его: то вспомните, что Владиміръ соору- „дилъ здѣсь первый храмъ истинному „Богу; Владиміръ низвергъ Перуна въ пу- „чину Волхова!... Естьли жизнь и соб- „ственность священны въ Новѣгородѣ, то „скажите, чья рука оградила ихъ безопас- „ностію? . . . Здѣсь" — (указывая на „домъ Ярослава) — „здѣсь жилъ мудрый „законодатель, благотворитель вашихъ „предковъ, Князь великодушный, другъ

„ихъ, котораго называли они вторымъ „Рюрикомъ! . . . Потомство неблагодар„ное! внимай теперь справедливымъ уко„ризнамъ!

„Новогородцы, бывъ всегда старши„ми сынами Россіи, вдругъ отдѣлились „отъ братій своихъ; бывъ вѣрными под„данными Князей, нынѣ смѣются надъ „ихъ властію . . . и въ какія времена? „О стыдъ имени Рускаго! Родство и „дружба познаются въ напастяхъ: лю„бовь къ отечеству также. . . . Богъ въ „неисповѣдимомъ совѣтѣ Своемъ положилъ „наказать землю Рускую. Явились вар„вары безчисленные, пришельцы отъ „странъ никому неизвѣстныхъ (*), по„добно симъ тучамъ насѣкомыхъ, ко„торыя Небо во гнѣвѣ Своемъ гонитъ „бурею на жатву грѣшника. Храбрые „Славяне, изумленные ихъ явленіемъ, „сражаются и гибнутъ; земля Руская „обагряется кровію Рускихъ; города и „села пылаютъ; гремятъ цѣпи на дѣвахъ „и старцахъ. . . Чтожъ дѣлаютъ Ново„городцы? Спѣшатъ ли на помощь къ „братьямъ своимъ? . . Нѣтъ! пользуясь „своимъ удаленіемъ отъ мѣстъ крово-

(*) Такъ думали въ Россіи о Татарахъ.

„пролитія, пользуясь общимъ бѣдствіемъ „Князей, отнимаютъ у нихъ власть законную, держатъ ихъ въ стѣнахъ своихъ „какъ въ темницѣ, изгоняютъ, призываютъ другихъ и снова изгоняютъ. Государи Новогородскіе, потомки Рюрика „и Ярослава, должны были слушаться „Посадниковъ и трепетать *Вечеваго колокола*, какъ трубы Суда Страшнаго! „Наконецъ никто уже не хотѣлъ быть „Княземъ вашимъ, рабомъ мятежнаго „Веча... Наконецъ Рускіе и Новогородцы „не узнаютъ другъ друга!

„Отъ чего же такая перемѣна въ „сердцахъ вашихъ? Какъ древнее племя „Славянское могло забыть кровь свою?... „Корыстолюбіе, корыстолюбіе ослѣпило „васъ! Рускіе гибнутъ, Новогородцы богатѣютъ. Въ Москву, въ Кіевъ, въ Владиміръ, привозятъ трупы Христіянскихъ „витязей, убіенныхъ невѣрными, и народъ, осыпавъ пепломъ главу свою, съ „воплемъ встрѣчаетъ ихъ: въ Новгородъ „привозятъ товары чужеземныя, и народъ съ радостными восклицаніями „привѣтствуетъ гостей (*) иностранныхъ! „Рускіе считаютъ язвы свои: Новогородцы

(*) То есть, купцовъ.

„считаютъ златыя монеты. Рускіе „въ узахъ: Новогородцы славятъ воль„ность свою!

„Вольность! . . . но вы также раб„ствуете. Народъ! я говорю съ тобою. „Бояре честолюбивые, уничтоживъ власть „Государей, сами овладѣли ею. Вы по„винуетесь — ибо народъ всегда пови„новаться долженъ — но только не „священной крови Рюрика, а купцамъ „богатымъ. О стыдъ! потомки Славянъ „цѣнятъ златомъ права Властителей! „Роды Княжескіе, издревле именитые, „возвысились дѣлами храбрости и славы: „ваши Посадники, Тысяцкіе, Люди Жи„тые, обязаны своимъ достоинствомъ „благопріятному вѣтру и хитростямъ „корыстолюбія. Привыкшіе къ выгодамъ „торговли, торгуютъ и благомъ народа: „кто имъ обѣщаетъ злато, тому они „васъ обѣщаютъ. Такъ, извѣстны Князю „Московскому ихъ дружественныя, тай„ныя связи съ Литвою и Казимиромъ. „Скоро, скоро вы соберетесь на звукъ „*Вечеваго колокола*, и надменный Полякъ „скажетъ вамъ на лобномъ мѣстѣ: *вы „рабы мои!* . . . Но Богъ и великій „Іоаннъ еще о васъ пекутся.

„Новогородцы! земля Руская воскре„саетъ. Іоаннъ возбудилъ отъ сна древнее

„мужество Славянъ, ободрилъ унылое „воинство, и берега Камы были свидѣ- „телями побѣдъ нашихъ. Дуга мира и „завѣта возсїяла, надъ могилами Князей „Георгїя, Андрея, Михаила. Небо при- „мирилось съ нами, и мечи Татарскїе „испупились. Настало время мести, вре- „мя славы и торжества Христїянскаго. „Еще ударъ послѣднїй не совершился; „но Іоаннъ, избранный Богомъ, не опу- „ститъ державной руки своей, доколѣ „не сокрушитъ враговъ и не смѣшаетъ „ихъ праха съ земною персті́ю. Дими- „трїй, поразивъ Мамая, не освободилъ „Россїи: Іоаннъ все предвидитъ; и зная, „что раздѣленїе государства было виною „бѣдствїй его, онъ уже соединилъ всѣ „Княжества подъ своею державою, и при- „знанъ Властелиномъ земли Руской. „Дѣти отечества, послѣ горестной долго- „временной разлуки, объемлются съ „веселїемъ предъ очами Государя и му- „драго отца ихъ.

„Но радость его не будетъ совершен- „на, доколѣ Новгородъ, древнїй, великїй „Новгородъ, не возвратится подъ сѣнь „отечества. Вы оскорбляли его предковъ: „онъ все забываетъ, естьли ему поко- „ритесь. Іоаннъ, достойный владѣть мї- „ромъ, желаетъ только быть Государемъ

„Новогородскимъ! .... Вспомните, когда „онъ былъ мирнымъ гостемъ посреди „васъ; вспомните, какъ вы удивлялись его „величїю, когда онъ, окруженный своими „вельможами, шелъ по стогнамъ Новаграда „въ домъ Ярославовъ; вспомните, съ „какимъ благоволенїемъ, съ какою мудро„стїю онъ бесѣдовалъ съ вашими Боярами „о древностяхъ Новогородскихъ, сидя на „поставленномъ для него тронѣ близь „мѣста Рюрикова, откуда взоръ его обни„малъ всѣ *Концы* града и веселыя окрести„ности; вспомните, какъ вы единодушно „восклицали: *Да здравствуетъ Князь Мо„сковскїй, великїй и мудрый!* Такому ли „Государю не славно повиноваться, и для „того единственно, чтобы вмѣстѣ съ „нимъ совершенно освободить Россїю отъ „ига варваровъ? Тогда Новгородъ еще бо„лѣе украсится и возвеличится въ мїрѣ. „Вы будете *первыми* сынами Россїи: „здѣсь Іоаннъ поставитъ тронъ свой и „воскреситъ щастливыя времена, когда „не шумное *Вече*, но Рюрикъ и Ярославъ „судили васъ какъ отцы дѣтей, ходили „по стогнамъ и вопрошали бѣдныхъ, не „угнетаютъ ли ихъ богатые? Тогда бѣд„ные и богатые равно будутъ щастливы, „ибо всѣ подданные равны предъ лицемъ „Владыки самодержавнаго.

„Народъ и граждане! да властвуетъ „Іоаннъ въ Новѣгородѣ, какъ онъ въ Мо„сквѣ властвуетъ! или — внимайте его „послѣднему слову — или храброе воин„ство, готовое сокрушить Татаръ, въ „грозномъ ополченіи явится прежде гла„замъ вашимъ, да усмиритъ мятежни„ковъ! . . . Миръ или война? отвѣти„отвуйте!“

Съ симъ словомъ Бояринъ Іоанновъ надѣлъ шлемъ, и сошелъ съ лобнаго мѣста.

Еще продолжается молчаніе. Чиновники и граждане въ изумленіи. Вдругъ колеблются толпы народныя, и громко раздаются восклицанія: *Марѳа! Марѳа!* Она всходитъ на желѣзныя ступени, тихо и величаво; взираетъ на безчисленное собраніе гражданъ, и безмолвствуетъ. .. Важность и скорбь видны на блѣдномъ лицѣ ея. . . . Но скоро осѣненный горестію взоръ блеснулъ огнемъ вдохновенія; блѣдное лицо покрылось румянцемъ, и Марѳа вѣщала:

„Вадимъ! Вадимъ! здѣсь лилась свя„щенная кровь твоя: здѣсь призываю „Небо и тебя во свидѣтели, что сердце „мое любитъ славу отечества и благо „согражданъ; что скажу истину народу „Новогородскому, и готова запечатлѣть

„ее моею кровїю. Жена дерзаетъ гово-
„рить на Вечѣ: но предки мои были
„друзья Вадимовы; я родилась въ станѣ
„воинскомъ подъ звукомъ оружїя; отецъ,
„супругъ мой погибли, сражаясь за Нов-
„городъ. Вотъ право мое быть защит-
„ницею вольности! оно куплено цѣною
„моего щастїя. . . . .“

Говори, славная дочь Новаграда! воскликнулъ народъ единогласно — и глубокое безмолвїе снова изъявило его вниманїе.

„Потомки Славянъ великодушныхъ!
„васъ называютъ мятежниками! . . . За
„то ли, что вы подъяли изъ гроба славу
„ихъ? Они были свободны, когда текли
„съ востока на западъ избрать себѣ
„жилище во вселенной, свободны подобно
„орламъ, парившимъ надъ ихъ головою
„въ обширныхъ пустыняхъ древняго
„мїра.... Они утвердились на красныхъ бе-
„регахъ Ильменя, и все еще служили одному
„Богу. Когда Великая Имперїя (*), какъ
„ветхое зданїе, сокрушалась подъ силь-
„ными ударами дикихъ Героевъ Сѣвера;
„когда Готѳы, Вандалы, Эрулы и
„другїя племена Скиѳскїя искали вездѣ
„добычи, жили убїйствами и грабежемъ,
„тогда Славяне имѣли уже селенїя и го-

(*) Римская.

„рода; обработывали землю, наслажда-
„лись пріятными искусствами мирной
„жизни, но все еще любили независи-
„мость. Подъ сѣнію дерева чувствитель-
„ный Славянинъ игралъ на струнахъ из-
„обрѣтеннаго имъ мусикійскаго орудія (*),
„но мечь его висѣлъ на вѣтвяхъ, гото-
„вый наказать хищника и тирана. Когда
„Боянъ, Князь Аварскій, страшный для
„Императоровъ Греціи, потребовалъ, что-
„бы Славяне ему поддалися, они гордо и
„спокойно отвѣтствовали: *Никто во все-
„ленной не можетъ поработить насъ, до-
„колѣ не выдутъ изъ употребленія мечи и
„стрѣлы* (**)! . . . О великія воспомина-
„нія древности! вы ли должны склонять
„насъ къ рабству и къ узамъ?

„Правда, съ теченіемъ временъ ро-
„дились въ душахъ новыя страсти; обы-
„чаи древніе, спасительные, забывались,
„и неопытная юность презирала мудрые
„совѣты старцевъ: тогда Славяне при-
„звали къ себѣ знаменитыхъ храбростію
„Князей Варяжскихъ, да повелѣваютъ
„юнымъ, мятежнымъ воинствомъ. Но
„когда Рюрикъ захотѣлъ самовольно вла-
„ствовать, гордость Славянская ужасну-

(*) См. Византійскихъ Историковъ, Ѳеофилакта и Ѳеофана.
(**) См. Менандера.

„лась своей неосторожности, и Вадимъ „*храбрый* звалъ его предъ судъ народа. „*Мечь и боги да будутъ нашими судіями!* „отвѣтствовалъ Рюрикъ — и Вадимъ „палъ отъ руки его, сказавъ: *Новогородцы! „на мѣсто, обагренное моею кровію, при- „ходите оплакивать свое неразуміе — и „славить любовь къ отечеству, когда она „съ торжествомъ явится снова въ стѣнахъ „вашихъ. . . .* Исполнилось желаніе вели- „каго мужа: народъ собирается на свя- „щенной могилѣ его, рѣшить судьбу свою.

„Такъ, кончина Рюрика — да отда- „димъ справедливость сему знамени- „тому Витязю! — мудраго и смѣлаго „Рюрика, воскресила свободу Новогород- „скую. Народъ, изумленный его величі- „емъ, невольно и смиренно повиновался; „но скоро, не видя уже Героя, пробу- „дился отъ глубокаго сна, и Олегъ, „испытавъ многократно его упорную не- „преклонность, удалился отъ Новагорода „съ воинствомъ храбрыхъ Варяговъ и „Славянскихъ юношей, искать побѣды, „данниковъ и рабовъ между другими Скиѳ- „скими, менѣе отважными и гордыми „племенами. Съ того времени Новгородъ „признавалъ въ Князьяхъ своихъ един- „ственно полководцевъ и военачальниковъ: „народъ избиралъ власти гражданскія,

„и повинуясь имъ, повиновался уставу сво-
„его блага. Въ Кіевлянахъ и другихъ
„Россіянахъ отцы наши любили кровь
„Славянскую, служили имъ какъ друзь-
„ямъ и братьямъ; разили ихъ непріяте-
„лей и вмѣстѣ съ ними славились побѣ-
„дами. Здѣсь провелъ юность свою Влади-
„міръ; здѣсь, среди примѣровъ народа
„великодушнаго, образовался великій духъ
„его; здѣсь мудрая бесѣда старцевъ на-
„шихъ возбудила въ немъ желаніе вопро-
„сить всѣ народы земные о таинствахъ
„Вѣры ихъ, да откроется истина ко
„благу людей; и когда, убѣжденный въ
„святости Христіянства, онъ принялъ
„его отъ Грековъ, Новогородцы, разумнѣе
„другихъ племенъ Славянскихъ, изъявили
„и болѣе ревности къ новой истинной
„Вѣрѣ. Имя Владиміра священно въ Новъ-
„городѣ; священна и любезна память
„Ярослава: ибо онъ первый изъ Князей
„Русскихъ утвердилъ законы и вольность
„Великаго града. Пусть дерзость назы-
„вастъ отцевъ нашихъ неблагодарными,
„за то, что они отражали властолюби-
„выя предпріятія его потомковъ! Духъ
„Ярославовъ оскорбился бы въ небесныхъ
„селеніяхъ, естьли бы мы не умѣли со-
„хранить древнихъ правъ, освященныхъ
„его именемъ. Онъ любилъ Новогородцевъ,

„ибо они были свободны; ихъ признательность радовала его сердце, ибо „только души благородныя могутъ быть „признательными: души рабскія повинуются и ненавидятъ! Нѣтъ, благодарность „наша - торжествуетъ, доколѣ народъ „во имя отечества собирается предъ домомъ Ярослава, и смотря на сіи древнія „стѣны, говоритъ съ любовію: *тамъ жилъ „другъ нашъ!*

„Князь Московскій укоряетъ тебя, „Новгородъ, самымъ твоимъ благоденствіемъ — и въ сей винѣ не можемъ „оправдаться! Такъ конечно: цвѣтутъ „области Новогородскія, поля златятся „класами, житницы полны, богатства „льются къ намъ рѣкою; Великая *Ганза* (*) гордится нашимъ союзомъ; „чужеземные гости ищутъ дружбы нашей, удивляются славѣ Великаго града, „красотѣ его зданій, общему избытку „гражданъ, и, возвратясь въ страну „свою, говорятъ: *мы видѣли Новгородъ, и „ничего подобнаго ему не видали!* Такъ „конечно: Россія бѣдствуетъ — ея земля обагряется кровію, веси и грады „опустѣли, люди какъ звѣри въ лѣсахъ

(*) Союзъ вольныхъ Нѣмецкихъ городовъ, который имѣлъ свои конторы въ Новѣгородѣ.

„укрываются; отецъ ищетъ дѣтей и не „находитъ; вдовы и сироты просятъ милостыни на распутіяхъ. Такъ, мы щастливы — и виновны, ибо дерзнули „повиноваться законамъ своего блага, „дерзнули не участвовать въ междоусобіяхъ Князей, дерзнули спасти имя Русское отъ стыда и поношенія, не принять „оковъ Татарскихъ и сохранить драгоцѣнное достоинство народное!

„Не мы, о Россіяне нещастные, но „всегда любезные намъ братья! не мы, „но вы насъ оставили, когда пали на „колѣна предъ гордымъ Ханомъ и требовали цѣпей для спасенія поносной жизни; когда свирѣпый Батый, видя свободу единаго Новаграда, какъ яростный „левъ устремился растерзать его смѣлыхъ гражданъ; когда отцы наши, готовясь къ славной битвѣ, острили мечи на стѣнахъ своихъ — безъ робости: „ибо знали, что умрутъ, а не будутъ „рабами! . . . Напрасно, съ высоты башенъ, взоръ ихъ искалъ вдали дружественныхъ легіоновъ Рускихъ, въ надеждѣ, что вы захотите въ послѣдній „разъ и въ послѣдней оградѣ Руской вольности еще сразиться съ невѣрными! „Однѣ робкія толпы бѣглецовъ являлись „на путяхъ Новаграда; не стукъ ору-

„жїя, а вопль малодушнаго отчаянїя „былъ вѣстникомъ ихъ приближенїя; онѣ „требовали не стрѣлъ и мечей, а хлѣба „и крова! . . . Но Батый, видя отваж- „ность свободныхъ людей, предпочелъ „безопасность свою злобному удовольствию „мести. Онъ спѣшилъ удалиться! . . . „Напрасно граждане Новогородскїе молили „Князей воспользоваться такимъ примѣ- „ромъ и общими силами съ именемъ Бога „Рускаго ударить на варваровъ: Князья „платили дань и ходили въ станъ „Татарскїй обвинять другъ друга въ за- „мыслахъ противъ Батыя; великодушїе „сдѣлалось предметомъ доносовъ, къ не- „щастїю ложныхъ! . . . И естьли имя „побѣды въ теченїе двухъ столѣтїй со- „хранилось еще въ языкѣ Славянскомъ, то „не громъ ли Новогородскаго оружїя на- „поминалъ его землѣ Руской? не отцы „ли наши разили еще враговъ на бере- „гахъ Невы? . . . Воспоминанїе горест- „ное! Сей Витязь добродѣтельный, драго- „цѣнный остатокъ древняго геройства „Князей Варяжскихъ, заслуживъ имя „безсмертное съ вѣрною Новогородскою „дружиною, храбрый и щастливый ме- „жду нами, оставилъ здѣсь и славу и „щастїе, когда предпочелъ имя Великаго „Князя Россїи имени Новогородскаго

„Полководца; не величїе, но униженїе и „горесть ожидали Александра во Владимїрѣ — и тотъ, кто на берегахъ Невы „давалъ законы храбрымъ Лифляндскимъ „Рыцарямъ, долженъ былъ упасть къ ногамъ Сартака.

„Іоаннъ желаетъ повелѣвать великимъ градомъ: не удивительно! онъ собственными глазами видѣлъ славу и богатство его. Но всѣ народы земные и „будущїя столѣтїя не престали бы дивиться, естьли бы мы захотѣли ему „повиноваться. Какими надеждами онъ „можетъ обольстить насъ? Одни нещастные легковѣрны; одни нещастные „желаютъ перемѣнъ — но мы благоденствуемъ и свободны! благоденствуемъ „отъ того, что свободны! Да молитъ „Іоаннъ Небо, чтобы Оно во гнѣвѣ Своемъ ослѣпило насъ: тогда Новгородъ можетъ возненавидѣть щастїе и пожелать „гибели; но доколѣ видимъ славу свою и „бѣдствїя Княжествъ Рускихъ, доколѣ „гордимся ею и жалѣемъ объ нихъ, дотолѣ права Новогородскїя всего святѣе „намъ по Богѣ.

„Я не дерзну оправдывать васъ, мужи избранные общею довѣренностїю для „правленїя; клевета въ устахъ властолюбїя и зависти недостойна опровержe-

„нія. Гдѣ страна цвѣтетъ и народъ ли-
„куетъ, тамъ правители мудры и добро-
„дѣтельны. Какъ! вы торгуете благомъ
„народнымъ? но могутъ ли всѣ сокро-
„вища міра замѣнить вамъ любовь со-
„гражданъ вольныхъ? Кто узналъ ея
„сладость, щому чего желать въ мірѣ?
„развѣ послѣдняго щастія умереть за
„отечество!

„Несправедливость и властолюбіе
„Іоанна не затмѣваютъ въ глазахъ нашихъ
„его похвальныхъ свойствъ и добродѣте-
„лей. Давно уже молва народная извѣстила
„насъ о его величіи, и люди вольные
„желали имѣть гостемъ Самовластителя;
„искреннія сердца ихъ свободно излива-
„лись въ радостныхъ восклицаніяхъ при
„его торжественномъ въѣздѣ. Но знаки
„усердія нашего конечно обманули Князя
„Московскаго: мы хотѣли изъявить ему
„пріятную надежду, что рука его свер-
„гнетъ съ Россіи иго Татарское: онъ
„вздумалъ, что мы требуемъ отъ него
„уничтоженія нашей собственной воль-
„ности! Нѣтъ, нѣтъ! да будетъ великъ
„Іоаннъ, но да будетъ великъ и Нов-
„городъ! Да славится Князь Московскій
„истребленіемъ враговъ Христіянства,
„а не друзей и не братій земли Руской,
„которыми она еще славится въ мірѣ!

„Да прерветъ оковы ея, не возлагая ихъ „на добрыхъ и свободныхъ Новогородцевъ! „Еще Ахматъ дерзаетъ называть его сво„имъ данникомъ: да идетъ противъ Мон„гольскихъ варваровъ, и вѣрная дружина „наша откроетъ ему путь къ стану Ах„матову! Когда же сокрушитъ врага, „тогда мы скажемъ ему:“ Іоаннъ! ты возвратилъ землѣ Руской честь и свободу, которыхъ мы никогда не теряли. Владѣй сокровищами, найденными тобою въ станѣ Татарскомъ: они были собраны съ земли твоей; на нихъ нѣтъ клейма Новогородскаго: мы не платили дани ни Батыю, ни потомкамъ его! Царствуй съ мудростїю и славою; залечи глубокїя язвы Россїи; сдѣлай подданныхъ своихъ и нашихъ братїй щастливыми — и естьли когда нибудь соединенныя твои Княжества превзойдутъ славою Новгородъ; естьли мы позавидуемъ благоденствїю твоего народа; естьли Всевышнїй накажетъ насъ раздорами, бѣдствїями, униженїемъ: тогда — клянемся именемъ отечества и свободы! — тогда прїидемъ не въ столицу Польскую, но въ царственный градъ Москву, какъ нѣкогда древнїе Новогородцы пришли къ храброму Рюрику; и скажемъ — не Казимиру, но тебѣ: *владѣй нами! мы уже не умѣемъ править собою!*

„Ты содрогаешься, о народъ великодушный! . . . Да идетъ мимо насъ сей „печальный жребій! Будь всегда достоинъ „свободы, и будешь всегда свободнымъ! „Небеса правосудны и ввергаютъ въ рабство одни порочные народы. Не страшись „угрозъ Іоанновыхъ, когда сердце твое „пылаетъ любовію къ отечеству и къ „святымъ уставамъ его; когда можешь „умереть за честь предковъ своихъ и „за благо потомства!

„Но естьли Іоаннъ говоритъ истину; „естьли въ самомъ дѣлѣ гнусное корыстолюбіе овладѣло душами Новгородцевъ; „естьли мы любимъ сокровища и „нѣгу болѣе добродѣтели и славы: то „скоро ударитъ послѣдній часъ нашей „вольности, и *Вечевый колоколъ*, древній „гласъ ея, падетъ съ башни Ярославовой „и навсегда умолкнетъ! . . . Тогда, тогда мы позавидуемъ щастію народовъ, „которые никогда не знали свободы. Ея „грозная тѣнь будетъ являться намъ „подобно мертвецу блѣдному и терзать „сердце наше безполезнымъ раскаяніемъ!

„Но знай, о Новгородъ! что съ погибелію великихъ правъ твоихъ изсохнетъ и самый источникъ твоего богатства: ихъ дѣйствіе оживляетъ трудо-

„любіе, изощряетъ серпы и златитъ „нивы; ихъ дѣйствіе привлекаетъ иностранцевъ въ наши стѣны съ сокровищами торговли; ихъ дѣйствіе окрилляетъ суда Новогородскія, когда они „съ богатымъ грузомъ по волнамъ несутся . . . . Бѣдность, бѣдность наказываетъ недостойныхъ гражданъ, не умѣвшихъ сохранить наслѣдія отцевъ своихъ! Померкнетъ слава твоя, градъ Великій; опустѣютъ многолюдные *Концы* „твои; широкія улицы зарастутъ травою, „и великолѣпіе твое, исчезнувъ навѣки, „будетъ баснею народовъ. Напрасно любопытный странникъ среди печальныхъ „развалинъ захочетъ искать того мѣста, „гдѣ собиралось Вече, гдѣ стоялъ домъ „Ярославовъ и мраморный образъ Вадима: „никто ему не укажетъ ихъ. Онъ задумается горестно и скажетъ только: „здѣсь *былъ* Новгородъ!“ . . .

Тутъ страшный вопль народа не далъ уже говорить Посадницѣ. „Нѣтъ, „нѣтъ! мы всѣ умремъ за отечество!“ восклицаютъ безчисленные голоса: „Новгородъ Государь нашъ! да явится Іоаннъ „съ воинствомъ!“ Марѳа, стоя на Вадимовомъ мѣстѣ, веселится дѣйствіемъ ея рѣчи. Чтобы еще болѣе воспалить умы, она показываетъ цѣпь, гремитъ ею

въ рукѣ своей и бросаетъ на землю: народъ въ изступленіи гнѣва попираетъ оковы ногами, взывая: *Новгородъ Государь нашъ война, война Іоанну!* Напрасно Посолъ Московскій желаетъ еще говорить именемъ Великаго Князя и требуетъ вниманія: дерзкіе подъемлютъ на него руку, и Мареа должна защитить Боярина. Тогда онъ извлекаетъ мечь, ударяетъ имъ о подножіе Вадимова образа, и возвысивъ голосъ свой, съ душевною скорбію произноситъ: „И такъ да будетъ война „между Великимъ Княземъ Іоанномъ и „гражданами Новогородскими! да возвра„тятся *клятвенныя письма* (*)! Богъ да „судитъ вѣроломныхъ!“ . . . Мареа вручаетъ Послу грамоту Іоаннову и принимаетъ Новогородскую. Она даетъ ему стражу и *знамя мира.* Народныя толпы передъ нимъ разступаются. Бояринъ выходитъ изъ града. Тамъ ожидала его Московская дружина.... Мареа, опершись на образъ Вадимовъ, слѣдуетъ за нимъ взоромъ своимъ. Посолъ Іоанновъ садится на коня, и еще съ горестію взираетъ на Новгородъ. Желѣзные запоры стучатъ на городскихъ воротахъ, и Бояринъ тихо ѣдетъ

(*) Клятвенными письмами назывались дружественные трактаты. При объявленіи войны надлежало всегда возвращать ихъ.

по Московской дорогѣ, провождаемый своими воинами. Вечерніе лучи солнца угасали на ихъ блестящемъ оружіи.

Марѳа вздохнула свободно. Видя ужасный мятежъ народа (который, подобно бурнымъ волнамъ, стремился по стогнамъ, и безпрестанно восклицалъ: *Новгородъ Государь нашъ! смерть врагамъ его!*), внимая грозному набату, который гремѣлъ во всѣхъ пяти Концахъ города (въ знакъ объявленія войны), сія величавая жена подъемлетъ руки къ Небу, и слезы текутъ изъ глазъ ея. „О тѣнь моего „супруга!“ тихо вѣщаетъ она съ умиленіемъ: „я исполнила клятву свою! Жре„бій брошенъ: да будетъ, что угодно „Судьбѣ!“... Она сходитъ съ Вадимова мѣста.

Вдругъ раздается трескъ и громъ на великой площади... земля колеблется подъ ногами... набатъ и шумъ народный умолкаютъ... всѣ въ изумленіи. Густое облако пыли закрываетъ отъ глазъ домъ Ярослава и лобное мѣсто... Сильный порывъ вѣтра разноситъ наконецъ густую мглу, и всѣ съ ужасомъ видятъ, что высокая башня Ярославова, новое гордое зданіе народнаго богатства, пала съ *Вечевымъ колоколомъ* и дымится въ своихъ

развалинахъ (*).... Пораженные симъ явленіемъ, граждане безмолвствуютъ... Но скоро тишина прерывается голосомъ, внятнымъ, но подобнымъ глухому стону, какъ будто бы исходящему изъ глубокой пещеры: *О Новгородъ! такъ падетъ слава твоя! такъ исчезнетъ твое величіе!...* Сердца ужаснулись. Взоры устремились на одно мѣсто; но слѣдъ голоса исчезъ въ воздухѣ вмѣстѣ съ словами: напрасно искали, напрасно хотѣли знать, кто произнесъ ихъ. Всѣ говорили: *мы слышали!* никто не могъ сказать, отъ кого? Именитые Чиновники, устрашенные народнымъ впечатлѣніемъ болѣе, нежели самымъ происшествіемъ, всходили одинъ за другимъ на Вадимово мѣсто и старались успокоить гражданъ. Народъ требовалъ мудрой, великодушной, смѣлой Мареы: посланные нигдѣ не могли найти ее.

Между тѣмъ настала бурная ночь. Засвѣтились факелы: сильный вѣтеръ безпрестанно задувалъ ихъ; безпрестанно надлежало приносить огонь изъ домовъ сосѣдственныхъ. Но Тысяцкіе и Бояре ревностно трудились съ гражданами: отрыли *Вечевый колоколъ* и повѣсили на

(*) Лѣтописи наши говорятъ о паденіи новой колокольни и ужасѣ народа.

другой башнѣ. Народъ хотѣлъ слышать священный и любезный звонъ его — услышалъ и казался покойнымъ. Степенный Посадникъ распустилъ *Вече*. Толпы рѣдѣли. Еще друзья и ближнїе останавливались на площади и на улицахъ говорить между собою; но скоро настала всеобщая тишина, подобно какъ на морѣ послѣ бури, и самые огни въ домахъ (гдѣ жены Новогородскїя съ безпокойнымъ любопытствомъ ожидали отцовъ, супруговъ и дѣтей) одинъ за другимъ погасли.

Въ сей уединенный часъ, когда Новгородъ представлялъ образъ мертвой пустыни, Мареа шла въ глубокой задумчивости по его стогнамъ. Молодый, статный воинъ несъ свѣтильникъ передъ нею. Остановились въ *Концѣ Славянскомъ*, и Мареа, брякнувъ серебрянымъ кольцомъ въ свои ворота, сказала юношѣ: *погаси свѣтильникъ!* Онъ бросился на колѣна передъ нею, и Посадница благословила его — именемъ Новаграда, свободы и невинной, любезной Ксенїи.

(*Продолженїе впредь.*)

II.

Дзетангъ, или храмъ предковъ.

Я всегда любилъ Китайцевъ за ихъ постоянную нѣжность къ памяти усопшихъ, особливо родныхъ. Не погребенїемъ и не временемъ траура ограничиваются ихъ должности и знаки любви въ разсужденїи умирающихъ: всякая знатная или богатая фамилїя имѣетъ такъ называемый *храмъ предковъ*, въ которомъ, по крайней мѣрѣ однажды въ годъ, собираются всѣ отрасли ея торжествовать ихъ память. Среди комнаты, на ступеняхъ, возвышается столъ, на которомъ обыкновенно ставятъ образъ славнѣйшаго изъ предковъ фамилїи, то есть, славнѣйшаго добродѣтелїю и похвальными свойствами. На другихъ столахъ, съ обѣихъ сторонъ, находятся изображенїя или только одни имена мужчинъ, женщинъ и дѣтей, съ замѣчанїемъ, что они были и какихъ лѣтъ скончались.

Весною, когда все оживаетъ и сердце хочетъ радоваться цвѣтущею Природою вмѣстѣ со всѣми ему любезными, не рѣдко терзаетъ насъ мысль, что любезнѣйшаго изъ нихъ уже нѣтъ на свѣтѣ!...

И такъ чувствительный Китаецъ избралъ весну для собранія въ храмѣ предковъ. Всякой видитъ тамъ образъ милыхъ усопшихъ, съ которыми ему хотѣлось бы наслаждаться бытіемъ своимъ; всякой старается воспоминать ихъ дѣла, свойства, привычки, склонности, разговоры. Сей день можно назвать днемъ воскресенія. Нѣтъ различія въ состояніяхъ: ремесленникъ, земледѣлецъ и Мандаринъ, принадлежащіе къ одной фамиліи, дѣлаются равными; только старшій лѣтами, иногда самый бѣднѣйшій, имѣетъ преимущество въ семъ торжественномъ собраніи: будучи всѣхъ ближе къ мертвымъ, онъ кажется всѣхъ почтеннѣе и милѣе.

Богатѣйшіе изъ родственниковъ приносятъ пшено, мясо, плоды и вино для обѣда. Зажигаютъ множество свѣтильниковъ, и пріятные ароматы курятся въ освященной храминѣ.

Для чего Европейцы не подражаютъ сему трогательному, любезному обыкновенію? Мы знаемъ много, знаемъ все, и считаемъ другіе народы младенцами; но сіи младенцы не рѣдко могутъ быть для насъ учителями въ искусствѣ благородныхъ человѣческихъ наслажденій. Или мы боимся напоминать себѣ тлѣнность

жизни? . . . Одинъ Философъ сказалъ, что для высочайшей степени душевнаго удовольствія необходима мысль о смерти: я думаю, что онъ зналъ человѣческое сердце. . . .

(*Изъ Нѣм. Жур.*)

III.

Римская роскошь въ четвертомъ вѣкѣ.

По вѣрному описанію Рима, до насъ дошедшему, въ сей столицѣ свѣта было, около половины четвертаго вѣка, 1780 великолѣпныхъ домовъ, изъ которыхъ многіе походили на маленькой городокъ, вмѣщая въ стѣнахъ своихъ храмы, лавки, ристалища, колодези, бани, крытыя гульбища, сѣнистые гроты и птичники, изображенные Поэтомъ сего времени въ слѣдующихъ двухъ стихахъ:

Пернатыя весну поютъ
Въ лѣсахъ, стѣнами обнесенныхъ.

Богатство Римскихъ вельможъ отвѣтствовало такимъ великолѣпнымъ жилищамъ. Нѣкоторые Сенаторы имѣли съ помѣстьевъ своихъ ежегоднаго доходу гораздо болѣе милліона рублей, кромѣ своего вина и хлѣба, цѣною (можетъ быть)

тысячь на двѣсти. 300,000 или 400,000 Рублей составляли обыкновенный доходъ Сенатора, который для народнаго удовольствія обязанъ былъ давать роскошные пиры. Въ сіе время многіе знатные Римляне, получая достоинство Преторовъ, дней шесть или семь угощали народъ, и болѣе 600,000 рублей издерживали на сіи праздники.

Владѣнія Римскихъ Сенаторовъ, съ которыми помѣстья нынѣшнихъ богачей никакъ не могутъ равняться, ограничивались не одною Италіею, а были вездѣ, гдѣ господствовалъ Римъ, повелѣвавшій цѣлымъ извѣстнымъ тогда свѣтомъ. Такимъ образомъ, по словамъ Гіеронима, добродѣтельная Паула владѣла городомъ Никополисомъ, который основалъ Августъ въ память своей побѣды при Акціумѣ; а Сенека говоритъ, что рѣки, служившія нѣкогда предѣлами народовъ, текли въ его время между владѣніями частныхъ людей.

Уже воинское славолюбіе не влекло богатыхъ Римлянъ изъ нѣдръ пышной столицы на поле битвы; даже и гражданскіе чины, сопряженные съ должностію, казались имъ несноснымъ бремене мъ. Торговля всегда считалась въ Римѣ неблагороднымъ промысломъ: сія гордость и тогда еще была въ силѣ своей;

но Сенаторы не стыдились умножать богатства лихоимствомъ, и рѣдко довольствовались законными, то есть шестью процентами, которые (что удивительно) могли брать, по государственному уставу, только *молодые* Сенаторы. Богатый, сластолюбивый Римлянинъ окруженъ былъ толпами невольниковъ, купцовъ и художниковъ, которые безпрестанно смотрѣли ему въ глаза, чтобы угадать и въ минуту исполнить его волю; невольники боялись наказанія, а купцы и художники надѣялись на щедрость вельможи.

Однакожь Римскіе богачи не знали многихъ пріятностей, которыми нынѣ и самые бѣдные наслаждаются: на примѣръ, изобрѣтеніе полотна и стекла доставляетъ удобности въ жизни, гораздо важнѣйшія всѣхъ утонченій пышной роскоши Римскаго Сенатора. Такъ Арбутнотъ говоритъ въ шутку, что бѣдный Августъ не могъ купить стеколъ для своихъ оконъ и полотна на рубашку!

Къ *хорошему тону* богатаго Римлянина принадлежало то, чтобы онъ имѣлъ нѣсколько мраморныхъ и бронзовыхъ статуй своихъ (иногда обложенныхъ золотомъ), давалъ себѣ пять или шесть гармоническихъ именъ, ѣздилъ по улицамъ на высокой колесницѣ, въ богатой шелко-

вой или пурпуровой одеждѣ, и такъ прыпко, какъ Руской курѣръ. Сему примѣру молодыхъ вельможъ слѣдовали и дамы, въ закрытыхъ колесницахъ скакавшія отъ утра до вечера по городу и предмѣстіямъ. Сіи колесницы были почти всегда изъ кованаго серебра, искусно выработаннаго; а шоры на лошадяхъ съ золотыми барельефами. Однакожь простыя нынѣшнія кареты на Англійскихъ ресорахъ гораздо лучше и покойнѣе драгоцѣнныхъ Римскихъ, которыя скорѣе можно назвать большими серебряными телѣгами, прибитыми къ двумъ осямъ, и почти безъ всякой защиты отъ солнца, дождя и непогоды. Модный Римлянинъ распускалъ длинную мантію свою по вѣтру, чтобы показывать свое полукафтанье, на которомъ вышивались фигуры звѣрей, медвѣдей, львовъ, тигровъ, лѣса, травля и проч. Набожные модники изображали на немъ святыхъ Патроновъ своихъ и разныя чудеса. — Богачи любили являться въ народныхъ баняхъ, чтобы хвастаться своею одеждою, драгоцѣнными украшеніями и смотрѣть съ гордою жалостію на бѣднѣйшихъ согражданъ.

Чтобы наслаждаться сельскою жизнію, Римляне ѣзжали въ хорошее время на раскрашенныхъ галерахъ по Лукрин-

скому озеру въ загородные великолѣпные домы, бывшіе на берегахъ Путеоли и Гаетѣ. Отъ мухъ и жара защищались они шелковыми, вызолоченными опахалами. Въ такомъ случаѣ вся домашняя услуга провожала господина. Оффиціанты, съ жезломъ въ рукѣ, знакомъ ихъ достоинства, шли передъ толпою невольниковъ и слугъ. Цѣлый эскадронъ конницы (на славныхъ Нумидскихъ лошадяхъ) извѣщалъ облаками пыли о выѣздѣ знатнаго господина. Тамъ являлись лошаки, навьюченные всѣми принадлежностями гардероба, драгоцѣнными вазами и тлѣнными сосудами изъ кристалла и мурры, которые считаются нынѣшнимъ Китайскимъ или Японскимъ фарфоромъ. За ними шло множество поваровъ и прислужниковъ кухни. Средину сей *арміи* составляли вольные люди, находившіеся въ услугахъ знатнаго господина; а позади *лейб-гвардія* евнуховъ вела молодыхъ невольницъ, имъ ввѣренныхъ; нѣжныя лица красавицъ были намазаны сдѣланною въ аптекахъ помадою, которая хранила кожу отъ дѣйствія жара и холода.

Домашняя полиція зависѣла единственно отъ воли господина, который иногда тиранилъ невольниковъ за то, что они не скоро подавали ему воды,

и прощалъ убійцу, говоря, чтобы онъ впредь не былъ такъ вспыльчивъ!

Къ ужину звали всегда льстецовъ, угодниковъ, забавниковъ, которые, видя на столѣ большихъ птицъ, крысъ (glires) или рыбъ, кричали: *о великой мужъ! чего нѣтъ у тебя!* Всякую птицу или рыбу невольники вѣсили передъ глазами гостей, и Нотаріусы записывали въ книгу ихъ вѣсъ ко славѣ хозяина.

Игра была другимъ способомъ войти въ домъ. Кто хорошо игралъ въ *тессеру* (родъ нашего триктрака), тотъ могъ быть увѣренъ въ ласковомъ пріемѣ и въ почтеніи людей. Доска раздѣлялась на 12 квадратовъ, гдѣ ставились двѣ арміи, бѣлая и черная: всякая состояла изъ 15 человѣкъ или шашекъ, передвигаемыхъ по законамъ игры и костямъ. Библіотеки выходили уже изъ моды; но за то во всякомъ домѣ было множество театральныхъ орудій, флейтъ, огромныхъ лиръ, гидраулическихъ органовъ; и въ Римскихъ палатахъ отъ утра до вечера гремѣла инструментальная и вокальная музыка.

Малѣйшее сомнѣніе о здоровьѣ человѣка удаляло отъ него самыхъ короткихъ друзей, и слуга, посланный объ немъ навѣдаться, долженъ былъ, прежде возвращенія къ господину, зайти въ баню и вы-

мыться. Суевѣріе также царствовало въ кругу богатыхъ Римлянъ. Многіе не смѣли купаться, сѣсть за столъ или явиться въ публикѣ, не справясь съ наблюденіями Астрологіи, и не узнавъ, въ какомъ положеніи находятся Планеты. Самые Скептики, которые не хотѣли вѣрить Вышнему Существу, вѣрили симъ нелѣпостямъ!

(*Изъ Нѣм. Жур.*)

IV.

Описаніе Гишпанскаго театра.

Англійскій путешественникъ, бывъ долгое время въ Гишпаніи и въ Португаліи, недавно выдалъ на Англійскомъ языкѣ замѣчанія, сдѣланныя имъ въ сихъ двухъ Королевствахъ. Мы переведемъ изъ его книги описаніе Гишпанскихъ спектаклей.

„Внутренность театра бываетъ всегда выкрашена голубою и желтою краскою, безъ позолоты и безъ всякихъ другихъ украшеній. Ложи нанимаются обыкновенно на три мѣсяца; а въ партерѣ бываютъ одни мущины, и сидятъ на большихъ креслахъ; за ними стоятъ ла-

кеи. Галереи занимаются однѣми женщинами, и никто изъ мущинъ не смѣетъ заглянуть туда. Одинъ Гишпанскій Офицеръ былъ разжалованъ за то, что онъ вошелъ въ сіе святилище женскаго пола.

„Первая ложа надъ входомъ принадлежитъ всегда городскому начальнику; она украшена Королевскимъ гербомъ и шелковымъ краснымъ занавѣсомъ; а на верху большими золотыми буквами написано: *молчите и не курите табаку!*

„Первая піеса бываетъ всегда комедія, весьма не моральная, а вторая опера, въ которой актеры похожи на арлекиновъ, и до крайности неопрятны. Спектакль заключается *фарсомъ*, котораго все достоинство состоитъ въ подлыхъ шуткахъ и глупостяхъ. Актеры не столько думаютъ о своей ролѣ, сколько о томъ, чтобы вымарать себѣ лицо сажею и кривляться страшнымъ образомъ, такъ, что они похожи болѣе на чертей, нежели на комедіантовъ. Суфлёръ сидитъ посреди театра за щитомъ и кричитъ во все горло; естьли кто нибудь изъ актеровъ скажетъ слово безъ его дозволенія, то онъ перерываетъ піесу, начинаетъ браниться, а не рѣдко бросаетъ и книгу имъ въ лицо. Это забавляетъ Гишпанцевъ лучше са-

мой остроумной комедіи; не надобно спорить о вкусахъ.

„Для того, чтобы зрители не заснули въ антракпахъ, имъ показываютъ на театрѣ удивительныя вещи: на примѣръ, чучелы животныхъ, какихъ нѣтъ въ натурѣ, или гору Парнассъ съ Пегасомъ, которые такъ соразмѣрны величиною, что можно и Пегаса поставить на Парнассъ и Парнассъ на Пегаса. Иногда же всходятъ на сцену дѣти, играютъ и дерутся между собою для забавы зрителей.

„Желаете ли знать, какъ на Гишпанскихъ театрахъ представляютъ ночь? Два человѣка приносятъ широкую доску, заслоняютъ ею плошки, а музыканты въ оркестрѣ задуваютъ свѣчи: вотъ царство ночи! Занавѣсъ поднимается также съ удивительнымъ искусствомъ. Нижній конецъ его навитъ на круглой шестъ, къ серединѣ котораго привязана веревка; другой конецъ ея проведенъ черезъ блокъ въ кулисы. Человѣкъ, взявъ его въ руку, прыгаетъ съ лѣсницы на полъ, и тягостію своею поднимаетъ занавѣсъ. Таково совершенство механическихъ искусствъ въ Гишпаніи и Португаліи!

„По особенному обыкновенію Мадритскаго театра зрители не платятъ при входѣ; а когда займутъ свои мѣста,

тогда являются съ тарелками слуги Директора и собираютъ деньги."

V.

Новая шашечная игра.

Францискъ Джакометти, Членъ Народнаго Парижскаго Института, выдумалъ новую шашечную игру, которую онъ назвалъ *военною*, и поднесъ ея описаніе Первому Консулу. Предметъ или конецъ игры есть взять *крѣпость*: имя главной шашки, противъ которой устремлены всѣ движенія арміи. На доскѣ означено 153 мѣста, изъ которыхъ 9 въ ширину, а 17 въ длину. Она представляетъ поле сраженія, раздѣленное рѣкою. Каждая армія защищаетъ свою крѣпость и старается взять непріятельскую. Шашки суть слѣдующія: пѣхота и Генералъ ея; конница и Генералъ конницы; Генералъ-Поручикъ и Предводитель арміи; пушки и мортиры; бастіоны, ретраншементы, крѣпость, лѣсницы и мосты. — Авторъ описываетъ, какимъ образомъ ставить шашки; какъ идетъ или располагается армія; какъ перебираться черезъ рѣку и нападать на укрѣпленія, производить въ чины и брать

въ плѣнъ; въ чемъ состоитъ побѣда и мирный трактатъ. Сія игра всего болѣе можетъ нравиться военнымъ людямъ, которые въ нынѣшнее мирное время остаются безъ дѣла.

VI.

Генералъ Лефеверъ.

(Изъ Новаго собранія геройскихъ дѣлъ Французской арміи)

Шесть мѣсяцевъ армія Генерала Лефевра (нынѣшняго Сенатора) терпѣла всѣ возможные недостатки. Солдаты его, почти нагіе среди глубокихъ снѣговъ, всякой день умирали отъ жестокой зимы и голода, который еще страшнѣе смерти и свирѣпости элементовъ.

Шерстяныя одѣяла, выпрошенныя у добросердечныхъ жителей, къ которымъ принесли они войну и ужасы ея, служатъ имъ вмѣсто мундировъ и едва наготу закрываютъ. Не имѣя башмаковъ и всходя на крутизны, къ босымъ, окровавленнымъ ногамъ своимъ привязываютъ они солому, и въ такой обуви идутъ по камнямъ и льду, который днемъ морозитъ ноги ихъ, а ночью служитъ имъ

опасною постелею. Блѣдные воины томятся медленною смертїю вокругъ издыхающихъ лошадей своихъ, которыхъ сухое мясо, вмѣстѣ съ дикими травами, составляютъ ихъ единственную пищу.

Сїе ужасное состоянїе почти всѣхъ нашихъ армїй было нещастнымъ слѣдствїемъ внутреннихъ раздоровъ. Напрасно Генералъ Лефевръ, раздѣляя всѣ недостатки съ солдатами, даетъ имъ примѣръ терпѣнїя и мужества, которое еще удивительнѣе храбрости въ битвахъ и презрѣнїя смерти подъ свистомъ пуль; напрасно отдаетъ послѣднїй кафтанъ свой слабѣйшему изъ воиновъ! Ропотъ начинается, а за нимъ и явный бунтъ, въ самой тотъ день, когда надлежало отважиться на рѣшительное сраженїе. Солдаты бросаютъ оружїе и не хотятъ сражаться. Лефевръ заклинаетъ ихъ именемъ отечества; говоритъ съ тою твердостїю, которая должна воспалить послѣднюю искру геройства; представляетъ имъ славу и необходимость побѣды. Но долгое страданїе ожесточило сердца ихъ, и многїе хотятъ отдаться непрїятелю.

Между тѣмъ гремитъ Австрїйская артиллерїя и разитъ сїю нещастную армїю, которая не хочетъ обороняться. Что сдѣлать въ сей ужасной крайности

предводителю? Отчаянїе служитъ ему вдохновенїемъ. „Смерть," говоритъ онъ солдатамъ, „смерть спасетъ меня отъ „такого стыда. Ваше гнусное малодушїе „получитъ свою награду. Отдайтесь не-„прїятелю: темницы Австрїйскїя ожи-„даютъ васъ. Естьли не смѣете сражаться, „то падете отъ пуль непрїятельскихъ. „Солдаты! я отъ васъ умираю!"

Сказавъ, онъ приставилъ къ груди своей пистолетъ. Солдаты, изумленные, тронутые, закричали въ одинъ голосъ: *къ ружью! къ ружью! впередъ!* Самые непослушные упали къ ногамъ Генерала, и клянутся умереть или побѣдить.

Въ самую ту минуту, когда они берутъ оружїе, идутъ противъ непрїятеля, вдругъ и нечаянно привозятъ имъ хлѣбъ: Генералъ велитъ раздать его. Но ревность побѣды усыпила чувство голода. Всѣ кричатъ: *мы будемъ ѣсть послѣ сраженїя!* . . сражаются и побѣждаютъ!

VII.

Супружеская молитва.

Одинъ смиренный мужъ имѣлъ обыкновенье,
Вставая ото сна и отходя ко сну,
Такое приносить моленье:
„Хранитель Ангелъ мой! спаси мою жену:
Не дай упасть ей въ искушенье!
А ежели ужь я . . . не дай про то мнѣ знать;
А естьли знаю я, то дай мнѣ не видать;
А естьли вижу я — даруй ты мнѣ терпѣнье!“

— въ.

VIII.

СТИХИ

*Къ П*** И*** Б — ой.*

Такъ, *чувство* (*) лишь одно внушаетъ
Любезность истинную намъ;
Его ничто не замѣняетъ!..
Искуство можетъ дать цвѣтамъ
Всѣ краски, образъ ихъ прелестной;
Но можетъ ли имъ дать оно
Природной запахъ ихъ небесной?
Искусству столько не дано. —
Пускай дохнетъ свирѣпой силой
На нѣжну лилію Борей:

(*) Эта почтенная женщина сказала Автору, что она *дѣлаетъ все по чувству своему.*

Хотя поблекъ ея видъ милой,
Но жизнь и духъ остались съ ней.
Не льзя не быть въ вещахъ премѣнѣ —
Снесемъ законъ безъ горя сей!
Теперь на Таліиной сценѣ (*)
Плѣняешь ты игрой своей;
Забавы разны вымышляешь
Въ безхитростномъ кругу своемъ;
Душей веселія бываешь,
И каждый сердцемъ веселъ въ немъ.
Теперь улыбкою одною
Манишь къ себѣ подругъ своихъ —
И Граціи всегда съ тобою:
Амуръ жъ вѣчно въ свитѣ ихъ.
Забавъ, веселій шумныхъ время
Пройдетъ, извѣстно, наконецъ;
Но жизнь тебѣ не будетъ бремя:
Любезность есть магнитъ сердецъ.
Она надъ ними не теряетъ
Волшебной силы никогда;
Сама собой ихъ привлекаетъ,
Сама собой мила всегда!
Скажу: ты сей магнитъ имѣешь:
Онъ *въ чувствѣ* сердца твоего;
Навѣкъ сердцами ты владѣешь
Щастливымъ дѣйствіемъ его.

К. III — въ

(*) Она играетъ прекрасно въ комедіяхъ.

ПОЛИТИКА.

I.

О дѣлѣ Карнатскаго Набаба, которымъ долженъ нынѣ заняться Англійскій Парламентъ.

(Изъ Французскаго Журнала.)

Общество Англійскихъ купцовъ царствуетъ въ Индіи, истребляетъ народъ въ сихъ благословенныхъ странахъ и свергаетъ Царей съ троновъ. Что въ Европѣ показалось бы ужаснымъ беззаконіемъ, то въ Индостанѣ кажется весьма законно. Философы говорятъ, что Политика и Мораль перемѣняются съ климатами! Генералы сего Англійскаго торговаго общества, завладѣвъ областями Мизорскаго Султана, славнаго Типпо-Саиба, между бумагами сего нещастнаго Царя нашли доказательство, что Набабъ Карнатской желалъ успѣха его оружію. Набабъ умеръ, избравъ въ наслѣдники Али Гуссеина, сына своего; но Англійская Компанія отняла корону у сего Князя, въ наказаніе за дружескую связь его отца съ Мизорскимъ Султаномъ.

Теперь Али-Гуссеинъ судится въ Англійскомъ Парламентѣ, какъ нѣкогда Цари судились въ Римскомъ Сенатѣ. Докажутъ безъ сомнѣнія, что владѣтель, который для сохраненія областей своихъ дружится съ непріятелемъ Англійскихъ купцовъ, долженъ быть разжалованъ изъ владѣтелей; но естьли такія правила утвердятся въ Европѣ, то Государямъ надобно будетъ жечь свои бумаги.

Сіе дѣло, подобно всѣмъ прежнимъ жалобамъ на Агентовъ Индѣйской Компаніи, обнаружитъ многія злодѣйства и жестокости; человѣчество содрогнется; женщины упадутъ въ обморокъ на Парламентскихъ галлереяхъ; Журналы прославятъ такую чувствительность Англичанокъ; Али останется безъ княжества; можетъ быть, заставятъ Компанію дать ему пенсію — на одной бумагѣ; можетъ быть, въ самое теченіе процесса другіе Набабы лишатся своихъ владѣній: ибо найденныя въ Серингапатамѣ бумаги еще не всѣ пересмотрѣны!

Когда спросили у дремлющаго Санхо Пансо: *что ты дѣлаешь?* онъ съ гордостію отвѣчалъ: *царствую.* Когда въ Индіи, а не рѣдко и въ самой Европѣ проливается кровь, можно спросить у Ан-

гличанъ: *что вы дѣлаете?* Они не задумавшись скажутъ намъ: *торгуемъ!*

II.

О политической системѣ Англіи и Франціи.

(Изъ Morning Chronicle.)

Сравнивая расположеніе и характеръ Французскаго Правленія съ Англійскимъ Министерствомъ, находимъ основательную причину безпокоиться. Что пользы доказывать властолюбивыя намѣренія Консула и славить кроткое, снисходительное миролюбіе Аддингтона! Такое сравненіе моральныхъ свойствъ ни мало не утѣшительно, пока агнцамъ опасно засыпать у ногъ льва и тигра. Аддингтонова слабость, при всѣхъ добродѣтеляхъ, которыми друзья его стараются ее закрашивать, не можетъ быть въ равновѣсіи съ силою Наполеона Бонапарте. Надобно оставить должность моральнаго ценсора и размыслить, какая политическая система можетъ сохранить достоинство и независимость Англіи. Не льзя вѣрить однимъ словамъ, когда Бонапарте увѣряетъ насъ въ своемъ миролюбивомъ расположеніи, и велитъ Французскимъ Журналистамъ

бранить людей, хотящихъ воспалить огонь войны въ Европѣ; разумѣется, что онъ указываетъ пальцомъ на Англійскихъ Министровъ. Даже въ самой тотъ день, какъ Сенатъ его торжественно утвердилъ Піемонтъ за Францією, Консулъ съ жаромъ говорилъ о врагахъ мира, желающихъ *снова поссорить Европейское семейство.* Однакожь надобно признаться, что онъ исполняетъ свои намѣренія съ умомъ, талантомъ и твердостію. Цѣль его есть власть и слава. Въ сраженіяхъ и переговорахъ у него одна система, одна смѣлость, одна страсть дѣлать трудное легкимъ. Слабое наше сопротивленіе умножаетъ только блескъ Наполеоновыхъ успѣховъ. Онъ напередъ всякое требованіе рѣшитъ въ свою пользу; бѣдные противники, сказавъ нѣсколько боязливыхъ словъ, на все согласны, и печальнымъ видомъ своимъ показываютъ только, что они соглашаются не вольно!

Противъ такого сосѣда, который и въ мирное время умѣетъ распространять завоеванія, надобно вооружиться смѣлою и твердою Дипломатикою, подобною его собственной. Робкія убѣжденія и сонливые переговоры безполезны. Но только люди съ великими талантами и славнымъ именемъ могутъ имѣть сію рѣшительность. Отъ

нынѣшнихъ Министровъ своихъ не можемъ ожидать ее. Для нихъ будетъ даже опасно взять на себя такую отважность: ихъ таланты и слава не даютъ имъ ни малаго на то права. Смѣлость удается только великимъ умамъ и характерамъ. Бонапарте это знаетъ, и не боится ихъ. Во всякомъ спорномъ дѣлѣ онъ донынѣ одерживалъ верхъ. На примѣръ, Министры Англїйскїе хотѣли удивить насъ своею твердостїю во время Амьенскихъ переговоровъ и вдругъ начали вооружать флоты: что же? мирный трактатъ подписанъ, и всякая статья его для Францїи выгоднѣе самыхъ предварительныхъ Лондонскихъ условїй. Мудрено ли, что Консулъ, видя ихъ слабость, требуетъ, отвергаетъ, говоритъ только *хочу* и *такъ надобно*? Онъ знаетъ, что, не смотря на минутное противорѣчїе, они уступятъ наконецъ его твердости — и такою системою всегда выигрываетъ у нашихъ Министровъ. Быстрыя завоеванїя меча не столь опасны, какъ сїи дипломатическїя побѣды. Съ одной стороны раждается навыкъ властвовать, а съ другой уступать. *Духъ повелительности* и *духъ робости* дѣлаются особеннымъ характеромъ Французскаго и нашего Правленїя.

Видя такого страшнаго, властолюбиваго, ничѣмъ недовольнаго совмѣстника, должны мы противопоставить ему все то, что наиболѣе славится въ Англїи умомъ и талантами. Надобны Министры, которые умѣли бы править иностранными дѣлами, имѣть влїянїе на Кабинеты Европы, ограничить Францїю на твердой землѣ; но для сего потребно великое, славное имя, вселяющее довѣренность. Съ Цесаремъ можно сѣсть и на лодку; но захотятъ ли Правители Европы ввѣрить себя волнамъ съ обществомъ людей безъименныхъ? Вотъ причина того, что мы всѣми оставлены и преданы врагу нашему. Одни, повторяю, одни великїе таланты могутъ остановить Францїю въ надлежащихъ предѣлахъ. Тогда увидитъ Бонапарте, что въ мирное время нельзя быть завоевателемъ, и перемѣнитъ свою деспотическую систему; а теперь онъ миромъ прїобрѣлъ болѣе того, что Лудовикъ XIV прїобрѣлъ всѣми щастливыми войнами. Въ самомъ дѣлѣ, на что ему желать явной войны? Онъ увѣренъ, что нынѣшнїе Англїйскїе Министры не будутъ противиться его успѣхамъ. Они не имѣютъ славы, которая уже есть сила: угрозы имъ не приличны, и голосъ ихъ скоро показалъ бы, что онъ не есть

голосъ величественнаго льва. Консулъ наказалъ бы ихъ за дерзость новыми требованіями, и мы на все бы согласились, чтобы его умилостивить.

III.

О восточномъ и западномъ народѣ.

(Извѣстно, что Консулъ Бонапарте въ разговорѣ съ Фоксомъ всѣ народы раздѣлилъ на два, и назвалъ Европейцевъ однимъ семействомъ. Слѣдующая піеса, взятая изъ Парижскаго Журнала, изъясняетъ мысль его.)

Раздѣленіе земли на два народа есть въ самомъ дѣлѣ глубокая мысль, непонятная для ума обыкновеннаго. Ихъ можно вообразить двумя рѣками, которыя текутъ вмѣстѣ, не смѣшивая водъ своихъ, и неизмѣнно сохраняютъ сіе различіе до самыхъ отдаленныхъ странъ, гдѣ глазъ уже теряетъ ихъ изъ виду. Восходя въ лѣтописяхъ до извѣстнаго происхожденія народовъ, мы видимъ уже и тамъ слѣды ихъ различія, особенные нравы, особенныя идеи и права общественности.

Нація, которую можно назвать *восточною*, сохранивъ для насъ преданія древнѣйшаго міра, сохранила и его нравы, обычаи, законы; и духъ, заимствованный

Персами отъ Ассирійцевъ, перешелъ въ цѣлости своей къ Пареамъ, Арабамъ, Туркоманамъ и всѣмъ другимъ варварскимъ народамъ, которые населяли и опустошали сію прекрасную часть земнаго шара, колыбель рода человѣческаго.

Въ то время, когда Греки воевали съ Персами, уже явно различаются характеръ и нравы сихъ двухъ главныхъ народовъ. Одинъ показываетъ болѣе роскоши и менѣе законовъ, болѣе нѣги и дикости: ибо роскошь и нѣга происходятъ не столько отъ успѣховъ общественности, сколько отъ законовъ. Тогда воля Монарха была единственнымъ уставомъ для Персовъ. По Религіи и образу своего правленія они считали весь міръ его собственностію, всѣ другіе народы данниками или врагами, ихъ законы преступленіемъ его велѣній, а сопротивленіе бунтомъ. Не было иныхъ правъ, иныхъ отношеній между ими, кромѣ власти господина надъ рабами; а какъ рабы не имѣютъ ни правъ, ни собственности, то отнятіе ихъ имѣнія не казалось беззаконнымъ насиліемъ.

Сей духъ древнихъ Монарховъ Востока не измѣнился отъ разныхъ вѣръ, которыя тамъ одна послѣ другой господствовали. Отъ того ли, что жаркій климатъ

противился отвлеченнымъ идеямъ и строгой святости Христіянства, или слабость Греческой Имперіи казалась презрительною восточнымъ народамъ; только сія эпоха, въ которую обѣ части міра могли бы весьма легко соединить нравы, языкъ и религію свою, еще болѣе раздѣлила ихъ. Весь Востокъ, отставъ мало по малу отъ многобожія, Іудейства и Христіянства, скоро получилъ другой характеръ единообразія, когда народы отчасти свободно, отчасти неволею, приняли новую вѣру Магометанскую.

Римъ былъ въ Европѣ источникомъ Религіи, нравовъ, особеннаго и народнаго права, которыя изъ всѣхъ ея народовъ составили одинъ, раздѣленный на многія семейства. Въ среднихъ вѣкахъ видимъ одно феодальное правленіе, во время Крестовыхъ походовъ одну армію, во время рыцарства одинъ духъ чести — и единство Вѣры, которою управлялъ одинъ Папа, еще болѣе сближало націи.

Такимъ образомъ оба народа, различные нравами, пользами и Религіею, долженствовали имѣть особенный характеръ, особенную (такъ сказать) физіогномію. Понятія ихъ о чести, правосудіи и собственности были столь же различны. То, что западный міръ издавна называетъ

народнымъ правомъ, донынѣ неизвѣстно народамъ, живущимъ въ сѣверной Африкѣ. Французскій Министръ иностранныхъ дѣлъ справедливо сказалъ объ нихъ, что они „не знаютъ никакихъ народныхъ правъ, „кромѣ законовъ ихъ полиціи, которая, „дозволяя во многихъ случаяхъ насиліе про„тивъ своихъ единоземцевъ, еще менѣе обо„роняетъ иностранцевъ, и даже признаетъ „мужественнымъ того, кто накажетъ „Европейца какъ непріятеля.“ Вотъ слѣдствіе ихъ Правленія, Морали и Вѣры!

Сіе различіе между восточными и западными народами препятствовало сообщенію между ими. Какъ скоро сѣверная Африка, столь драгоцѣнная для Римлянъ, приняла Магометанскую вѣру и восточные нравы, она совершенно отстала отъ Европы. Теперь Алжиръ и Марокъ намъ менѣе извѣстны, нежели острова южнаго Океана. Отъ предѣловъ Египта до пролива Гибралтарскаго всѣ народы живутъ во всегдашней войнѣ съ Европейцами, и должны такъ жить по ихъ духу, обычаямъ и вѣрѣ. Минутное пресѣченіе военныхъ дѣйствій бываетъ только перемиріемъ, купленнымъ постыдною данью: условіе, всегда нарушаемое, какъ скоро есть надежда сдѣлать другое выгоднѣйшее. Сіе

происходитъ отъ различныхъ мыслей о справедливости, чести и собственности.

Націи западнаго міра живутъ между собою по лучшимъ и справедливѣйшимъ уставамъ, которые суть плодъ ихъ свѣдѣній и просвѣщенія. Узнавъ, что народы должны быть источникомъ правленія, онѣ сдѣлали законы для взаимнаго блага частныхъ людей и народовъ. Первые названы *гражданскимъ уложеніемъ*, вторые *правомъ народнымъ*, и преступленіе ихъ считается во всей Европѣ постыднымъ. Можно утвердительно сказать, что не только частныхъ государственныхъ уложеній не льзя перемѣнить безъ замѣшательства, но что нарушеніе и самыхъ общихъ законовъ, соединяющихъ народы, можетъ подвергнуть Европу великимъ опасностямъ и лишить ее плодовъ долговременнаго просвѣщенія, дѣйствія двадцати вѣковъ. Правда, что сіи общіе, во многомъ не весьма ясные уставы, имѣли своимъ основаніемъ одно общественное мнѣніе, не опредѣленное и часто сомнительное; но отъ времени до времени являлись великіе Писатели, которые собирали и приводили въ систему элементы сего мнѣнія, и основали его наконецъ на вѣрныхъ правилахъ. Европа, убѣжденная Философами, освятила сіи

правила долговременнымъ ихъ исполненіемъ, хотя безмолвнымъ, но общимъ и торжественнымъ.

Однакожь нѣкоторыя статьи сего народнаго права служатъ еще предметомъ споровъ, и Державы толкуютъ ихъ иногда сообразно съ ихъ частными выгодами.

Война *на сухомъ пути* имѣетъ правила великодушныя, неизвѣстныя Древнимъ. Мы уже не считаемъ плѣнниковъ рабами и не беремъ ихъ собственности, ибо отличаемъ людей отъ Правленія. Завоеватель можетъ только взять собственность Государя или Начальства, и наложить подать, которую оно собирало съ народа. Но *война морская*, за изключеніемъ рабства, сохранила свои древніе обычаи и не отличаетъ собственности Правительства отъ имѣнія гражданъ. Можетъ быть сіе отступленіе извинительно. Опасности на сухомъ пути и на морѣ различны. Сражаясь съ огнемъ и желѣзомъ непріятеля, флотъ сражается еще и съ волнами. Слава казалась недостаточнымъ побужденіемъ для морскаго воина: съ нею соединили еще приманку корысти.

По крайней мѣрѣ ни одинъ народъ не можетъ жаловаться на грабежъ морской войны, ибо всѣ имъ пользуются; онъ

составляетъ часть условія, извѣстнаго подъ именемъ народнаго права.

Но есть еще другія права, дѣйствіе силы — права, которыхъ требуетъ изключительно одинъ народъ, и которыя отдѣляютъ его отъ общаго Европейскаго союза. Къ нимъ принадлежитъ власть отнимать корабли мирныхъ Державъ, нагруженные товарами для непріятельской Державы, и право осматривать купеческіе флоты, спокойно плывущіе подъ защитою военныхъ кораблей своихъ. Сія властъ, ненавистная всѣмъ Европейскимъ народамъ, есть только слѣдствіе превосходныхъ морскихъ силъ Англіи, и должна исчезнуть съ ними. Тогда она не будетъ уже частію народнаго устава, который хранитъ слабаго отъ обиды сильныхъ, соединяетъ всѣ отрасли великаго семейства и служитъ преградою для частнаго самовластія.

IV.

Открытіе Англійскаго Парламента.

Парламентъ открылся, по обыкновенію, рѣчью съ трона. Король изъявилъ надежду, что Парламентскіе Члены будутъ

ревностно способствовать всѣмъ твердымъ мѣрамъ для сохраненія Великобританской чести, и что они не откажутъ ему въ нужныхъ суммахъ для содержанія армїи и флота, видя обстоятельства времени. Послѣ сего начались въ обоихъ Парламентахъ жаркія и любопытныя прѣнія.

Засѣданіе Верхняго Парламента 23 Ноября.

Лордъ Нельсонъ. Съ сердечнымъ удовольствїемъ изъявляю Трону признательность мою за его намѣреніе утвердить честь Англїи въ системѣ Европы. Война не истощила нашихъ способовъ. Ничто не могло бы извинить насъ, естьли бы мы не сохранили своего достоинства. Францїя, бывъ нещастлива въ десятилѣтней морской войнѣ, ознаменованной храбростїю и талантами, думаетъ хитростїю побѣдить насъ; но я надѣюсь, что Британская сила и честность одержатъ верхъ надъ всякимъ коварствомъ. Я былъ въ разныхъ земляхъ, видѣлъ ужасы войны и человѣческихъ бѣдствїй; они сдѣлали въ сердцѣ моемъ глубокое впечатлѣнїе — и мнѣ должно быть искреннимъ другомъ мира. Но сохрани насъ Небо отъ мира постыднаго! Донынѣ вѣрность, честь, великодушїе, дипломатическое влїянїе, торговля, храбрость и непобѣдимое

могущество Англійскаго народа были во всей Европѣ предметомъ удивленія. Можемъ ли отказаться отъ такой славы? Дай Богъ, чтобы миръ царствовалъ! Я изъяснялся съ Министрами, и надѣюсь, что онъ не будетъ нарушенъ; но сильныя мѣры необходимы для его сохраненія. — Извините, Милорды, несовершенство рѣчи моей: не Ораторъ, но воинъ и мореходецъ говорилъ съ вами.

Лордъ Гренвиль. Естьли теперь надобно вооружаться, то виновны Министры, заключившіе опасный и гибельный миръ. Они дали Франціи возможность и право завладѣть Европою, присвоить себѣ Италіянскую Республику, раздѣлить Германію; взять Луизіану, уничтожить свободу Швейцаріи. Министры смотрѣли и молчали. Трактатъ Амьенской нарушенъ Консуломъ, но они исполняли его. Чернилы еще не засохли, печать не простыла, когда Бонапарте соединилъ Піемонтъ съ Франціею. Мартиника, ключь западной Индіи, уже отдана Французамъ. Мальта еще въ нашихъ рукахъ отъ того, что донынѣ никто не хотѣлъ взять ее. Случай помѣшалъ намъ отдать Мысъ Доброй Надежды. Мы сами себѣ связали руки. И Министры хотятъ теперь нашей помощи! Ихъ неразуміе уни-

зило Англїю; ихъ безразсудность и невѣжество всему причиною. Они поставили Великобританнїю на край бездны. Одно можетъ спасти насъ: должно снова призвать въ Министерство людей съ талантами, которые умѣютъ повелѣвать случаемъ въ обстоятельствахъ затруднительныхъ.

Лордъ Гобартъ, Министръ. Естьли Англїя лишилась своего влїянїя въ Европѣ, то благородный Лордъ (Гренвиль) долженъ обвинять прежнихъ Министровъ и себя: они утратили его. Извѣстно, въ какихъ трудныхъ обстоятельствахъ вошли мы въ дѣла. И похвально ли съ его стороны было оставить Министерство въ опасномъ случаѣ, когда онъ зналъ свои великїе таланты и наше неразумїе? Парламентъ единодушно опредѣлилъ изъявить Королю благодарность.

Засѣданїе Нижняго Парламента.

Фоксъ. Соглашаюсь принести нашу благодарность Его Величеству; но скажу, что я радуюсь миру, и что вся Англїя со мною радуется: ибо онъ для насъ благодѣтеленъ и даетъ намъ случай во всемъ превзойти Францїю. Нѣкоторые говорятъ уже о флотахъ ея; но гдѣ они? Францїя думаетъ только о возстановленїи

торговли своей, которая никакъ не можетъ равняться съ нашею. Горестные опыты послѣдней войны должны отвратить насъ отъ новыхъ непрїятельскихъ дѣйствїй на твердой землѣ. Угрожаетъ ли намъ Францїя? оскорблена ли честь Англїи? Пусть докажутъ, и тогда я согласенъ на войну. Одинъ изъ Министровъ (Гакесбури) по заключенїи Амьенскаго трактата сказалъ, что миръ оставляетъ Европу въ тайномъ неудовольствїи: надобно ли начать войну для того, что сїе внутреннее неудовольствїе продолжается? Имѣемъ ли право обвинять Францїю величїемъ ея и силою? Говорятъ, что народъ хочетъ войны: нѣтъ, одни Журналисты хотятъ ее, и крикъ ихъ не есть гласъ народа. Безумно обнажить мечь въ угожденїе симъ господамъ, которые, желая расхода для своихъ листовъ, выискиваютъ всякїя ложныя причины къ разрыву. Говорятъ еще, что Лондонское купечество желаетъ войны: не думаю. Оно не столь безчеловѣчно, чтобы для умноженїя своего богатства хотѣть общихъ бѣдствїй. Лучше согласусь на то, чтобы кровь моихъ сограждань лилась въ угожденїе какому нибудь честолюбивому Александру, нежели на то, чтобы лилась она для наполненїя сундуковъ корыстолюбїя. Естьли начнемъ

войну за бездѣлицу, то мы безумцы; естьли начнемъ ее для выгодъ торговли, то будемъ подлы и жестоки. Развѣ Министры заключили миръ по нуждѣ, и съ тѣмъ намѣренїемъ, чтобы нарушить его? Францїя мѣшается въ дѣла Европы; но развѣ они не могли предвидѣть того? Не мы ли сами отказались отъ участїя въ раздѣлѣ Германїи, не захотѣвъ участвовать въ Люневильскомъ трактатѣ? — Миръ есть желанїе всѣхъ истинныхъ Патрїотовъ и мое.

Лордъ Гакесбури. Правила, по которымъ мы заключили миръ, будутъ всегда нашими правилами. Должно беречь силы на случай крайности. Знаю, что Англїя не можетъ отказаться отъ всѣхъ связей на твердой землѣ, имѣя мануфактуры, торговлю и владѣнїя обширныя; она должна брать участїе въ судьбѣ государствъ. Самая лучшая Политика для насъ есть система общаго доброжелательства, которое охотно способствуетъ благу другихъ и помогаетъ утѣсненнымъ. Однакожь мы не хотимъ быть странствующими рыцарями и бросать перчатку тамъ, гдѣ наше участїе безполезно. Судьба Польши трогала всѣхъ Англичанъ; но благоразумные Министры не вступились, ибо не могли

вступиться съ успѣхомъ. Вотъ примѣръ для насъ. Мы желаемъ соблюсти миръ съ Францїею; и всякаго безпристрастнаго зрителя нынѣшнихъ политическихъ феноменовъ спрашиваю, есть ли хотя одна Держава въ Европѣ, на которую бы намъ можно было надѣяться въ случаѣ войны? Мы конечно не хотѣли бы такого раздѣла Германїи; но не отъ насъ зависѣло остановить его. Я не могу объявить здѣсь нашихъ Министерскихъ сношенїй съ Францїею. Бѣдствїя добрыхъ Швейцаровъ насъ огорчаютъ: мы не совѣтовали имъ противиться Консулу. Никто болѣе моего не уважаетъ великихъ услугъ и талантовъ Г. Питта; но послѣднїй годъ его правленїя доказалъ, что и самый Генїй не всегда повелѣваетъ случаями. Онъ оставилъ сцену въ обстоятельствахъ весьма затруднительныхъ. Война была нещастлива. Хотя сраженїе при Копенгагенѣ окончало непрїятельскїя дѣйствїя Сѣверныхъ Державъ, однакожь не легко было намъ переговорами удержать старинныя морскїя права свои. Неожидаемо щастливый успѣхъ Египетской Экспедицїи должно приписать только случаю. — Рѣчь Королевская требуетъ отъ насъ осторожности. Будемъ на все готовы, стараясь между тѣмъ сохранить

миръ. Послѣ десяти лѣтъ кровопролитія и мятежа кто не чувствуетъ нужды въ спокойствіи? Но я съ удовольствіемъ вижу рѣшительность народа Англійскаго: она подаетъ надежду, что въ случаѣ необходимой войны мужество его восторжествуетъ.

Виндамъ. Кажется, что почтенный Ораторъ (Г. Фоксъ) оставилъ въ Парижѣ всю силу ума своего, и совершенно перемѣнилъ мысли о Революціи. Онъ воображалъ ее невиннымъ младенцемъ, играющимъ цвѣтами; но сіе чудовище поглотило все, что ему на пути встрѣтилось. Меня спрашиваютъ, по чему я предсказываю близкую гибель Англіи? Надобно закрыть себѣ глаза, чтобы не видать ее. Естьли бы Англичанинъ, за десять лѣтъ передъ симъ умершій, могъ воскреснуть и услышалъ бы отъ насъ, что изъ двадцати прежде извѣстныхъ народовъ осталось едва четыре или пять независимыхъ, то онъ спросилъ бы съ ужасомъ: *гдѣжь Англія?* думая справедливо, что ей надлежало или погибнуть съ другими или спасти ихъ. Опасность возрастаетъ съ числомъ падающихъ. Славные Ариѳметики наши должны рѣшить, во сколько времени Франція, завоевавъ столько земель, завоюетъ остальныя?

Что сдѣлано съ 24 миллїонами людей, то еще скорѣе можно сдѣлать съ 50 или съ 60. Г. Фоксъ кажется мнѣ дружескимъ Посломъ Консула, спрашивая, чѣмъ онъ нарушилъ Амьенской трактатъ? Францїя дѣятельна; построила уже 6 линейныхъ кораблей, 7 фрегатовъ, и ввезла 10000 бочекъ пеньки. Тѣ, которые желаютъ ограничить властолюбїе Консула, называются кровопїйцами и врагами *западной фамилїи!* Должно, должно предупредить ударъ. Англїя обязана подать примѣръ Европѣ. Народная безопасность сего требуетъ. Всѣ граждане должны помочь Англїйскому Правительству. Мы найдемъ средство возбудить любовь къ отечеству. Сколь ни презираю Якобинцевъ, но мнѣ хотѣлось бы и сихъ людей сдѣлать искренними защитниками государственнаго блага. Мы должны сказать: aut Cæsar, aut nihil (*или Цесарь или ничто*). Британнїя подобна кораблю, стоящему на мѣли и разбиваемому волнами. Напоминаю вамъ послѣднїя слова умирающаго Чатама, сказанныя имъ въ Парламентѣ: *я лучше отдамъ послѣднюю рубашку, нежели соглашусь на унижение моего отечества.* Сїи слова выражаютъ мое чувство.

Аддингтонъ. Напрасно почтенный другъ мой играетъ ролю отчаяннаго, и

Британецъ, за десять лѣтъ умершій, воскреснувъ нынѣ, не нашелъ бы такихъ великихъ перемѣнъ. Франція выиграла болѣе пространствомъ владѣнія, нежели силою. Мы имѣемъ 192 корабля, а Франція 39, Голландія 18, Гишпанія 60. Наша торговля и мануфактуры въ цвѣтущемъ состояніи. Въ 1800 году вывезено изъ Англіи товаровъ на 25 милліона, а въ 1801 на 27. Честь Великобританніи никогда не пострадаетъ. Министры хотятъ мира и не боятся войны.

Парламентъ единодушно опредѣлилъ изъявить Королю благодарность.

Засѣданіе 8 Декабря.

Военный Секретарь предлагаетъ роспись арміи на 1803 годъ, которая должна состоять изъ 140,000 человѣкъ. Онъ доказываетъ необходимость содержать многочисленное войско въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, при властолюбіи Французскаго Правительства и великихъ силахъ его. Франція имѣетъ 428,000 человѣкъ регулярнаго войска, и можетъ удвоить сіе число.

Шериданъ. Никогда Англія не бывала въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, какъ нынѣ; никогда не имѣли мы такого опаснаго врага, какъ Бона-

парте. Говорятъ, что не надобно бранить его: я постараюсь не оскорбить Консула, *естьли можно*; но когда одно изображенїе дѣлъ и системы его покажется обиднымъ для чести, то не моя вина! Въ разсужденїи войны и мира говорю: „сохраните миръ, естьли можете!“ но прибавляю: „вооружайтесь, и не спускайте ничего злодѣямъ Англїи; накажите ихъ за первую дерзость!“ Я слушалъ съ великимъ вниманїемъ, что говорили Ораторы Парламента. Одинъ изъ нихъ не хочетъ соглашаться на умноженїе войска, ибо Министры не объявляютъ, въ чемъ состоитъ опасность; но развѣ онъ не видитъ ее? Надобно только посмотрѣть на Европу. Другой говоритъ, что вооруженїя означаютъ страхъ, а намъ не должно его показывать; что мы успѣемъ набрать армїю, когда непрїятель выдетъ на берега наши, когда услышимъ звукъ литавръ и трубъ его! Я слыхалъ, что деревянныя пушки, выставленныя на крѣпости, производятъ иногда такое же дѣйствїе, какъ истинныя; но мы не испугаемъ ими Французовъ. Увѣряютъ, что они не разорвутъ мира: взгляните на карту Францїи; и естьли трудно измѣрить ея пространство и счесть жителей, то еще труднѣе измѣрить вла-

сполюбїе Консула. Кто завладѣлъ твердою землею, уважитъ ли нашъ островъ? Онъ страшнѣе Королей Французскихъ. Наслѣдственные Монархи, издревле любимые подданными, не имѣли нужды прельщать солдатъ добычею. Бонапарте, возведенный на тронъ случаемъ, долженъ обѣщать своимъ подданнымъ завоеванїе мїра и предложить имъ такое условїе: *согласитесь быть моими рабами, а я сдѣлаю васъ господами другихъ народовъ.* Говорятъ, что Консулъ желаетъ только быть нашимъ совмѣстникомъ по торговлѣ. Правда, что онъ крайне желаетъ того; но мысли его простираются и далѣе. Непроницательный зритель, видя двѣ армїи, которыя не дерутся между собою, думаетъ, что нѣтъ войны; но одна можетъ хитрыми движенїями заставить другую положить ружье. Не думаю, чтобы Бонапарте, воспитанный въ лагеряхъ, имѣлъ великїя свѣдѣнїя въ торговлѣ, и вижу, что онъ слѣдуетъ старинной методѣ, запрещая ввозъ товаровъ и накладывая большїя пошлины. Мы имѣемъ великїя богатства и великой кредитъ: Консулъ думаетъ, что онъ перевезетъ ихъ во Францїю, какъ статуи Италїянскїя, естьли покоритъ Англїю. Мысль ложная! Нѣтъ, нѣтъ! кредитъ исчезнетъ и

золото сокроется въ землѣ, естьли на нее ступитъ нога Деспота. Я думаю, что какъ онъ по милости своей ни занимается благомъ Этруріи, но что мы еще болѣе занимаемъ его; что первая утренняя мысль Консула есть Англія, и что она же есть предметъ его вечернихъ молитвъ, возсылаемыхъ имъ къ Юпитеру, Магомету, богинѣ войны или разума. Одно то можетъ успокоивать насъ, что Бонапарте есть Философъ и Филантропъ! Онъ къ удивленію свѣта открылъ, что мы принадлежимъ къ западной фамиліи!! Признаюсь, мнѣ досадно слышать, что эта глупость была сказана одному изъ умнѣйшихъ людей нашего времени.... Я не желаю имѣть чести обѣдать съ семействомъ Консула. Онъ можетъ, подобно Лорду Петеру, кормить гостей своихъ сухимъ хлѣбомъ, увѣряя, что они ѣдятъ самое лучшее мясо. — Что касается до нынѣшнихъ Министровъ Англіи, то я душею и сердцемъ оправдываю ихъ систему. Одинъ благородный Лордъ желаетъ, чтобы прежніе Министры заступили ихъ мѣсто; но что бы они сдѣлали? то же, что и нынѣшніе. Гакесбури и Аддингтонъ заключили миръ, а мы выгонимъ ихъ изъ Министерства? Развѣ первый есть перо, а второй печать, которыя бросимъ

подъ столъ, написавъ и запечатавъ бумагу? Здѣсь можно припомнить Марціалову эпиграмму:

Я Марка не люблю —
За что? — за то, что не люблю!

Нѣкоторые думаютъ, что Канцлеръ такъ же легко могъ бы управлять Европою, какъ онъ, будучи Ораторомъ, управлялъ Парламентомъ; то есть, взглянуть на Карту Европы и при новомъ раздѣлѣ закричать: *всякой на свое мѣсто, государи мои!* Увѣряютъ, что одинъ Питтъ можетъ спасти Англію; но естьли благоденствіе земли зависитъ отъ одного человѣка, то она недостойна благоденствія. Нынѣшнихъ Министровъ называютъ Аптекарскою микстурою: правда, что Г. Питтъ любитъ чистое вино (*), и вкусъ его не дуренъ; однакожь и прежніе Министры составляли также микстуру. Народъ, Парламентъ, Король: вотъ нашъ Палладіумъ!

Фоксъ. Словамъ моимъ даютъ несправедливой толкъ; говорятъ даже, что я, ѣздивъ въ Парижъ узнать, кто во время Якова II былъ въ Англіи подкупленъ Лудовикомъ XIV (**), имѣлъ другое тай-

(*) Такъ говорятъ въ Парламентѣ!
(**) Фоксъ пишетъ Исторію Англійской Революціи.

ное намѣренїе; что Бурьень, Консуловъ Секретарь, угадалъ его, и предложилъ мнѣ пенсїю! Я не уважаю клеветы. Англїя повѣритъ моему слову, что Фоксъ не есть Агентъ Францїи; однакожъ скажу, что мы не имѣемъ никакихъ справедливыхъ причинъ нарушить миръ со Францїею. Другъ мой (Шериданъ) любитъ только риторствовать; ему въ самомъ дѣлѣ все одно, въ руку ли возьмемъ мечь или спрячемъ въ сундукъ: лишь бы не мѣшали работать языку его! По крайней мѣрѣ можемъ утѣшиться тѣмъ, что у насъ есть Демосѳенъ, и на всякой случай будетъ готова Филиппика!

Виндамъ. Нынѣ Г. Фоксъ сдѣлался защитникомъ Францїи. Побывавъ въ гостяхъ у Бонапарте, онъ удивительнымъ образомъ пристрастился къ миру. Я не узнаю въ немъ того Фокса, который нѣкогда пылалъ любовїю къ Англїи! Времена и люди перемѣняются.

Аддингтонъ говорилъ, что онъ надѣется на продолженїе мира, но что новыя происшествїя требуютъ осторожности.

V.

Взоръ на прошедшій годъ.

1802 Годъ былъ мирный для Европы, но важный своими великими государственными феноменами. Амьенскій трактатъ, сколь удивительный — преобразованіе Чизальпинской Республики (эпоха достопамятная, ежели сія Республика будетъ существовать въ мірѣ, и не есть одна театральная декорація, или домъ, на пескѣ построенный) — великія перемѣны во Франціи: уничтоженіе послѣднихъ знаковъ такъ называемой свободы, основаніе рѣшительнаго, твердаго самовластія до смерти Консула; амнистія для Эмигрантовъ съ единственнымъ изключеніемъ тѣхъ, которые лично ему непріятны; мудрые законы для народнаго ученія во Франціи; въ Англіи — любопытные Парламентскіе споры, смѣшеніе партій, начало новой *Оппозиціи*, малочисленной, но сильной талантомъ двухъ Ораторовъ; уничтоженіе *славнаго* налога на доходы, возстановленіе закона личной безопасности; два Сейма въ Европѣ: въ Сициліи и въ Венгріи, изъ которыхъ первый оказалъ болѣе усердія къ своему Двору, нежели вторый, только отчасти исполнившій желаніе и надежду Римскаго

Императора; въ Германіи новое раздѣленіе властей и земель, предложенное Россіею и Франціею; въ Баваріи (гдѣ донынѣ царствовалъ самый ревностный Католицизмъ) церковныя реформы и перемѣны въ духѣ Іосифа; бѣдствія Швейцаріи и совершенная утрата ея независимости; въ Турціи миръ Султана съ Пасваномъ; въ Россіи новое мудрое образованіе Министерства и новыя права, данныя Сенату: вотъ великіе предметы для будущаго Историка! поле обширное для ума и сужденій его! — Не забудемъ и Короля, сказавшаго съ мудрымъ Соломономъ: *суета суетъ!* и сложившаго съ себя корону, правда, не весьма тяжелую своимъ величіемъ. Явленіе Руськихъ войскъ въ Іонической Республикѣ есть также любопытное дѣйствіе новыхъ, донынѣ безпримѣрныхъ политическихъ связей, сношеній и видовъ.

Главный историческій характеръ нашего времени, Наполеонъ Бонапарте, въ теченіе сего года вышелъ изъ сомнительныхъ тѣней надежды и страха, и явился въ полномъ свѣтѣ истины; къ стыду романическихъ головъ, которыя въ наше время мечтали о Тимолеонахъ. Наполеонъ лучше ихъ знаетъ дымъ славы. Онъ думаетъ безъ сомнѣнія:

Нещастный! что тебѣ до мнѣнія потомковъ?
Среди могилъ, костей и гробовыхъ обломковъ
Не будешь чувствовать, что скажутъ о тебѣ!
Безуменъ славы рабъ! безуменъ, кто Судьбѣ
За сей *кимвальный* звонъ отдастъ изъ доброй воли
Утѣхи пышности, блаженство царской доли!

Между тѣмъ мы должны изъясниться, и сказать, чего сіи забавные Романисты ожидали отъ Консула. Они думали, что Наполеонъ, сильною рукою своего Генія остановивъ бурное стремленіе Революціи, воспользуется опытами вѣковъ, всѣми лучшими идеями Философовъ; что онъ дастъ Франціи *почти* совершенное (Монархическое или республиканское) Правленіе, сдѣлаетъ власть могущею, но только благотворною и спасительною, подобною не грозной рѣкѣ, которая безпрестанно можетъ выливаться изъ плоскихъ береговъ своихъ, но тихою и мирною, текущею безъ всякаго помѣшательства среди высокихъ стѣнъ, утвержденныхъ мудрымъ искусствомъ. Они думали, что онъ, совершивъ великое твореніе, сложитъ съ себя всѣ знаки Диктаторскаго достоинства, оставитъ на головѣ своей одинъ вѣнокъ лавровый, уступитъ Консульскій тронъ закону и успокоится, на канунѣ безсмертія, среди народа благодарнаго въ объятіяхъ славы, подъ кровомъ хижины,

въ сообществѣ однихъ великихъ мужей Плутарховыхъ: ибо мы, современники, не осмѣлились бы тогда къ нему приближиться, и только издали удивлялись бы его величїю. — Надобно признаться, что сей романъ стоитъ Морусовой Утопїи!

Хотя мы никакъ не осуждаемъ Бонапарте, однакожъ историческая справедливость заставляетъ насъ примѣтить, что число ревностныхъ обожателей Наполеона весьма уменьшилось въ Европѣ, естьли вѣрить Англїйскимъ и Нѣмецкимъ Журналистамъ. Предсказанїе добродушнаго Лафатера можетъ сбыться: онъ говорилъ, что Бонапарте переживетъ славу свою. Такова неблагодарность смертныхъ: кто однажды удивилъ насъ и еще остается на сценѣ, отъ того мы не перестаемъ требовать новыхъ чудесъ, и въ случаѣ отказа готовы освистать славнаго Актера. Напрасно друзья Наполеоновы: Секретарь Бурьень, Ценсоръ Барреръ, Совѣтникъ д'Анжели, доказываютъ въ своихъ перїодическихъ листахъ, что Бонапарте слѣдуетъ примѣру какого-то Мидїйскаго Царя — шумная, безразсудная публика кричитъ: *это старая Геродотова сказка! намъ надобно великаго человѣка!* Однимъ словомъ, всего досаднѣе имѣть дѣло съ парперомъ Европы, и Бонапарте

поступилъ весьма благоразумно, заключившись въ высокихъ палатахъ Сен-Клу, гдѣ онъ слышитъ только окликъ часовыхъ, умныя привѣтствія Сенаторовъ и Версальскія фразы Шевалье Жокура.

Естьли же мы, переставъ на минуту быть эхомъ иностранныхъ крикуновъ, называемыхъ Журналистами, должны объявить собственное мнѣніе о Консулѣ, то скажемъ, что онъ, умертвивъ чудовище Революціи, заслужилъ вѣчную благодарность Франціи и даже Европы. Въ семъ отношеніи будемъ всегда съ удовольствіемъ хвалить его, какъ великаго Медика, излечившаго головы отъ опаснаго круженія. Пожалѣемъ, естьли онъ не имѣетъ законодательной мудрости Солона и чистой добродѣтели Ликурга, который, образовавъ Спарту, самъ себя навѣки изгналъ изъ отечества! . . . Вотъ дѣло героическое, передъ которымъ всѣ Лоди и Маренго исчезаютъ! Черезъ 2700 лѣтъ оно еще воспаляетъ умъ, и добрый юноша, читая Ликургову жизнь, плачетъ отъ восторга. . . Видно, что быть искуснымъ Генераломъ и хитрымъ Политикомъ гораздо легче, нежели великимъ, то есть героически-добродѣтельнымъ человѣкомъ.

Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ людей, которые имѣютъ страсть во

всѣхъ феноменахъ времени находить чрезвычайность; однакожь физическія явленія 1802 года кажутся и намъ необыкновенными. Зимою страшныя наводненія, весною холодъ и морозы въ самыхъ южныхъ земляхъ, лѣтомъ засухи и жары, ужасныя грозы и бури, а осенью землетрясенія въ Европѣ и на берегахъ Африканскихъ были доказательствомъ какой-то разстройки въ физическомъ мірѣ. Сѣверныя земли менѣе другихъ потерпѣли; однакожь и въ Россіи засухи были чрезвычайны. Волга, царица нашихъ рѣкъ, удивительнымъ образомъ обмѣлѣла прошедшимъ лѣтомъ въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ: подъ Сызраномъ и Симбирскомъ. Люди могли переходить черезъ нее, какъ пишутъ. Однакожь лѣто было въ Россіи весьма плодородно, особливо въ нѣкоторыхъ Губерніяхъ.

VI.

Извѣстія.

Парижъ.

Наконецъ иностранные Министры торжественно представляютъ Госпожѣ Бонапарте знатныхъ Дамъ своей націи.

Англійскій Посолъ Витфортъ представилъ въ Сен-Клу супругу свою, Герцогиню Дорсетъ, а Россійскій Княгиню Долгорукую и Голицыну; другіе также. Госпожа Бонапарте играла свою ролю съ великою пріятностію; она удостоила отмѣннаго вниманія Герцогиню Дорсетъ. Министръ Талеранъ и Государственный Секретарь Маре помогали ей занимать чужестранныхъ Дамъ.

Парижскія газеты наполнены теперь самымъ подробнымъ описаніемъ мундировъ, изобрѣтенныхъ въ Сен-Клу для нѣкоторыхъ чиновниковъ Республики. Все блеститъ золотомъ и серебромъ во вкусѣ седьмаго-надесять вѣка.

Швейцарскимъ Депутатамъ велѣно имѣть конференціи, въ домѣ Министра Талерана, съ четырмя Сенаторами: Бартелеми, Редереромъ, Фуше и Демёньеромъ. Имъ уже предложили готовый планъ новой Конституціи. Швейцаръ Лагарпъ, живущій въ сельскомъ домѣ близь Парижа, не захотѣлъ быть Депутатомъ Цирихскимъ, и весьма благоразумно отвѣтствовалъ, что гражданинъ, который по нещастію дѣйствовалъ въ бурное время Революціи, долженъ искать только мирнаго уединенія, пока страсти еще не охладѣли въ сердцахъ и воспоми-

нанія не загладились временемъ. Швейцары отдаютъ справедливость уму и характеру Лагарпа.

Разсказываютъ, что гражданинъ Бурьень, бывшій тайный Секретарь Консула, вздумалъ послать къ издателю *Народнаго Французскаго Календаря* записку о титулахъ, принадлежащихъ разнымъ Чиновникамъ. Онъ хотѣлъ, чтобы Наполеону говорили: *Ваше Консульское Величество*; его двумъ товарищамъ: *Ваша Консульская Свѣтлость*; братьямъ и всей фамиліи Бонапарте: *Свѣтлость*; Государственнымъ Совѣтникамъ и Сенаторамъ: *высокопочтенные*; Трибунамъ и Законодателямъ: *почтенные*; Генераламъ и Министрамъ: *превосходительство*. Бурьень думалъ угодить тѣмъ Наполеону; но когда показали ему сей Календарь, Бонапарте разсердился и спросилъ у Секретаря: „кто велѣлъ тебѣ это сдѣлать?". *Ваша слава и безопасность*, отвѣчалъ Бурьень. Консулъ взялъ перо, вымаралъ титулы и сказалъ ему равнодушно: „поставь вездѣ *гражданинъ* вмѣсто громкихъ твоихъ названій." —

(*Изъ Лондонскаго Журнала*).

Газеты говорили сперва, что Принцъ Русполи не хочетъ быть Великимъ Магистеромъ Мальтійскаго Ордена; а теперь выходитъ, что его нигдѣ не могли найти: ни въ Англіи, ни въ Ирландіи, ни въ Шотландіи, и совсѣмъ не знаютъ, что съ нимъ сдѣлалось. Это забавно! Нѣкоторые думаютъ, что онъ уже давно уѣхалъ въ Америку.

Въ Регенсбургѣ ожидаютъ съ часу на часъ ратификаціи Императорской, и тогда будетъ все кончено. — О Швейцаріи нечего сказать: тамъ народъ смотритъ Сентябремъ и даже ни мало не любопытствуетъ знать, что дѣлаютъ его Депутаты въ Парижѣ.

Славный Пишгрю теперь въ Лондонѣ и часто бываетъ у Конде. Со временемъ онъ еще можетъ выйти на сцену; но кто бы думалъ, чтобы сей Генералъ, который завоевалъ для Республики Брабантъ и Голландію, былъ Роялистъ въ душѣ своей? Извѣстно, что Бонапарте первый донесъ на него Директоріи.

Извѣстія, получаемыя въ Константинополѣ изъ Египта, весьма неблагопріятны для Порты. Беи торжествуютъ. Визирь можетъ головою своею заплатить, за то, что онъ присовѣтовалъ истре-

бить ихъ. Бонапарте, кажется, все еще думаетъ объ Египтѣ: не даромъ Адъютантъ его Себастіани присланъ имъ въ Александрію.

Король Неаполитанскій подарилъ Принцу Валлисскому 14 манускриптовъ, найденныхъ въ Геркуланумѣ. Трактатъ Эпикуровъ скоро будетъ отданъ въ печать.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ГЕНВАРЬ 1805.

№ 2.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

О привычкѣ.

Тотъ, кто сказалъ, что привычка есть вторая натура, сказалъ истину, къ которой не чего прибавить.

Люди, называемые умными, говорятъ, что не надобно ни къ чему привыкать, и что мы готовимъ себѣ раскаянїе, предаваясь одной склонности. Благоразумїе, которое велитъ отказываться отъ многихъ прїятностей, для того единственно, чтобы ихъ не лишиться, кажется мнѣ страннымъ благоразумїемъ.

Ничто не можетъ быть любезнѣе *привычки.* Когда и самой вѣтреной человѣкъ захочетъ размыслить, то онъ найдетъ въ себѣ тайную любовь къ постоянству, естьли не въ разсужденїи людей, то хотя въ разсужденїи вещей бездушныхъ.

Природа утвердила въ насъ сей источникъ наслажденія, который по видимому отвѣтствуетъ непремѣнности Божественныхъ законовъ; но вѣтреность заставляетъ насъ ежеминутно искать новаго въ мысляхъ и склонностяхъ: отъ сего несогласія Природы съ характеромъ раждаются многія горести, которыхъ бы мы избѣжать могли.

Всякой, болѣе или менѣе, склоненъ къ привычкѣ; но замѣчено, что добрыя и нѣжныя сердца гораздо чувствительнѣе къ ея прелестямъ. Злой человѣкъ всего чуждается и не знаетъ привычки. Безпрестанно желая вредить, онъ никогда не остается въ одномъ кругу мыслей, никогда не ходитъ однимъ путемъ, не любитъ долго видѣть однихъ людей, и потребность дѣлать зло безпрестанно измѣняетъ характеръ жизни его.

Напротивъ того любовь къ добру раждаетъ тихое единообразіе въ жизни кроткаго человѣка; тайная благодарность привязываетъ его къ людямъ и вещамъ, ему полезнымъ или милымъ; онъ любитъ свое отечество, домъ, семейство, друзей, отъ дѣйствія милой привычки.

Обыкновенно наслаждаемся мы симъ удовольствіемъ *не думая объ немъ*; оно не весьма живо, и потому не чувствуемъ

его удивительнаго влїянїя на жизнь; тогда единственно знаемъ всю его цѣну, когда лишаемся предмета.

Надобно согласиться, что привычка входитъ во всѣ наши вкусы, склонности и самую любовь: истина, которая не должна оскорблять сердецъ чувствительныхъ!

Вѣрность можно назвать кроткою привычкою любить всегда одинъ предметъ.

Пока новая любовь есть въ насъ упоенїе и страсть, тогда она живетъ болѣе въ чувствахъ, нежели въ душѣ; но когда время дѣлаетъ ее сходнѣе съ дружбою, и только одни восторги ослабляетъ — когда любовникъ чувствуетъ, что онъ не можетъ разстаться съ своею любовницею, и что всѣ его мысли, всѣ дѣла единственно къ ней относятся; когда онъ хочетъ быть съ нею безъ всякой мысли о чувственномъ удовольствїи; однимъ словомъ, когда онъ такъ *привыкъ* къ милой женщинѣ, что безъ нее все не мило ему — тогда любовница можетъ быть увѣрена въ его сердцѣ.

Два противныя чувства владѣютъ всѣмъ одушевленнымъ: любовь и ненависть — одна влечетъ, другая отвлекаетъ. Не рѣдко самая сильная нена-

висть проходитъ и даже въ любовь обращается отъ чудеснаго дѣйствія привычки.

Когда время не умножаетъ ненависти, то оно вѣрно ослабляетъ ее; привычка видѣть безпрестанно ея предметъ: миритъ съ нимъ душу; мы ко всему привыкаемъ, даже и къ неволѣ. Люди, послѣ долговременнаго заключенія, иногда съ горемъ выходили изъ темницъ своихъ (*).

Отнимите у старика мѣсто, которое онъ уже давно занимаетъ (хотя и для того, чтобы дать ему лучшее): вы сдѣлаете его нещастнымъ, а можетъ быть и сократите жизнь его. — Къ концу дней нашихъ мы боимся новыхъ предметовъ, и хотимъ, кажется, остановить летящую отъ насъ жизнь, привязываясь ко всему, что насъ окружаетъ.

Однимъ словомъ, вездѣ находимъ привычку, и въ самомъ искусствѣ нравиться. Отъ чего долговременное исканіе наконецъ торжествуетъ? отъ привычки къ его нѣжнымъ доказательствамъ. Естьли хитрый любовникъ хочетъ дать имъ еще болѣе цѣны, то ему надобно избирать для нихъ одно время, одинъ часъ; надобно, чтобы нѣкоторыя минуты

(*) Лордъ Мазаринъ, сидѣвъ нѣсколько лѣтъ за долги въ крѣпости, не хотѣлъ выйти изъ нее, когда удовольствовали его заимодавцевъ.

или нѣкоторыя обстоятельства заставляли ждать или желать сихъ доказательствъ. Сперва они только пріятны, а скоро будутъ необходимы, не столько отъ ихъ собственной любезности, сколько отъ всегдашней къ нимъ привычки. Вотъ главная надежда самыхъ не любезныхъ искателей! они замѣняютъ пріятность неутомимостію.

Сія склонность къ однимъ дѣйствіямъ удивительна, и такъ невольна; что она не зависитъ отъ мыслей, и что мы слѣдуемъ ей въ самыя тѣ минуты, когда чувства наши въ усыпленіи. Лунатики доказываютъ эту истину.

Смѣю сказать, что привычка мѣшается и въ самыя наши удовольствія. Мы слушаемъ хорошую музыку: мелодія прекраснаго *рондо* впечатлѣвается намъ въ слухъ; и то новое удовольствіе, съ которымъ ожидаемъ, угадываемъ и слушаемъ: ея повтореніе, не есть ли дѣйствіе быстрой привычки къ сей мелодіи и ко вкусу Автора? То же можно сказать о слогѣ и нѣкоторыхъ щастливыхъ оборотахъ, которые любимъ встрѣчать въ Авторѣ, естьли онъ знаетъ ихъ мѣсто. Но многіе ли Авторы разумѣютъ сію тайну? и кто возьмется изъяснить ученику, гдѣ повтореніе ошибка, и гдѣ оно красно-

рѣчїе?.. Знаемъ единственно то, что слово не у мѣста, когда оно непрїятно. Такимъ образомъ дѣйствїе, которое отъ привычки нравится человѣку въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, бываетъ ему противно не въ свое время. — Душа, умъ, тѣло, все слѣдуетъ привычкѣ.

Любопытно видѣть непостоянство многихъ людей въ дружбѣ, любви, въ разныхъ вкусахъ и наслажденїяхъ, и въ то же время великую силу нѣкоторыхъ привычекъ надъ ними. Какой-то мужъ, говорятъ, имѣлъ обыкновенїе ложиться спать въ 10 часовъ. Любовникъ его жены, Президентъ С*, занятый во весь день своею должностїю, въ самый этотъ часъ приходилъ къ ней. Такимъ образомъ любовникъ въ двери, а мужъ въ другїя, думая болѣе о здоровьѣ, нежели о супругѣ. Трудно было рѣшить, кто исправнѣе означалъ время: часы ли, когда они били; мужъ ли, торопясь въ опальню, или любовникъ, заступая мѣсто супруга. — Однажды Президентъ, имѣя нужду скорѣе видѣться съ любовницею, пришелъ въ 6 часовъ. Это случилось зимою; свѣчи давно горѣли, часы остановились, и мужъ съ удивленїемъ сказалъ: *Боже мой! какъ летитъ время! Странно, что у меня глаза*

не слипаются! Однакожъ Президентъ знаетъ часъ: я иду спать.

Сила привычки всего болѣе обнаруживается въ борені́и съ новою склонностїю. Какъ трудно измѣнить ей! и самое убѣдительное доказательство любви есть то, чтобы побѣдить старую привычку.

Здѣсь можно напомнить искренность одного супруга. Онъ 10 лѣтъ любилъ прекрасную женщину, всякой день являлся къ ней въ 5 часовъ, не зналъ ни спектаклей, ни обществъ, и не хотѣлъ быть нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, только съ нею находя удовольствїе и щастїе. Вдругъ ея мужъ умеръ; онъ съ нетерпѣнїемъ ожидаетъ, чтобы годъ кончился; время траура прошло, и любовникъ сдѣлался щастливѣйшимъ супругомъ; но ударило 5 часовъ, и онъ задумался. „Что значитъ этотъ меланхолической видъ? спросилъ у него одинъ изъ друзей: теперь всѣ твои желанїя исполнились.“ — *Правда*, отвѣчалъ мужъ: *я страстно люблю жену свою; она будетъ жить со мною: что можетъ быть милѣе для сердца? но, признаюсь, одна мысль безпокоитъ меня*... „Что же такое?“ — *Гдѣ теперь проводить мнѣ вечера свои?*... Вотъ крайность, nec plus ultra *привычки!*

Сегюръ.

II.

Англійское великодушіе.

(Изъ Французскаго Журнала.)

Англійскіе Писатели, хотящіе унизить характеръ Французскій, и наши, которые стараются обратить Англичанъ въ шутовъ, не разумѣютъ выгодъ своего народнаго самолюбія. Народъ ни мало не выигрываетъ, доказывая, что его совмѣстникъ презрителенъ. Естьли Англичане и Французы удостоиваютъ другъ друга зависти въ силѣ, въ торговлѣ, въ просвѣщеніи и въ благоденствіи, то имъ всего лучше согласиться, что они уважаютъ другъ друга. Какой благородный человѣкъ не обидится, когда назовутъ его совмѣстникомъ глупца и негодяя? — Мы надѣемся, что наши модные Авторы почувствуютъ наконецъ эту истину и перестанутъ бранить Англичанъ даже за ихъ туманы! Такъ на примѣръ гражданинъ Фьеве говоритъ слѣдующее: „Обыкновенія и нравы Англичанъ суть во „всемъ обыкновенія и нравы *старости*: „дѣйствіе ихъ тяжелаго климата! Хвалятъ ихъ великодушіе и — сочиняютъ „романы! Вотъ истина: нигдѣ бѣдность „такъ не презирается, нигдѣ люди не

„бываютъ такъ жестоки противъ нещастныхъ, какъ въ Англїи. Имъ даютъ; „но такъ, какъ старики: съ грубостью и „досадою. Давать есть трудъ для Англичанина; ему не жаль кошелька, а не „хочется безпокоить себя; онъ скупъ не „на деньги, а на жалость. Надобно сказать правду: Британцы даютъ безъ удовольствія, но за то и не требуютъ „признательности. Благодѣтель спѣшитъ „какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ „одолженнаго: онъ боится, чтобы, взявъ „съ него деньги, еще не заставили его „чувствовать и говорить!“

Любя справедливость, мы, вмѣсто отвѣта на такія общія, пустыя, систематическія утвержденія, разскажемъ два случая, которые доказываютъ моральное великодушіе Англичанъ.

Г. Торнтонъ, отецъ двухъ нынѣшнихъ Парламентскихъ Членовъ, былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ купцовъ Лондонскихъ и славился тѣмъ, что не зналъ неудачи въ торговлѣ. Наконецъ, ослѣпленный своимъ щастіемъ, онъ не хотѣлъ уже отдавать на страхъ кораблей своихъ. Одинъ Англичанинъ, доведенный до крайности разными бѣдствіями, вздумалъ прибѣгнуть къ Г. Торнтону, который посадилъ его въ своемъ кабинетѣ, съ ве-

ликимъ вниманіемъ выслушалъ исторію его нещастій и далъ ему билетъ для полученія изъ банка ста фунтовъ стерлинговъ. Бѣдный человѣкъ, съ восторгомъ изъявивъ ему благодарность, спѣшилъ обрадовать жену свою такою помощію. Лишь только онъ вышелъ отъ своего благодѣтеля, Г. Торнтонъ узналъ, что корабль, ожидаемый имъ изъ Индіи съ товарами на 700,000 рублей, потонулъ не далеко отъ гавани. Онъ въ ту же минуту велѣлъ своему конторщику итти въ банкъ, остановить выдачу ста фунтовъ стерлинговъ бѣдному купцу и привести его къ нему. Сей человѣкъ явился съ видомъ безпокойства и замѣшательства. „Въ „самую ту минуту, какъ мы разстались (сказалъ великодушный Торнтонъ), я „получилъ непріятную вѣсть, которая, „признаюсь, весьма огорчаетъ меня. Можетъ быть Провидѣніе отняло у меня „часть богатства для того, чтобы сдѣлать сердце мое чувствительнѣе къ бѣдствіямъ другихъ людей. По крайней мѣрѣ „теперь я чувствую ваше горестное состояніе гораздо живѣе, нежели давеча. „Возвратите мою записку и возьмите на „обмѣнъ другую.“ Торнтонъ вручилъ ему билетъ на 500 фунтовъ стерлинговъ. Надобно признаться, что тутъ не видно

ни жестокости, ни грубости въ благодѣяніи.

Послѣ исторіи 18 Фрюктидора, одинъ изъ нашихъ согражданъ, весьма извѣстный, долженъ былъ съ молодою супругою и съ двумя дѣтьми уѣхать въ Америку, гдѣ ему не чѣмъ было заплатить корабельщику за провозъ, такъ, что онъ нашелся принужденнымъ отдать ему, вмѣсто денегъ, всѣ свои пожитки. Въ Бальтиморскомъ трактирѣ, гдѣ сей бѣдный Французъ остановился, жилъ Англійскій Маіоръ, Г. Джексонъ, съ женою и съ дѣтьми своими. Онъ угадалъ нещастное положеніе нашего согражданина, и разспросилъ объ немъ у корабельщика. На другой день Госпожа Джексонъ съ величайшею робостію всунула въ руку Француженкѣ кошелекъ съ 75 гинеями. Замѣшательство съ обѣихъ сторонъ было тѣмъ неизъяснимѣе, что одна не разумѣла по-Англійски, а другая по-Французски; имъ надлежало говорить знаками. Мужъ Француженки, узнавъ о происшедшемъ, требовалъ, чтобы Г. Джексонъ взялъ съ него обязательство въ данной ему суммѣ. Англичанинъ согласился, чтобы не оскорбить его самолюбія; но черезъ нѣсколько дней сѣвъ съ женою на корабль, при ласковомъ письмѣ возвратилъ вексель Фран-

цузу, надписавъ его на имя маленькаго сына его. И такъ Британское великодушіе умѣетъ быть нѣжнымъ! Надобно еще сказать, что Француженка въ тотъ же самой вечеръ нашла въ своей комнатѣ штуку тонкаго полотна, батисту, кисеи, 2 дюжины Мадрасскихъ платковъ, и не могла свѣдать, кто положилъ ихъ тамъ! — Гражданинъ Фьеве? ? ?

III.

Кометы.

Мнѣніе, что всѣ Кометы обращаются вокругъ *одного* солнца, кажется мнѣ несправедливымъ. Ихъ движеніе въ планетной системѣ конечно перемѣняется — и въ такомъ случаѣ малѣйшее его ускореніе должно навсегда удалять сіи небесныя тѣла отъ нашего міра. Кометъ гораздо болѣе, нежели Планетъ; вѣроятно, что онѣ только мимоходомъ и случайнымъ образомъ посѣщаютъ насъ. По крайней мѣрѣ сія мысль имѣетъ въ себѣ нѣчто величественное. Я воображаю, какъ сіи огромныя тѣла, оставляя нашу систему, стремятся непрерывно своимъ путемъ, входятъ во сферу другаго солнца или

неподвижной звѣзды, обтекаютъ ихъ; спѣшатъ къ новымъ солнцамъ — и такимъ образомъ странствуютъ въ безконечныхъ пространствахъ.

Можно ли безъ восторга слѣдовать умомъ за Кометами въ ихъ солнечномъ путешествіи и взирать на сихъ вѣстницъ Непостижимаго, вверженныхъ Его рукою во вселенную, чтобы онѣ стремились изъ системы въ систему, оставляя за собою пламенные слѣды и безъ сомнѣнія исполняя въ каждомъ мірѣ какое нибудь важное намѣреніе Творца! Рано или поздно онѣ также достигаютъ до цѣли своей: или утверждаются въ одной изъ безчисленныхъ системъ, дѣлаясь обитаемымъ міромъ, или вливаются въ угасшее солнце, надѣляютъ его снова огненнымъ веществомъ, и воспаляютъ: — можемъ ли иначе изъяснить чудесное явленіе *новыхъ звѣздъ*?

Вообразимъ себя на одной изъ сихъ Кометъ; вообразимъ, что мы несемся сквозь милліоны системъ въ Океанѣ творенія.... Какое неизъяснимое зрѣлище! какое разнообразіе свойствъ, гармоніи и щастія! какія великолѣпныя солнцы освѣщаютъ другія сферы! какія благородныя существа живутъ въ сихъ мірахъ безчисленныхъ! какія постепенности блага,

красоты, величества, и какая безконечность! . . . Астрономъ желалъ бы только узнать свойство луны; желалъ бы только приближиться къ Венерѣ, къ Юпитеру, къ Сатурну: чтожъ бы онъ почувствовалъ въ сердцѣ своемъ, естьли бы увидѣлъ чинъ и стройность другихъ солнечныхъ системъ? .... Кометы должны питать въ насъ такія мысли; и естьли представимъ себѣ возможность сего путешествія изъ міра въ міръ, то сколь ничтожны покажутся намъ славныя путешествія Ансоновъ и Куковъ вокругъ земли! сколь ничтожно покажется все земное величіе! И міръ подлунный, царство невѣжества, низкихъ страстей и мечтаній, не есть ли темница для ума любопытнаго? Душа, въ которой тлится искра божественности, не чувствуетъ ли иногда живаго нетерпѣнія отдѣлиться отъ грубыхъ стихій, мѣшающихъ ясному взору ея на вселенную и не дающихъ ей парить въ безконечное? Отъ того мудрецы всѣхъ временъ согласно полагали, что когда нибудь настанетъ часъ освобожденія, тайныя желанія сердца исполнятся, и духъ нашъ воспаритъ въ вѣчный день истины и свѣта. Теперь мы еще бѣдные ученики, и не можемъ удаляться отъ мѣста, на которое поста-

влены Всевышнимъ; но когда созрѣемъ, и приготовимся испытанїемъ сей жизни къ дальнѣйшимъ успѣхамъ, тогда взойдетъ для насъ солнце свободы; тогда вступимъ въ мїры великаго Творца, узнаемъ ихъ законы, красоты и стройность. — Между тѣмъ самое понятїе о возможности такихъ успѣховъ и проницанїя въ планъ Натуры, самое желанїе знать его есть доказательство, что мы рано или поздно удовлетворимъ своему любопытству: ибо Природа не вселяетъ въ сердца такихъ желанїй и страстей, которыхъ она не можетъ и не хочетъ удовольствовать. Не тщетно блѣдный лучь сїяетъ на человѣка изъ отдаленїя: тамъ ожидаетъ насъ яркое солнце; и сильное желанїе есть залогъ исполненїя.

Не смотря на всѣ успѣхи Физики и Астрономїи, не смотря на всѣ блестящїя мечты воображенїя, понятїя наши о Природѣ не могутъ быть здѣсь достаточны и сообразны съ истиннымъ ея величїемъ.

(Съ Нѣмецкаго.)

IV.

СТИХИ

Во изъявленіе всеподданнической благодарности за полученную Высочайшую милость 1802 года, Ноября 10 дня.

Когдабъ я не былъ старыхъ лѣтъ,
Туда направилъ бы полетъ,
Гдѣ вѣчны Музы обитаютъ;
Гдѣ ихъ безсмертны голоса,
Отверзивъ слухъ свой, небеса
Въ восторгахъ сладостныхъ внимаютъ.

*

У нихъ бы лиру испросилъ,
И въ громкихъ пѣсняхъ возгласилъ
Златые въ той Державѣ годы,
Гдѣ, молнію забывъ и громъ,
Орла младаго подъ крыломъ,
Ликуютъ разные народы;

*

Гдѣ миръ цвѣтетъ, не льется кровь,
Въ порфирѣ царствуетъ Любовь,
Струятся милости отъ трона —
Гдѣ подданнымъ усерднымъ быть,
Отечество свое любить,
Единственный символъ закона. —

*

Какой великолѣпный храмъ
Моимъ является очамъ?
Чей тамо ликъ въ вѣнцѣ сіяетъ?
Богиня Мудрости предъ Нимъ,
Стоящая съ копьемъ своимъ,
Сей ликъ Эгидой осѣняетъ.

*

Составя Музы цѣпь изъ рукъ,
Поютъ похвальны пѣсни вкругъ,
Что имъ нетлѣнны храмы строитъ;
Внимая ихъ усердный хоръ,
Къ нимъ щедрый обращаетъ взоръ;
Поэтовъ въ старости покоитъ!

*

Пророческій, небесный духъ,
Вѣщаетъ всей вселенной въ слухъ,
Что Онъ отечество прославитъ; —
Что младость проводя въ трудахъ,
На твердыхъ мраморныхъ столпахъ
Блаженство общее возставитъ.

*

Пусть Марсъ на лаврахъ въ полѣ спитъ;
Перунъ не движется, молчитъ:
Но въ гнѣвѣ Царь на нихъ лишь взглянетъ
Проснется Марсъ — исторгнетъ мечь;
Перунъ, разить враговъ и жечь,
Возникнетъ — возшумитъ и — грянетъ!

*

Его душевна красота
Полночны озаритъ мѣста, —
Въ златой премѣнитъ вѣкъ желѣзный. —
Хотя языкъ мой и молчитъ,
Но сердце, сердце говоритъ:
Се АЛЕКСАНДРЪ! — нашъ Царь любезный!

М. Х.

V.

Любовь.

До солнца, на зарѣ прекрасной,
Съ восторгомъ чувствъ, съ улыбкой страстной
Эльмира наконецъ сказала мнѣ: *люблю!*
Сады волшебства тамъ, гдѣ все для сердца мило;
За эхомъ эхо въ слѣдъ катилось и твердило:
Люблю!

Люблю! шепталъ лѣсокъ; *люблю!* журчали воды;
Люблю! проворковалъ на миртахъ голубокъ.
Люблю! былъ голосъ всей Природы.
Но въ радостяхъ любви летятъ часы и годы:
Минута протекла. Тотъ легкій вѣтерокъ,
Въ которомъ, слышно, рой Амуровъ зародился,
И вѣчно на груди красавицъ всѣхъ рѣзвился,
Коснулся крылошкомъ ко мнѣ и къ ней — и вдругъ
Изъ *словъ* явился дымъ — и съ искрою потухъ!

Владиміръ Измайловъ.

VI.

МАРѲА ПОСАДНИЦА,

или

Покореніе Новагорода.

Книга вторая (*).

Въ густотѣ дремучаго лѣса, на берегу великаго озера Ильменя, жилъ мудрый и благочестивый отшельникъ Ѳеодосій, дѣдъ Марѳы Посадницы, нѣкогда знатнѣйшій изъ Бояръ Новогородскихъ. Онъ семдесятъ лѣтъ служилъ отечеству: мечемъ, совѣтомъ, добродѣтелію, и наконецъ захотѣлъ служить Богу единому въ тишинѣ пустыни; торжественно простился съ народомъ на Вечѣ, видѣлъ слезы добрыхъ согражданъ, слышалъ сердечныя благословенія за долговременную Новогородскую вѣрность его, самъ плакалъ отъ умиленія и вышелъ изъ града. Златая медаль его висѣла въ Софійской церкви, и всякій новый Посадникъ украшался ею въ день избранія.

Уже давно онъ жилъ въ пустынѣ, и только два раза въ годъ могла приходить къ нему Марѳа, бесѣдовать съ нимъ о судьбѣ Новагорода или о радостяхъ и пе-

(*) Въ началѣ сей повѣсти надлежало поставить: *книга первая.*

чаляхъ ея сердца. Сошедши съ Вадимова мѣста при звукѣ набата, она спѣшила къ нему съ юнымъ Мїрославомъ (*), и нашла его стоящаго на колѣняхъ предъ уединенною хижиною: онъ совершалъ вечернее моленїе. „Молись, добродѣтельный старецъ!“ сказала она: „буря угрожаетъ отечеству.“ — *Знаю*, отвѣтствовалъ пустынникъ, и съ горестїю указалъ рукою на небо (**). Густая туча висѣла и волновалась надъ Новымградомъ; изъ глубины ея сверкали красныя молнїи и вылетали шары огненные. Станицы плотоядныхъ вранов парили надъ златыми крестами храмовъ, какъ будто бы въ ожиданїи скорой добычи. Между тѣмъ лютые звѣри страшно выли во мракѣ лѣса, и древнїя сосны, ударяясь вѣтвями одна объ другую, трещали на корняхъ своихъ. . . . Марѳа твердымъ голосомъ сказала пустыннику: „Когда бы все „небо запылало и земля какъ море вос„колебалась подъ моими ногами, и то„гда бы сердце мое не устрашилось: есть-

(*) Въ Новѣгородѣ было еще обыкновенїе называться древними Славянскими именами. Такъ, на примѣръ, лѣтописи сохранили намъ имя Рашьмїра, одного изъ товарищей Александра Невскаго.

(** Въ старину хотѣли всегда читать на небѣ предстоящую гибель людей.

„ли Новугороду должно погибнуть, то „могу ли думать о жизни своей?“ Она извѣстила его о происшествіи. Ѳеодосій обнялъ ее съ горячностію. „Великая дочь „моего сына!“ вѣщалъ онъ съ умиленіемъ: „послѣдняя отрасль нашего славнаго ро„да! въ тебѣ пылаетъ кровь Молинскихъ: „она не совсѣмъ охладѣла и въ моемъ „сердцѣ, изнуренномъ лѣтами; посвя„тивъ его Небу, еще люблю славу и „вольность Новаграда. . . но слабая рука „человѣческая отведетъ ли сокрушитель„ные удары всевышней Десницы? Душа „моя содрогается: я предвижу бѣдствія!...“ Судьба людей и народовъ есть тайна Провидѣнія (отвѣтствуетъ Мареа): но дѣла зависятъ отъ насъ единственно, и сего довольно. Сердца гражданъ въ рукѣ моей: они не покорятся Іоанну, и душа моя торжествуетъ! Самая опасность веселитъ ее. . . Чтобы не укорять себя въ будущемъ, потребно только дѣйствовать благоразумно въ настоящемъ, избирать лучшее и спокойно ожидать слѣдствій... Многочисленное воинство соберется, готовое отразить врага; но должно поручить его вождю надежному, смѣлому, рѣшительному. Исаакъ Борецкій (*) во гробѣ;

(*) Мужъ ея. —

въ сынахъ моихъ нѣтъ духа воинскаго; я воспитала ихъ усердными гражданами: они могутъ умереть за отечество, но единое Небо вливаетъ въ сердца то пламенное геройство, которое повелѣваетъ рокомъ въ день битвы. — „Развѣ мало славныхъ витязей въ Новѣградѣ?" сказалъ Ѳеодосій: „ужасъ Лифляндіи, Георгій *смѣлый*" . . . — Преселился къ отцамъ своимъ. — „Побѣдитель Витофта, Владиміръ *знаменитый*" . . . — Отъ старости мечь выпалъ изъ руки его. — „Михаилъ *храбрый*" . . . — Онъ врагъ Іосифа Дѣлинскаго и Борецкихъ: можетъ ли быть другомъ отечества? — „Димитрій *сильный*" . . . — Сильна рука его, но сердце коварно: онъ встрѣтилъ за городомъ Посла Іоаннова и тайно говорилъ съ нимъ. — „Кпожъ будетъ главою войска и щитомъ Новаграда?" — Сей юноша! отвѣтствуетъ Посадница, указавъ на Мірослава. . . . Онъ снялъ пернатый шлемъ съ головы своей; заря вечерняя и блескъ молніи освѣщали величественную красоту его. Ѳеодосій смотрѣлъ съ удивленіемъ на юношу.

„Никто не знаетъ его родителей," говоритъ Мареа: „онъ былъ найденъ въ пеленахъ на желѣзныхъ ступеняхъ Вадимова мѣста, и воспитанъ въ училищѣ

Ярослава (*); рано удивлялъ старцевъ своею мудростію на Вечахъ, а Витязей храбростію въ битвахъ. Исаакъ Борецкій умеръ въ его объятіяхъ. Всякой разъ, когда я встрѣчалась съ нимъ на стогнахъ града, сердце мое влеклось дружбою къ юношѣ, и взоръ мой невольно за нимъ слѣдовалъ. Онъ сирота въ мірѣ; но Богъ любитъ сирыхъ, а Новгородъ великодушныхъ. Ихъ именемъ ставлю юношу на степень величія; ихъ именемъ вручаю ему судьбу всего, что для меня драгоцѣннѣе въ свѣтѣ: вольности и Ксеніи! Такъ, онъ будетъ супругомъ моей любезнѣйшей дочери! Тотъ, кто опаснымъ и великимъ саномъ вождя обратитъ на себя всѣ стрѣлы и копья самовластія, мною раздраженнаго, не долженъ быть чуждымъ роду Борецкихъ и крови моей... Я изумила благодарное и чувствительное сердце юноши: онъ клянется побѣдою или смертію оправдать меня въ глазахъ согражданъ и потомства. Благослови, мужъ святой и добродѣтельный, волю нѣжной матери, которая болѣе Ксеніи любитъ одно отечество! Сей союзъ достоинъ твоей правнуки: онъ заключается въ

(*) Такъ называлось всегда главное училище въ Новѣгородѣ (говоритъ Авторъ).

день рѣшительный для Новаграда и соединяетъ ея жребій съ его жребіемъ. Супругъ Ксеніи есть или будущій спаситель отечества или обреченная жертва свободы!" — Ѳеодосій обнялъ юношу, называя его сыномъ своимъ. Они вошли въ хижину, гдѣ горѣла лампада. Старецъ дрожащею рукою снялъ булатный мечь, на стѣнѣ висѣвшій, и вручая его Мірославу, сказалъ: „Вотъ послѣдній остатокъ мірской славы въ жилищѣ отшельника! Я хотѣлъ сохранить его до гроба, но отдаю тебѣ: Ратьміръ, предокъ мой, изобразилъ на немъ златыми буквами слова: *никогда врагу не достанется!*"... Мірославъ взялъ сей древній мечь съ благоговѣніемъ, и гордо отвѣтствовалъ: *исполню условіе!* — Марѳа долго еще говорила съ мудрымъ Ѳеодосіемъ о силахъ Князя Московскаго, о вѣрныхъ и невѣрныхъ союзникахъ Новаграда, и сказала наконецъ юношѣ: „Возвратимся; буря утихла. Народъ покоится въ великомъ градѣ; но для сердца моего уже нѣтъ спокойствія!" Старецъ проводилъ ихъ съ молитвою.

Восходящее солнце озарило первыми лучами своими на лобномъ мѣстѣ Посадницу, окруженную народомъ. Она держала за руку Мірослава и говорила:

„Народъ! сей Витязь есть Небесный „даръ Великому граду. Его рожденіе „скрывается во мракѣ таинства; но „благоволеніе Всевышняго явно ознамено„вало юношу. Чѣмъ Небо отличаетъ „Своихъ избранныхъ, когда сей видъ ге„ройскій, сіе чело гордое, сей взоръ „огненный не есть печать любви Его? „Онъ питомецъ отечества, и сердце его „сильно бьется при имени свободы. Вамъ „извѣстны подвиги Мірославовой храбро„сти.“ . . . (Мароа съ жаромъ и красно„рѣчіемъ описала ихъ) . . . „Сограждане!“ сказала она въ заключеніе: „Кого болѣе „всѣхъ долженъ ненавидѣть Князь Мо„сковскій, тому болѣе всѣхъ вы можете „вѣрить: *я признаю Мірослава достой„нымъ вождемъ Новогородскимъ!* . . . Са„мая цвѣтущая молодость его вселяетъ „въ меня надежду: щастіе ласкаетъ „юность!“ . . . Народъ поднялъ вверхъ руки: Мірославъ былъ избранъ! . . . *Да здравствуетъ юный вождь силъ Новогород„скихъ!* восклицали граждане, и юноша съ величественнымъ смиреніемъ преклонилъ голову. Бояре и Люди Житые осѣнили его своими знаменами. Іосафъ Дѣлинскій, другъ Мароы, вручилъ юношѣ златый жезлъ начальства. Старосты пяти Концовъ Новогородскихъ стали предъ нимъ

съ сѣкирами, и Тысяцкіе, громогласно объявивъ собраніе войска, на лобномъ мѣстѣ записывали имена гражданъ для всякой тысячи. Димитрій *Сильный* обнималъ Мірослава, называя его своимъ повелителемъ; но Михаилъ *Храбрый*, воинъ суровый, изъявлялъ негодованіе. Народъ, раздраженный его укоризнами, хотѣлъ смирить гордаго; но Мареа и Дѣлинскій великодушно спасли его: они уважали въ немъ достоинство Витязя и щадили врага личнаго, презирая месть и злобу.

Мареа отъ имени Новаграда написала убѣдительное и трогательное письмо къ союзной Псковской Республикѣ. „Отцы „наши (говорила она) жили всегда въ „мирѣ и дружбѣ; у нихъ было *одно* бѣд„ствіе и щастіе, ибо они *одно* любили „и ненавидѣли. Братья по крови Сла„вянской и Вѣрѣ православной, они назы„вались братьями и по духу народному. „Псковитянинъ въ Новѣгородѣ забывалъ, „что онъ не въ отчизнѣ своей, и давно „уже извѣстна пословица въ землѣ Рус„кой: *сердце на Великой* (*), *душа на „Волховѣ*. Естьли мы чаще могли помо„гать вамъ, нежели вы намъ; естьли „страны дальнія отъ насъ свѣдали имя

(*) Имя Псковской рѣки.

„ваше; естьли условія, заключенныя „Великимъ Градомъ съ Великою Ганзою, „оживили торговлю Псковскую; естьли „вы заимствовали его спасительные „уставы гражданскіе, и естьли ни хищ„ность Татаръ, ни властолюбіе Князей „Тверскихъ не повредили вашему благо„денствію (ибо щитъ Новаграда осѣнялъ „друзей его): то хвала единому Небу! „Мы не гордимся своими услугами и ща„стливы только ихъ воспоминаніемъ. Ны„нѣ, братья, зовемъ васъ на помощь къ „себѣ, не для отплаты за добро Ново„городское, а для собственнаго вашего „блага. Когда рука сильнаго сразитъ „насъ, то и вы не переживете вѣрныхъ „друзей своихъ. Самая покорность не „спасетъ вашего бытія народнаго: что „нынѣ останется въ умѣ самовластите„ля, то завтра припомнится граждани„ну на дѣлѣ. — Увѣренные въ вашей „мудрости и любви къ общей славѣ, мы „уже назначили предъ градомъ мѣсто „для вѣрной дружины Псковской.“ — Чиновники подписали грамоту, и гонецъ немедленно отправился съ нею.

Трубы и литавры возвѣстили на великой площади явленіе гостей иностранныхъ. Музыканты, въ шелковыхъ красныхъ мантіяхъ, шли впереди; за ними

граждане десяти вольныхъ городовъ Нѣмецкихъ, по два въ рядъ, всѣ въ богатой одеждѣ, и несли въ рукахъ, на серебряныхъ блюдахъ, златые слитки и камни драгоцѣнные. Они приближились къ Вадимову Мѣсту, и поставили блюда на ступени его. *Ратсгеръ* города Любека *требовалъ слова* — и сказалъ народу: „Граждане и чиновники! вольные люди Нѣмецкіе свѣдали, что сильный врагъ угрожаетъ Новуграду. Мы давно торгуемъ „съ вами, и хвалимся вѣрностію, славимся пріязнію Новогородскою; знаемъ „благодарность, умѣемъ помогать друзьямъ въ нуждѣ. Граждане и чиновники! „пріимите усердные дары добрыхъ гостей иностранныхъ, не столько для „умноженія казны нашей, сколько для „нашей чести. Требуемъ еще отъ васъ „оружія и дозволенія сражаться подъ „знаменами Новогородскими. Великая Ганза не простила бы намъ, естьли бы „мы остались только свидѣтелями вашихъ опасностей. Насъ 700 человѣкъ „въ Великомъ Градѣ: всѣ выдемъ въ „поле — и клянемся вѣрностію Нѣмецкою, „что умремъ или побѣдимъ съ вами!“ — — Народъ съ живѣйшею благодарностію принялъ такіе знаки дружескаго усердія. Самъ Мірославъ роздалъ оружіе гостямъ

чужеземнымъ, которые желали составить особенный легїонъ: Марѳа назвала его *дружиною великодушныхъ*, и граждане общимъ восклицанїемъ подтвердили сїе имя.

Уже, среди шумныхъ воинскихъ приготовленїй, день склонялся къ вечеру — и юная Ксенїя, сидя подъ окномъ своего дѣвическаго терема, съ любопытствомъ смотрѣла на движенїя народныя: они казались чуждыми ея спокойному, кроткому сердцу! . . . . Злополучная! . . . . Такъ юный, невинный пастырь, еще озаряемый лучами солнца, съ любопытствомъ смотритъ на сверкающую вдали молнїю, не зная, что грозная туча на крыльяхъ бури прямо къ нему стремится, грянетъ и поразитъ его! . . . Воспитанная въ простотѣ древнихъ Рускихъ нравовъ, Ксенїя умѣла наслаждаться только одною своею Ангельскою непорочностїю, и ничего болѣе не желала; никакое тайное движенїе сердца не давало ей чувствовать, что есть на свѣтѣ другое щастїе. Естьли иногда свѣтлый взоръ ея нечаянно устремлялся на юношей Новогородскихъ, то она краснѣлась, не зная причины: стыдливость есть тайна невинности и добродѣтели. Любить мать и свято исполнять ея волю, любить братїй и ми-

лыми ласками доказывать имъ свою нѣжность, было единственною потребностїю сей кроткой души. Но Судьба неисповѣдимая захотѣла ввергнуть ее въ мятежъ страстей человѣческихъ; прелестная какъ роза погибнетъ въ бурѣ, но съ твердостїю и великодушїемъ: она была Славянка! . . . Искра едва на землѣ свѣтится: сильный вѣтеръ развѣваетъ изъ нее пламя.

Отворяется дверь уединеннаго терема, и служанки входятъ съ богатымъ нарядомъ: подаютъ Ксенїи одежду алую, ожерелье жемчужное, серьги изумрудныя; произносятъ имя матери ея, и дочь, всегда послушная, спѣшитъ нарядиться, не зная, для чего. Скоро приходитъ Мареа, смотритъ на Ксенїю, смягчается душею и даетъ волю слезамъ материнской горячности. . . Можетъ быть, тайное предчувствїе въ сїю минуту омрачило сердце ея; можетъ быть, милая дочь казалась ей нещастною жертвою, украшенною для олтаря и смерти! Долго не можетъ она говорить, прижимая любезную, спокойную невинность къ пламенной груди своей; наконецъ укрѣпилась силою мужества и сказала: „Радуйся, Ксенїя! сей день „есть щастливѣйшїй въ жизни твоей: „нѣжная мать избираетъ тебѣ супруга,

„достойнаго быть ея сыномъ!“ . . . Она ведетъ ее въ храмъ Софійскій.

Уже народъ свѣдалъ о семъ знаменитомъ бракѣ, изъявлялъ радость свою и шумными толпами провожалъ Ксенію, изумленную, встревоженную сколь внезапною перемѣною судьбы своей. . . Такъ юная горлица, воспитанная подъ крыломъ матери, вдругъ видитъ мирное гнѣздо свое разрушенное вихремъ, и сама несется имъ въ неизвѣстное пространство; напрасно хотѣла бы она слабымъ усиліемъ нѣжныхъ крыльевъ своихъ противиться стремленію бури. . . Уже Ксенія стоитъ предъ олтаремъ подлѣ юноши; уже совершается обрядъ торжественный; уже она супруга: но еще не взглянула на того, кто долженъ быть отнынѣ властелиномъ судьбы ея. . . О слава священныхъ правъ матери и добродѣтельной покорности дѣвъ Славянскихъ! . . . Самъ Ѳеофилъ (*) благословилъ новобрачныхъ. Ксенія рыдала въ объятіяхъ матери, которая, съ нѣжностію обнимая дочь свою и Мірослава, въ то же время принимала съ величіемъ усерданыя поздравленія Чиновниковъ. Іосафъ Дѣлинскій именемъ всѣхъ гражданъ звалъ юношу въ домъ Яросла-

(*) Тогдашній Епископъ Новогородскій.

вовъ. „Ты не имѣешь родителей,“ говорилъ онъ: „отечество признаетъ тебя „великимъ сыномъ своимъ; и главный за„щитникъ правъ Новогородскихъ да жи„ветъ тамъ, гдѣ Князь добродѣтельный „утвердилъ ихъ своею печатію, и гдѣ „Новгородъ желаетъ нынѣ угостить ново„брачныхъ!“ . . . *Нѣтъ*, отвѣтствовала Мареа: „*еще мечь Іоанновъ не преломился „о щитъ Мїрослава или не обагрился его „кровїю за Новгородъ!*“ . . . и тихо примолвила: *о вѣрный другъ Борецкихъ! хотя въ сей день, въ послѣднїй разъ, да буду матерью, одна среди моего семейства!* — — Она вышла изъ храма съ дѣтьми своими. Чиновники не дерзали слѣдовать за нею, и народъ далъ новобрачнымъ дорогу; жены знаменитыя усыпали ее цвѣтами до самыхъ воротъ Посадницы. Мїрославъ велъ нѣжную, томную Ксенїю (и Новгородъ никогда еще не видалъ столь прелестной четы) — впереди Мареа — за нею два сына ея. Музыканты чужеземные шли вдали, играя на своихъ гармоническихъ орудїяхъ. Граждане забыли опасность и войну; веселїе сїяло на лицахъ; и всякой отецъ, смотря на величественнаго юношу, гордился имъ какъ сыномъ своимъ; и всякая мать, видя Ксенїю, хвалилась ею какъ милою своею дочерью. Мареа весе-

лилась усердїемъ народнымъ: облако всегдашней задумчивости исчезло въ глазахъ ея; она взирала на всѣхъ съ улыбкою привѣтливой благодарности.

Съ самой кончины Исаака Борецкаго домъ его представлялъ унынїе и пустоту ...сти: теперь онъ снова украшается ко...ами драгоцѣнными и богатыми тканями Нѣмецкими; вездѣ зажигаются свѣтильники серебряные, и вѣрные слуги Борецкихъ радостными толпами встрѣчаютъ новобрачныхъ. Мароа садится за столъ, съ дѣтьми своими; ласкаетъ ихъ, цѣлуетъ Ксенїю, и всю душу свою изливаетъ въ искреннихъ разговорахъ. Никогда милая дочь ея не казалась ей столь любезною. „Ксенїя!" говоритъ она: „нѣжное, кроткое сердце твое узнаетъ теперь „новое щастїе, любовь супружескую, ко„торой всѣ другїя чувства уступаютъ. „Въ ней жена малодушная, осужденная „рокомъ на однѣ жалобы и слезы въ бѣд„ствїяхъ, находитъ твердость и рѣши„тельность, которой могутъ завидовать „Герои!... О дѣти любезныя! теперь „открою вамъ тайну моего сердца!"... Она дала знакъ рукою, и многочисленные слуги удалились.... „Было время, „и вы помните его (продолжала Мароа), „когда мать ваша жила единственно для

„супруга и семейства въ тишинѣ дома „своего, боялась шума народнаго, и только „въ храмы священные ходила по стогнамъ; „не знала ни вольности, ни рабства; не „знала, повинуясь сладкому закону любви, „что есть другїе законы въ свѣтѣ, отъ „которыхъ зависитъ щастїе и бѣдствїе „людей. О время блаженное! твои милыя „воспоминанїя извлекаютъ еще нѣжныя „слезы изъ глазъ моихъ!.. Кто нынѣ „узнаетъ мать вашу? Нѣкогда робкая, „боязливая, уединенная, съ смѣлою твер- „достїю предсѣдаетъ теперь въ Совѣтѣ „Старѣйшинъ, является на лобномъ „мѣстѣ, среди народа многочисленнаго, „велитъ умолкнуть тысячамъ, говоритъ „на Вечѣ, волнуетъ народъ какъ море, „требуетъ войны и кровопролитїя — та, „которую прежде одно имя ихъ ужасало!.. „Чтожь дѣйствуетъ въ душѣ моей? что „премѣнило ее столь чудесно? Какая сила „даетъ мнѣ власть надъ умами сограж- „данъ? Любовь!... одна любовь. ... „къ отцу вашему, сему Герою добродѣ- „тели, который жилъ и дышалъ отече- „ствомъ!... Готовый выступить въ поле „противъ Литовцевъ, онъ казался за- „думчивымъ, безпокойнымъ; наконецъ „открылъ мнѣ душу свою и сказалъ: *Я „могу положить голову въ сей войнѣ кро-*

„пролитной; дѣти наши еще младенцы; „съ моею смертїю умолкнетъ голосъ Бо„рецкихъ на Вечѣ, гдѣ онъ издревле сла„вилъ вольность и воспалялъ любовь къ „отечеству. Народъ слабъ и легкомысленъ: „ему нужна помощь великой души въ важ„ныхъ и рѣшительныхъ случаяхъ. Я пред„вижу опасности, и всѣхъ опаснѣе для „насъ Князь Московскїй, который тайно „желаетъ покорить Новгородъ. О другъ мо„его сердца! успокой его! Лѣтописи древ„нїя сохранили имена нѣкоторыхъ великихъ „женъ Славянскихъ: клянись мнѣ превзой„ти ихъ! клянись замѣнить Исаака Бо„рецкаго въ народныхъ совѣтахъ, когда его „не будетъ на свѣтѣ! клянись быть не„примиримымъ врагомъ непрїятелей свобо„ды Новогородской! клянись умереть защит„ницею правъ ея! и тогда умру спокой„но. . . . Я дала клятву. . . Онъ погибъ, „вмѣстѣ съ моимъ щастїемъ. . . Не знаю, „катились ли изъ глазъ моихъ слезы на „гробъ его: я не о слезахъ думала; но, „обожавъ супруга, пылала ревностїю вос„кресить въ себѣ душу его. Мудрыя „преданїя древности, языки чужеземные, „лѣтописи народовъ вольныхъ, опыты вѣ„ковъ, просвѣтили мой разумъ. Я гово„рила — и старцы съ удивленїемъ вни„мали словамъ моимъ; народъ добро-

„душный, осыпанный моими благодѣяні-
„ями, любитъ и славитъ меня; чинов-
„ники имѣютъ ко мнѣ довѣренность, ибо
„думаю только о славѣ Новаграда; враги
„и завистники. . . . но я презираю ихъ.
„Всѣ видятъ дѣла мои; но вы одни знае-
„те теперь ихъ тайный источникъ. О
„Ксенія! я могу служить тебѣ примѣ-
„ромъ; но ты, юноша, избранный сынъ
„моего сердца, желай только сравняться
„съ отцомъ ея. Онъ любилъ супругу и
„дѣтей своихъ; но съ радостію предалъ бы
„насъ въ жертву отечеству. Гордость,
„славолюбіе, героическая добродѣтель есть
„свойство великаго мужа; жена слабая бы-
„ваетъ сильна одною любовію; но чув-
„ствуя въ сердцѣ ея небесное вдохновеніе,
„она можетъ превзойти великодушіемъ
„самыхъ великихъ мужей, и сказать
„року: *не страшусь тебя!* Такъ Ольга
„любовію къ памяти Игоря заслужила
„безсмертіе; такъ Мареа будетъ удив-
„леніемъ потомства, естьли злословіе не
„омрачитъ дѣлъ ея въ лѣтописяхъ!“ . . .

Она благословила дѣтей, и заключи-
лась въ уединенномъ своемъ теремѣ; но
сонъ не смыкалъ глазъ ея. — Въ самую
глубокую полночь Мареа слышитъ тихій
стукъ у двери: отворяетъ ее — и вхо-
дитъ человѣкъ, суроваго вида, въ одеждѣ

не-Руской, съ длиннымъ мечемъ Липовскимъ, съ златою на груди звѣздою; едва наклоняетъ свою голову, объявляетъ себя тайнымъ Посломъ Казимира, и представляетъ Мароѣ письмо его. Она съ гордою скромностію отвѣтствуетъ: *жена Новогородская не знаетъ Казимира; я не возьму грамоты.* Хитрый Полякъ хвалитъ Героиню Великаго Града, извѣстную въ самыхъ отдаленныхъ странахъ, уважаемую Царями и народами. Онъ уподобляетъ ее великой дочери Краковой, и называетъ *Новогородскою Вандою* (*)..... Мароа внимаетъ ему съ равнодушіемъ. Полякъ описываетъ ей величіе своего Государя, щастіе союзниковъ и бѣдствіе враговъ его... Она съ гордостію садится. „Казимиръ великодушно предлагаетъ Новугороду свое заступленіе," говоритъ онъ: „требуйте, и легіоны Польскіе окружатъ васъ своими щитами!" ..... Мароа задумалась.... „Когда же спасемъ васъ, тогда"..... Посадница быстро взглянула на него..... „тогда благодарные Новогородцы должны признать въ Казимирѣ своего благотворителя — и властелина, который безъ сомнѣнія не употребитъ во зло ихъ довѣ-

(*) О сей Королевѣ Польскія лѣтописи разсказываютъ чудеса.

ренности“.... *Умолкни!* грозно восклицаетъ Мароа.... Изумленный пылкимъ ея гнѣвомъ, Посолъ безмолвствуетъ; но, устыдясь робости своей, возвышаетъ голосъ и хочетъ доказать необходимую гибель Новагорода, естьли Казимиръ не защититъ его отъ Князя Московскаго... „Лучше погибнуть отъ руки „Іоанновой, нежели спастись отъ вашей!“ съ жаромъ отвѣтствуетъ Мароа: „Когда „вы не были лютыми врагами народа „Рускаго? когда міръ надѣялся на слово „Польское? Давно ли самъ невѣрный „Амуратъ удивлялся вѣроломству вашему (*)? И вы дерзаете мыслить, что „народъ великодушный захочетъ упасть „на колѣна предъ вами? Тогда бы Іоаннъ „справедливо укорялъ насъ измѣною. „Нѣтъ! естьли угодно Небу, то мы „падемъ съ мечемъ въ рукѣ предъ Княземъ „Московскимъ: одна кровь течетъ въ „жилахъ нашихъ; Руской можетъ покориться Рускому, но чужеземцу — никогда, никогда!.. Удались немедленно; „и естьли восходящее солнце освѣтитъ „тебя еще въ стѣнахъ Новогородскихъ,

(*) Сіе происшествіе было тогда еще ново. Владиславъ, Король Польскій, едва заключивъ торжественный миръ съ Султаномъ, нечаянно напалъ на его владѣнія.

„ты будешь высланъ съ безчестіемъ. „Такъ, Мареа любима народомъ своимъ; „но она нелишь ему ненавидѣть Литву и „Польшу... Вотъ отвѣтъ Казимиру!“ — — Посолъ удалился.

На другой день Новгородъ представилъ вмѣстѣ и грозную дѣятельность воинскаго стана и великолѣпіе народнаго пиршества, даннаго Мареою въ знакъ ея семейственной радости. Стукъ оружія раздавался на стогнахъ. Вездѣ являлись граждане въ шлемахъ и въ латахъ; старцы сидѣли на великой площади и разсказывали о битвахъ юношамъ неопытнымъ, которые вокругъ ихъ толпились, и еще въ первый разъ видѣли на себѣ доспѣхи блестящіе. Въ то же время безчисленные столы накрывались вокругъ Мѣста Вадимова: ударили въ колоколъ, и граждане сѣли за нихъ; воины клали подлѣ себя оружіе, и пировали. Рука изобилія подавала яства. Борецкіе угощали народъ съ восточною роскошію. Мірославъ и Ксенія ходили вокругъ столовъ и просили гражданъ веселиться. Юный полководецъ ласково говорилъ съ ними; юная супруга его кланялась имъ привѣтливо. Въ сей день Новогородцы составляли одно семейство: Мареа была его матерью. Она садилась за всякимъ столомъ, называла гражданъ своими

гостями любезными, служила имъ, дружески бесѣдовала съ ними, хотѣла казаться равною со всѣми и — казалась Царицею. Громогласныя изъявленія усердія и радости встрѣчали и провожали ее; когда она говорила, всѣ безмолствовали; когда молчала, всѣ говорить хотѣли, чтобы славить и величать Посадницу. За первымъ столомъ и въ первомъ мѣстѣ сидѣлъ древнѣйшій изъ Новогородскихъ старцевъ, котораго отецъ помнилъ еще Александра Невскаго: внукъ съ сѣдою брадою принесъ его на пиръ народный. Мареа подвела къ нему новобрачныхъ: онъ благословилъ ихъ и сказалъ: *живите мои лѣта, но не переживайте славы Новогородской!*... Сама Посадница налила ему серебряный кубокъ вина пѣнистаго: старецъ выпилъ его, и томная кровь начала быстрѣе въ немъ обращаться. „Мареа!“ говорилъ онъ: „я былъ свидѣтелемъ твоего славнаго рожденія на берегу Невы. „Храбрый Молинскій занемогъ въ станѣ: „войско не хотѣло сражаться до его выздоровленія. Мать твоя спѣшила къ нему „изъ Великаго Града; и когда мы разили „Нѣмецкихъ Рыцарей — когда родитель „твой, еще блѣдный и слабый, мечемъ „своимъ указывалъ намъ путь къ ихъ *святому пралору*, ты родилась. Первый вопль

„твой былъ для насъ гласомъ побѣды; „но Молинскій упалъ мертвый на тѣло „Великаго Магистера Рудольфа, имъ „сраженнаго!.. Финскій волхвъ, жившій „тогда на берегу Невы, пророчествовалъ, „что судьба твоя будетъ славна, но“.. Старецъ умолкъ. Мареа не хотѣла изъявить любопытства.

Всѣ Чиновники вмѣстѣ съ нею и дѣтьми ея служили народу. Гости иностранные украсили Великую Площадь разноцвѣтными пирамидами, изобразивъ на нихъ имена и гербы вольныхъ городовъ Нѣмецкихъ. Вокругъ пирамидъ, въ большихъ корзинахъ, лежали товары чужеземные: Мареа дарила ихъ народу. Мраморный образъ Вадимовъ былъ увѣнченъ искусственными лаврами; на щитѣ его вырѣзалъ Дѣлинскій имя Мірослава: граждане, увидѣвъ то, воскликнули отъ радости, и Мареа съ чувствительностію обняла своего друга. Всѣ Новогородцы ликовали, не думая о будущемъ: одинъ Михаилъ *Храбрый* не хотѣлъ брать участія въ народномъ веселіи, сидѣлъ въ задумчивости подлѣ Вадимовой статуи и въ безмолвіи острилъ мечь на ея подножіи. — Пиршество заключилось ввечеру потѣшными огнями.

Скоро гонецъ возвратился изъ Пскова и на лобномъ мѣстѣ вручилъ грамоту Степенному Посаднику. Онъ читалъ — и съ печальнымъ видомъ отдалъ письмо Мареѣ. . . . „Друзья!“ сказала она знаменитымъ гражданамъ: „Псковитяне, „какъ добрые братья, желаютъ Нову-„городу щастія — такъ говорятъ они — „только даютъ намъ совѣты, а не вой-„ско — и какіе совѣты? ожидать всего „отъ Іоанновой милости!“ . . . . *Измѣнники!* воскликнули всѣ граждане. *Недостойные!* повторяли гости чужеземные. *Отмстимъ имъ!* говорилъ народъ. *Презрѣніемъ!* отвѣтствовала Мареа; изорвала письмо, и на отрывкѣ его написала ко Псковитянамъ: *доброму желанію не вѣримъ, совѣтомъ гнушаемся, а безъ войска вашего обойтися можемъ.*

Новгородъ, оставленный союзниками, еще съ большею ревностію началъ вооружаться. Ежедневно отправлялись гонцы въ его области (*), съ повелѣніемъ высылать войско. Жители береговъ Невскихъ, великаго озера Ильменя, Онеги, Мологи, Ловата, Шелоны, одни за другими являлись въ общемъ станѣ, въ который Міро-

(*) Онѣ назывались Пятинами: Водскою, Обонежскою, Бежецкою, Деревскою, Шелонскою.

славъ вывелъ гражданъ Новогородскихъ. Усердїе, дѣятельность и воинскїй разумъ сего юнаго Полководца удивляли самыхъ опытныхъ Витязей. Онъ встрѣчалъ на конѣ солнце, составлялъ легїоны, прїучалъ ихъ къ стройному шествїю, къ быстрымъ движенїямъ и стремительному нападенїю, въ присутствїи женъ Новогородскихъ, которыя съ любопытствомъ и тайнымъ ужасомъ смотрѣли на сей образъ битвы. Между станомъ и вратами Московскими возвышался холмъ: туда обращался взоръ Мїрослава, какъ скоро порывъ вѣтра разсѣвалъ облака пыли; тамъ стояла обыкновенно, вмѣстѣ съ матерью, прелестная Ксенїя, уже страстная, чувствительная супруга. . . . Сердце невинное и скромное любитъ тѣмъ пламеннѣе, когда оно, слѣдуя закону Божественному и человѣческому, навѣкъ отдается достойному юношѣ. Жены Славянскїя издревле славились нѣжностїю. Она гордилась Мїроеславомъ, когда онъ блестящимъ махомъ меча своего приводилъ все войско въ движенїе, леталъ орломъ среди полковъ — восклицалъ, и единымъ словомъ останавливалъ быстрыя тысячи; но чрезъ минуту слезы катились изъ глазъ ея. . . . она спѣшила отирать ихъ съ милою улыбкою, когда мать

на нее смотрѣла. Часто Марѳа сходила съ высокаго холма и, въ шумномъ замѣшательствѣ, терялась между безчисленными рядами воиновъ.

Пришло извѣстіе, что Іоаннъ уже спѣшитъ къ Великому Граду съ своими храбрыми, опытными легіонами. Еще изъ дальнихъ областей Новогородскихъ, отъ Каргополя и Двины, ожидали войска; но Верховный Совѣтъ далъ Вождю повелѣніе, и Міславъ сорвалъ покровъ съ *хоругви отечества*. . . она возвѣялась, и громкое восклицаніе раздалося: *друзья! въ поле!* Сердца родителей и супругъ затрепетали. . . . Тысячи колеблются и выступаютъ: первая и вторая состояли изъ знаменитыхъ гражданъ Новогородскихъ и Людей Житыхъ; одежда ихъ отличалась богатствомъ, оружіе блескомъ, осанка благородствомъ, а сердца пылкостію: каждый изъ нихъ могъ уже славиться дѣлами мужества или почтенными ранами. Михаилъ *Храбрый* шелъ наряду съ другими, какъ простый воинъ. Юный Міславъ взялъ его за руку, вывелъ впередъ и сказалъ: *Честь Витязей! повелѣвай сими мужами знаменитыми!* Михаилъ хотѣлъ взглянуть на него съ гордостію; но взоръ его изъявилъ чувствительность . . . *Юноша! я враговъ Борецкихъ!* . . . „Но другъ сла-

вы Новогородской!" отвѣтствовалъ Мiрославъ, и Витязь обнялъ его, сказавъ: *ты хочешь моей смерти!* За симъ легiономъ шла *дружина великодушныхъ*, подъ начальствомъ Ратсгера Любекскаго. Знамя ихъ изображало двѣ соединенныя руки надъ пылающимъ жертвенникомъ, съ надписью: *дружба и благодарность!* Они, вмѣстѣ съ Новогородцами, составляли *большой полкъ*, Онежцы и Волховцы *передовой*, жители Деревской области *правую*, Шелонскiе *лѣвую руку*, а Невскiе *стражу* (*). Мiрославъ велѣлъ войску остановиться на равнинѣ.... Марѳа явилась посреди его и сказала:

„Храбрые Витязи! въ послѣднiй разъ „да обратятся глаза ваши на сей градъ, „славный и великолѣпный: судьба его „написана теперь на щитахъ вашихъ! „Мы встрѣтимъ васъ со слезами радости „или отчаянiя, прославимъ Героевъ или „устыдимся малодушныхъ. Естьли возвра„титесь съ побѣдою, то щастливы ро„дители и жены Новогородскiя, которые „обнимутъ дѣтей и супруговъ; естьли „возвратитесь побѣжденные, то будутъ „щастливы сирые, безчадные и вдовицы!.. „Тогда живые позавидуютъ мертвымъ!

(*) Такъ раздѣлялись тогда армiи. Большимъ полкомъ назывался главный корпусъ, а стражею или сторожевымъ полкомъ арiергардъ.

„О воины великодушные! вы идете „спасти отечество и навѣки утвердить „благіе законы его; вы любите тѣхъ, съ „которыми должны сражаться: но почто „же ненавидятъ они величіе Новаграда? „Отразите ихъ — и тогда съ радостію „примиримся съ ними!

„Грядите — не съ миромъ, но съ „войною для мира! Донынѣ Богъ любилъ „насъ; донынѣ говорили народы: *кто противъ Бога и великаго Новаграда!* Онъ съ „вами: грядите!“

Заиграли на трубахъ и литаврахъ. Мірославъ вырвался изъ объятій Ксеніи. Мареа, возложивъ руку на юношу, сказала только: *исполни мою надежду!* Онъ сѣлъ на гордаго коня, блеснулъ мечемъ — и войско двинулось, громко взывая: *кто противъ Бога и великаго Новаграда!* Знамена развѣвались, оружіе гремѣло и сверкало, земля стонала отъ конскаго топота — и въ облакахъ пыли сокрылись грозныя тысячи. Жены Новогородскія не могли удержать слезъ своихъ; но Ксенія уже не плакала, и съ твердостію сказала матери: *отнынѣ ты будешь моимъ примѣромъ!*

Еще много жителей осталось въ Великомъ Градѣ; но тишина, которая въ немъ царствуетъ по отходѣ войска,

скрываетъ число ихъ. *Торговая сторона* (*) опустѣла: уже иностранные гости не раскладываютъ тамъ драгоцѣнныхъ своихъ товаровъ для прельщенія глазъ; огромныя хранилища, наполненныя богатствами земли Руской, затворены; не видно никого на *Мѣстѣ Княжескомъ*, гдѣ юноши любили славиться искусствомъ и силою въ разныхъ играхъ богатырскихъ — и Новгородъ, шумный и воинственный за нѣсколько дней предъ тѣмъ, кажется великою обителію мирнаго благочестія. Всѣ храмы отворены съ утра до полуночи: Священники не снимаютъ ризъ, свѣчи не угасаютъ предъ образами, ѳиміамъ безпрестанно курится въ кадилахъ, и молебное пѣніе не умолкаетъ на крилосахъ; народъ толпится въ церквахъ; старцы и жены преклоняютъ колѣна. Робкое ожиданіе, страхъ и надежда, волнуютъ сердца, и люди, встрѣчаясь на стонахъ, не видятъ другъ друга . . . Такъ народъ дерзко зоветъ къ себѣ опасности издали; но видя ихъ вблизи, бываетъ робокъ и малодушенъ! Одни Чиновники кажутся спокойными — одна Марѳа тверда душею, дѣятельна въ Совѣтѣ, словоохотна на Великой Площади среди гражданъ

(*) Часть города, гдѣ жили купцы.

и весела съ домашними. Юная Ксенія не уступаетъ матери въ знакахъ наружнаго спокойствія, но только не можетъ разлучиться съ нею, укрѣпляясь въ душѣ видомъ ея героической твердости. Онѣ вмѣстѣ проводятъ дни и ночи. Ксенія ходила съ матерью даже въ Совѣтъ Верховный.

Первый гонецъ Мірославовъ нашелъ ихъ въ саду: Ксенія поливала цвѣты — Марѳа сидѣла подъ вѣтвями древняго дуба, въ глубокомъ размышленіи. Мірославъ писалъ, что войско изъявляетъ жаркую ревность; что всѣ именитые Витязи увѣряютъ его въ дружбѣ, и всѣхъ болѣе Димитрій *Сильный*; что Іоаннъ соединилъ полки свои съ Тверскими, и приближается; что славный воевода Московскій, Василій Образецъ, идетъ впереди, и что Холмскій есть главный по Князѣ начальникъ. — Вторый гонецъ привезъ извѣстіе, что Новогородцы разбили отрядъ Іоаннова войска, и взяли въ плѣнъ 50 Московскихъ дворянъ. — Съ третьимъ Мірославъ написалъ только одно слово: *сражаемся*. Тутъ сердце Марѳы наконецъ затрепетало: она спѣшила на Великую Площадь, сама ударила въ *Вечевый колоколъ* объявила гражданамъ о началѣ

рѣшительной битвы, стала на Вадимовомъ Мѣстѣ, устремила взоръ на Московскую дорогу и казалась неподвижною. Солнце восходило. . . . уже лучи его пылали, но еще не было никакого извѣстія. Народъ ожидалъ въ глубокомъ молчаніи, и смотрѣлъ на Посадницу. Уже наступалъ вечеръ. . . . и Мароа сказала: „я вижу облака пыли.“ Всѣ руки поднялися къ Небу. . . . Мароа долго не говорила ни слова . . . Вдругъ, закрывъ глаза, громко воскликнула: *Мірославъ убитъ! Іоаннъ побѣдитель!* и бросилась въ объятія къ нещастной Ксеніи.

(*Окончаніе впредь.*)

VII.

Отцы Оверньйскіе во Франціи.

Подъ симъ именемъ уже давно извѣстенъ былъ въ Европѣ древній союзъ нѣкоторыхъ семействъ въ Оверньйской провинціи: многіе считали его мистическимъ, и не только говорили, но даже и писали о таинствахъ *отцовъ Оверньйскихъ.* Одинъ изъ новыхъ Французскихъ путешественниковъ говоритъ объ нихъ слѣдующее:

„Между земледѣльцами Департамента Пюи де-Домъ издавна нѣкоторыя семейства славятся добродѣтелію и простотою нравовъ своихъ. Ихъ называютъ *Пинонами*, *Перїу* и *Гелями*. Пиноны кажутся древнѣйшими; уже въ 14 вѣкѣ было извѣстно ихъ имя. Любовь къ добродѣтели, тишинѣ и трудамъ служитъ единственною связїю сего общества или семейства. Оно живетъ въ особенномъ селенїи, раздѣленномъ на четыре *локолѣнїя*; каждое имѣетъ своего начальника, изъ которыхъ выбирается глава всей деревни или *Мастеръ*. Сїи четыре старѣйшины образуютъ совѣтъ, имѣющїй полную, неограниченную власть: они правятъ какъ отцы, рѣшатъ всѣ дѣла, и никогда еще не употребляли во зло сей власти; ихъ любятъ, уважаютъ и слѣпо имъ повинуются.

„Пиноны владѣютъ всѣми землями вокругъ деревни своей, ни въ чемъ не дѣлятся между собою и живутъ въ щастливой посредственности; обѣдаютъ за однимъ столомъ, ѣдятъ умѣренно и веселятся благопристойно. Роскошь имъ совсѣмъ неизвѣстна Великїй Мастеръ ихъ одѣвается такъ же, какъ и простой земледѣлецъ. Рѣдко они соединяются бра-

комъ съ чужими — и должны быть за то изключены изъ общества: въ такомъ случаѣ, при отпускѣ, даютъ мущинѣ 500, а женщинѣ 200 ливровъ. Пиноны любятъ кровь свою и боятся смѣшенія; однакожь бракъ дозволяется у нихъ только между внучатными.

„Въ домахъ ихъ все чисто и просто. Одна женщина, избираемая старѣйшинами, обязана смотрѣть за дѣтьми селенія, другая имѣть попеченіе о больныхъ и старикахъ. Мудрость удалила отъ нихъ всѣ причины зависти и гордости: женѣ *Мастера* поручаются всегда самыя низкія должности. Между ими нѣтъ ни фанатизма, ни ссоръ, ни лукавства: видно одно сердечное братство, искренняя любовь, охотное гостепріимство. Нравственная непорочность, душевная веселость, миролюбіе, цвѣтущее здоровье, сія естественная награда добродѣтели: вотъ картина Пиноновъ! Никто болѣе ихъ не любитъ отечества, законной справедливости и свободы. Изображеніе сихъ людей было бы несовершенно, естьли бы я не примолвилъ, что они совсѣмъ не имѣютъ честолюбія. Нѣсколько разъ общественная довѣренность предлагала имъ важные чины и мѣста въ государствѣ и

они указываютъ на свои хижины, поля — на дѣтей своихъ, и говорятъ: *чего намъ болѣе?*"

VIII.

О Дельфинѣ, новомъ романѣ Госпожи Сталь.

Мы должны замѣчать въ *Вѣстникѣ* чрезвычайныя явленія Европейской Литтературы, и для того спѣшимъ извѣстить Читателей о семъ романѣ, котораго еще нѣтъ у нашихъ иностранныхъ книгопродавцевъ. Славная дочь славнаго отца (*) имѣетъ множество непріятелей въ Парижѣ; самъ Великій Консулъ весьма не благоволитъ къ ней, и сказываютъ, что *Дельфина* ему не полюбилась: и такъ не мудрено, что Журналисты судятъ ее съ крайнею строгостію; мудрено единственно то, что Бонапарте имѣетъ время читать романы. Вотъ что говоритъ объ ней одинъ изъ первыхъ остроумцевъ нынѣшняго Парижа:

„Наконецъ явился романъ Госпожи Сталь, котораго всѣ ожидали съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ! Онъ безъ сомнѣнія

(*) Неккера.

надѣлаетъ много шуму, будучи произведенїемъ славнаго пера, хотя Авторъ донынѣ занимался совсѣмъ иными предметами. Съ какимъ любопытствомъ стали бы читать собранїе Элегїй Графа Мирабо, Идиллїй Г. Альфїери (*), Анакреонтическихъ Одъ Томаса Пена (**)? Романъ Госпожи Сталь долженъ возбудить такое же любопытство. Нѣтъ человѣка, которой бы не удивлялся ея политическимъ и метафизическимъ творенїямъ: ихъ жаркому, *вдохновенному* слогу; многимъ сильнымъ, живымъ идеямъ и какому-то чудному безпорядку въ мысляхъ. Кажется, что Госпожа Сталь утоляетъ свою жажду одною Кастальскою водою, питается лавровыми листьями и сидитъ въ кабинетѣ своемъ не покойнѣе Аполлоновой жрицы, когда она объявила Ликурга богомъ! Какъ могла сїя *бурная* душа укротиться и *разнѣжиться* для произведенїя романа?... Скажемъ нѣсколько словъ объ его содержанїи.

„Дельфина Альбемаръ есть вдова; она не жалѣетъ о мужѣ своемъ, но говоритъ объ немъ съ похвалою; не думаетъ о новомъ бракѣ и часть имѣнїя своего отдаетъ сестрѣ, желая соединить ее съ Леонсомъ,

(*) Министръ Сардинскаго Короля.
(**) Американскаго Республиканца и Политика.

котораго не знаетъ лично, но котораго всѣ хвалятъ. Сей Леонсъ пріѣзжаетъ изъ Гишпаніи: онъ совершенный красавецъ. Это должно сказать, ибо Авторъ безпрестанно говоритъ о красотѣ его; и въ семъ *романѣ добродѣтели* физическія свойства играютъ вообще великую ролю! Дельфина есть также Ангелъ красоты. Сочинительница описываетъ ея прелести: гибкой станъ, подобный стеблю Нарцисса; свѣтлорусые волосы, закрывающіе до половины глаза кроткіе и пламенные; взоры, въ которыхъ изображается умъ необыкновенный, но характеръ робкій; лицо одушевленное и видъ милой безпечности, который еще скромнѣе и невиннѣе моральной строгости. Леонсъ любитъ и любимъ безъ памяти; все обращается для нихъ въ прелесть и въ симпатію. Но что же дѣлать? Леонсъ далъ слово жениться на Матильдѣ: можно взять его назадъ; красавецъ женится на Дельфинѣ, и романъ съ концомъ ... Успокойтесь, любопытные читатели; вы не знаете, какъ нынѣ пишутъ романы. Къ щастью, злословіе вооружается противъ Дельфины: Леонсъ вѣритъ ему, и съ досады ведетъ къ олтарю Матильду. — Скоро все объясняется: онъ въ отчаяніи, но поздно. Дельфина утѣшаетъ его; всякой день съ нимъ

вмѣстѣ, одна, въ деревнѣ; знаетъ свою добродѣтель и презираетъ мнѣнїе злыхъ людей, которые не вѣрятъ, чтобы молодые, страстные любовники могли провождить ночи въ невинныхъ разговорахъ о Морали, столь занимательной для ихъ сердца! Бѣдную Дельфину бранятъ, оскорбляютъ и выводятъ наконецъ изъ терпѣнія: она скрывается въ одинъ Швейцарскїй монастырь, и должна постричься. Матильда умираетъ: Леонсъ свободенъ, увозитъ Дельфину и не хочетъ на ней жениться. Злодѣи Якобинцы берутъ его подъ стражу: нѣжная любовница не можетъ спасти друга и принимаетъ ядъ; она умираетъ, а Леонсъ разстрѣленъ.

„Каковъ планъ?... Мораль сего романа торжествуетъ на словахъ, а добродѣтель въ слезахъ и въ отчаянїи. Онъ съ первой страницы до послѣдней изображаетъ бѣдствїе сей добродѣтели. Умъ, сердце и характеръ Дельфины теряются въ *облакахъ мечтательности*. Она удивляетъ своимъ глубокомысленіемъ и слѣдуетъ только первымъ движенїямъ; великодушна по вдохновенїю и безразсудна на дѣлѣ. *Часть* характера, мыслей и дѣлъ ея можно назвать совершенствомъ; но *вся* Дельфина есть странная мечта и горячка пылкаго воображенїя. Ея добродѣтель ничто иное,

какъ вѣтреносіть, Мораль гордое пустословіе, а любовь болѣзнь. Припадки страсти слѣдуютъ за припадками Философіи. Вообще можно сказать, что сердце ея гораздо лучше головы. Леонсъ есть также *изступленный*; однакожь, не смотря на то, сіи любовники плѣняютъ читателя милыми свойствами, и нещастія ихъ до крайности трогательны. — Всѣ же другіе характеры истинны, прекрасны, занимательны и служатъ доказательствомъ великаго таланта.

„Сей романъ есть волшебный замокъ, въ которомъ не льзя жить; стѣны его блистаютъ діаманітами, а нѣтъ ни одного стула. Читатель изумленъ, растроганъ, плѣняется воображеніемъ Автора — но въ сердцѣ остается какое-то мрачное неудовольствіе.“

ПОЛИТИКА.

I.

Нѣкоторыя замѣчанія на уголовные и гражданскіе законы въ отношеніи къ Россіи.

Письмо изъ Д * * * отъ Г. фонъ Р * * * къ О. П. К., по случаю присылки къ нему книги сочиненія Прускаго Юрисконсульта Клейна.

Ваше Превосходительство въ бытность мою въ Петербургѣ изъявили мнѣ желаніе имѣть книгу (*), почитаемую отъ всѣхъ знатоковъ превосходнѣйшимъ твореніемъ сего рода. Я беру смѣлость воспользоваться симъ для доставленія оной вамъ, въ полномъ увѣреніи, что вы съ удовольствіемъ будете читать такое сочиненіе, въ коемъ повсюду видны основательное правовѣдѣніе, человѣколюбіе и философской духъ.

Сочинитель, коего лично имѣю честь знать, и котораго наставленіямъ я весьма много обязанъ, есть одинъ изъ извѣстнѣйшихъ сочленовъ верховнаго судилища

(*) Annalen der Gesetzgebung und Rechtgelehrsamkeit in den Preußischen Staaten, herausgegeben von D. Klein.

въ Пруссіи. Заслугами своими достигъ онъ сей степени и снискалъ себѣ благоволеніе Монарха.

Я гнушаюсь всякою лестію — но Ваше Превосходительство засѣдаете также, какъ извѣстно, въ верховномъ Правительствѣ сей обширной Имперіи, и пріобрѣли такое же право на всеобщее уваженіе и признательность. Я тѣмъ свободнѣе позволяю себѣ говорить въ семъ случаѣ, что человѣкъ, не имѣющій, подобно мнѣ, никакихъ видовъ, и которой цѣлые двадцать лѣтъ не занимается ничѣмъ, кромѣ наукъ и своей должности, не можетъ быть подозрѣваемъ въ ласкательствѣ.

Творецъ сей книги славится особенно глубокими свѣдѣніями своими въ уголовномъ судопроизводствѣ. Можно сказать, что онъ нѣкоторымъ образомъ преобразовалъ его, ибо завелъ основательнѣйшій, истиннаго Философа достойный, порядокъ при слѣдствіяхъ.

Позвольте мнѣ, въ надеждѣ на благосклонное вниманіе В. П., представить вамъ нѣкоторыя замѣчанія мои на уголовные и гражданскіе законы вообще.

Видя, съ какою обстоятельностію, съ какимъ благоразуміемъ и человѣколюбіемъ, съ какою достаточною подробностію и искусствомъ отправляется въ

Пруссіи гражданское и уголовное судопроизводство, кто не пожелаетъ, чтобы и мы достигнули въ томъ равной степени совершенства? — Что достигнуть сей степени вдругъ не возможно въ такомъ государствѣ, гдѣ еще никогда полнаго законоположенія издано не было, разумѣется само по себѣ. Но не забудемъ и того, что Пруссію также, какъ и другія земли, въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій покрывалъ хотя схоластическій, но не менѣе варварскій мракъ заблужденій. Можетъ быть еще въ Россіи, по избавленіи отъ Татарскаго ига (*), слѣдуя одному внушенію естественнаго понятія о правѣ и справедливости, менѣе надѣлано неправосудій, при всемъ недостаткѣ схоластической учености, нежели при избыткѣ оной въ тѣхъ земляхъ, въ которыхъ пламенникъ классическихъ познаній не мѣшалъ собственности, и самой жизни гражданъ, быть жертвою судей.

(*) Развѣ почтенный Авторъ думаетъ, что *подъ игомъ* Татарскимъ у насъ не было судовъ? Татары не вмѣшивались во внутреннія, гражданскія или уголовныя дѣла Россіи, и судили только Князей между собою, когда они сами требовали ихъ посредства. Вся неволя нашихъ городовъ состояла въ томъ, чтобы отъ времени до времени угощать Пословъ Татарскихъ и давать имъ деньги. — К.

Дѣла о колдовствѣ, изслѣдованія *чрезъ огонь*, таинственныя судилища и всѣ толь многія неистовства, отъ 12 до 18 столѣтія продолжавшіяся, суть страшные памятники варварства въ отправленіи правосудія. Осьмойнадесять вѣкъ, и собственно сказать, только во второй половинѣ своей освѣтилъ всѣ народы свѣтомъ законовъ. Нынѣ еще занимаются приведеніемъ ихъ въ порядокъ. Особливо Пруссія сдѣлала въ томъ исполинской шагъ и трудится непрестанно въ достиженіи совершенства. По новѣйшимъ извѣстіямъ, въ Англіи также занимаются симъ великимъ дѣломъ. Въ Саксоніи тихимъ и нечувствительнымъ образомъ многое исправляется. Конечно и въ самой Россіи не напрасно есть Наказъ Комиссіи о сочиненіи Новаго Уложенія, Дворянская Грамота, Городовое Положеніе, Полицейской Уставъ и Учрежденіе Губерній — сіи безсмертные памятники Великой Императрицы, предъ именемъ которой всякой правовѣдѣцъ съ благоговѣніемъ долженъ преклонить колѣно. Все сіе конечно есть преддверіе къ полному и достаточному законоположенію. Приведенныя здѣсь узаконенія, царствующимъ въ нихъ вездѣ философическимъ и практическимъ единообразіемъ въ цѣломъ, совершеннымъ

разграниченіемъ дѣлъ судныхъ отъ полицейскихъ и исполнительныхъ, равновѣсіемъ между различныхъ властей, благоразумнѣйшимъ направленіемъ всего къ единой цѣли, суть, по точному внутреннему увѣренію моему, нѣчто превосходное, которому потомство не оставитъ отдать всей должной справедливости.

Да позволено мнѣ будетъ теперь съ таковымъ же прямодушіемъ сказать здѣсь вообще примѣчанія мои на первоначальныя основанія къ судному законоположенію. Сіи примѣчанія суть плоды опытности, пріобрѣтенной мною въ тринадцатилѣтнее предсѣдательствованіе въ такомъ судебномъ мѣстѣ, которое разбираетъ тяжбы и споры ста пятидесяти тысячь жителей, и изъ рѣшительныхъ опредѣленій коего, въ пять лѣтъ, ни одно верховнымъ Правительствомъ не было отмѣнено.

Гражданское и уголовное законоположеніе единственно тогда можетъ назваться благоучрежденнымъ, когда опредѣляются имъ: 1) *законы*; 2) *порядокъ судопроизводства*.

Вопервыхъ законы. Всѣ народы, не исключая и Римлянъ, долгое время заблуждали въ томъ, что не полагали никакого различія между *общими законами* и

между *частными узаконенїями*. Естьли бы нужны были только сїи послѣднїя, единственно *на случай* дѣлаемыя и законами именуемыя распоряженїя, то всякая страна могла бы хвалиться своимъ богатствомъ; но тѣ, которыя наиболѣе оными изобиловали, болѣе всѣхъ прочихъ обыкновенно и жаловались на неполность законовъ, на запутанность ихъ и неясность. Цицеронъ и Юстинїанъ по справедливости негодовали на то, что свыше силъ человѣческихъ было знать всѣ законы, но что со всѣмъ тѣмъ ежедневно потребны новые. Книги законовъ у Готѳовъ, Лонгобардовъ въ десять кратъ превосходили величиною Прусскїя; однакожъ тамъ столько же имѣли причины, какъ и Юстинїанъ, сѣтовать на скудость въ законахъ, проистекающую изъ самаго изобилїя ихъ: ибо у нихъ недоставало первоначальнаго и главнѣйшаго основанїя въ собранїи законовъ, *всеобще принятыхъ началъ законодательства*. Юстинїанъ и сорокъ его исподкователей чувствовали сїю истину, и удовлетворили ей нѣкоторымъ образомъ тѣмъ, что они изъ сего бездоннаго океана частныхъ узаконенїй выбрали все, казавшееся имъ содержащимъ въ себѣ точнѣйшїя законовъ основанїя. Но они начерпали изъ сихъ многоразличныхъ исто-

чниковъ вмѣстѣ съ полезнымъ и столько дряни, что самую драгоцѣннѣйшую перлу надлежитъ часто отыскивать въ кучѣ веществъ совсѣмъ противнаго роду. Да и какъ было имъ выпутаться изъ всѣхъ различныхъ образованій древняго и новѣйшаго Римскаго Правленія и Философіи тогдашнихъ временъ? На всякомъ шагу у нихъ общія постановленія для частныхъ случаевъ; рѣдко видѣнъ разумъ сихъ постановленій; вездѣ изключенія и дополненія вмѣсто опредѣленности и правилъ. Но мы уже видимъ здѣсь усиліе духа, развивающаго свои способности, и послѣдніе 10 листовъ, написанные ими (50 *книга Пандектовъ и половина Институтовъ*) стоятъ болѣе, нежели всѣ прочія вмѣстѣ.

У Саксонцовъ, Франковъ и Швабовъ, у Галловъ, Италіянцовъ, Британцовъ, въ продолженіе многихъ столѣтій шло сіе, естьли не хуже, то по крайней мѣрѣ столь же худо; они скопляли горы предписаній и узаконеній, а имъ во всемъ почти недоставало законовъ.

Въ осьмомъ-надесять столѣтіи усмотрѣли наконецъ, что не многочисленность предписаній, но *всеобщая пригодность* ихъ болѣе потребна; что не возможно и даже напрасно описывать всѣ могущіе быть случаи, и для каждаго особое правило устана-

вливать, когда не бываетъ двухъ совершенно одинакихъ случаевъ; а по тому безполезно также затверживать всѣ сіи тысячи разновидныхъ обстоятельствъ: ибо кто бы и зналъ ихъ всѣ на память, оставался бы со всѣмъ тѣмъ просто указовѣдѣцъ, не будучи отъ того хорошимъ судьею.

И такъ стали установлять законныя правила, извлекая ихъ изъ находившихся уже законовъ, подобно какъ эссенцію изъ вещественной матеріи. Многіе Государи имѣли въ одно время сію щастливую мысль. Въ Пруссіи, Швеціи, Саксоніи, Тосканѣ и многихъ небольшихъ Нѣмецкихъ областяхъ учредились Коммиссіи, коимъ препоручено было сіи *вообще пригодныя начала законодательства* изыскать, предпоставить ихъ основаніемъ въ особенныхъ узаконеніяхъ и законныхъ предписаніяхъ частныхъ провинцій, городовъ и обществъ, и соединить съ оными. Я говорю, *соединить*: ибо отличительной знакъ сихъ началъ законодательства и вся *цѣль* ихъ клонится не къ тому, чтобы дать разрѣшеніе на всѣ особенные случаи, а всѣ прочія постановленія въ разсужденіи ихъ уничтожить; но ихъ *цѣль* есть учредить *теорію* или *умственной порядокъ*, по которому бы всѣ узаконенія могли быть приводимы въ испол-

ненїе. Такъ, на примѣръ, извѣстный указъ 1766 года, „чтобы всѣ контр-„акты свято наблюдались,“ есть настоящее фундаментальное законное правило, на которое безпрестанно дѣлаются ссылки: оно, при всей своей простотѣ, полезнѣе ста другихъ обстоятельнѣйшихъ предписанїй, коимъ служитъ основанїемъ. И такъ первою потребностїю книги законовъ есть ясная, вразумительная, изъ врожденныхъ человѣкамъ свойствъ и связи общежитїя ихъ заимствованная *теорїя законовъ*. Къ оной присоединяется *раздѣленїе теорїи всѣхъ* законовъ вообще, разпорядокъ матерїй въ естественной ихъ постепенности, всеобщїя опредѣлительныя назначенїя или дефинициї (сїи твердыя подпоры всѣхъ познанїй) закона и правъ, дѣлъ, дѣянїй, объявленїй, сдѣлокъ, владѣнїя, собственности, ихъ предметовъ и слѣдствїй, способовъ прїобрѣтать собственность и лишаться оной: таковое начертанїе съ заключенїями въ главнѣйшихъ случаяхъ есть существенная потребность книги законовъ для великаго, изъ толь многоразличныхъ частей состоящаго государства.

Я повторяю еще, что такою теорїею законовъ частныя учрежденїя и узаконенїя не могутъ быть всѣ вдругъ

испровержены. Надлежитъ только, чтобы ни одинъ прежній законъ не былъ употребляемъ иначе, какъ сообразно съ правилами теоріи. Коль скоро постановится сіе непреложнымъ закономъ, всѣ частныя узаконенія, по мѣрѣ несогласованія ихъ съ сими, для всего человѣчества приличными правилами, мало по малу сдѣлаются безполезными, и изъ сего родится общее и единственно возможное успаво-положеніе для всѣхъ судей.

Сказанное мною идетъ равно къ теоріи гражданскихъ и уголовныхъ законовъ. Мы спросимъ: что же сдѣлано въ Россіи въ разсужденіи сего?

Въ теоріи гражданской занимаетъ первое мѣсто *Наказъ Коммиссіи для составленія законовъ*. Оный содержитъ въ себѣ, по намѣренію Императрицы, превосходные отрывки, долженствующіе нѣкогда подъ инымъ видомъ войти въ теорію. Узаконенія о Дворянствѣ, о Городахъ и Полиціи, суть также полезныя учрежденія и заключаютъ въ себѣ первоначальныя основанія законовъ, которыя также пригодны къ будущей системѣ.

Указъ о поединкахъ превосходитъ все, что можно сказать въ его похвалу. Онъ заключаетъ въ себѣ благоразумнѣйшую теорію, и, подобно вышесказаннымъ, за-

служиваетъ почти слово отъ слова быть внесеннымъ въ будущую книгу законовъ.

Въ разсужденіи теоріи уголовныхъ законовъ нѣтъ у насъ ничего полнаго, кромѣ нѣкоторыхъ, ни съ чѣмъ несравненныхъ мѣстъ въ *Наказѣ*, гдѣ рѣчь идетъ о сей матеріи.

Вторая существенная часть хорошаго законоположенія есть опредѣленность *порядка въ производствѣ*.

Сюда принадлежитъ въ особенности все то, что касается до отправленія и доставленія правосудія, какъ то, *порядокъ производства суда*, или *форма суда*, и *порядокъ производства дѣлъ* или *формы* такъ называемаго *канцелярскаго порядка* въ производствѣ дѣлъ уголовныхъ и гражданскихъ.

Канцелярской порядокъ опредѣляетъ частію *узаконенное внутреннее учрежденіе судебныхъ мѣстъ*, частію же *предметы дѣлъ, принадлежащихъ* до каждаго мѣста.

Въ Россіи есть *Учрежденіе* объ управленіи Губерній. Оное, вообще говоря, есть столь превосходное, съ такою простотою и соглашеніемъ всѣхъ взаимно связанныхъ частей, въ духѣ *Монтескьё* написанное цѣлое, коего опредѣленная цѣль и изящность пребудутъ навсегда предметомъ удивленія и даже подражанія всѣхъ Фило-

софовъ - законоискусниковъ. — —

— — — — —

Опредѣленность *предметовъ дѣлъ*, до каждаго мѣста относящихся, означена въ Учрежденіи объ Управленіи Губерній съ великою мудростію; ибо судныя дѣла отдѣлены отъ полицейскихъ весьма явственно, и въ семъ отношеніи образъ Управленія Губернскаго здѣсь преимущественнѣе предъ всѣми сосѣдственными землями, гдѣ граница сія не столь точно опредѣлена.

Судопроизводство тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлъ есть одинъ изъ существеннѣйшихъ предметовъ законодавца. И въ ономъ суть также первоначальныя правила и главныя черты, общія для всѣхъ земель въ свѣтѣ. Вездѣ долженъ истецъ приносить жалобу съ основаніемъ, вездѣ отвѣтчикъ долженъ быть выслушанъ, вездѣ съ обѣихъ сторонъ приведены доказательства. Сколь многоразличны роды судныхъ дѣлъ! — Во всякой землѣ уголовной судья обязанъ не выпускать ни на минуту изъ виду защищенія обвиняемаго; обязанъ доискиваться истины, за сколькими мрачными завѣсами ни скрывалась бы сія богиня. — Въ Россіи существуютъ нѣкоторые изрядные образцы для частныхъ случаевъ. Морской

Уставъ и Воинскіе Артикулы и Процессъ начерпаны весьма искусною рукою. Однако вообще по сей части остается еще великое множество къ дополненію; а сіе есть можетъ быть затруднительнѣйшій предметъ, какой только законодательную власть занять можетъ. Нѣмецкіе Криминалисты, и самъ *Клейнъ* между ими, служатъ достаточнымъ доказательствомъ тому, сколь трудно сообразить всѣ права человѣчества и правосудія; сколь легко напротивъ того предаться съ излишествомъ или чувствительности своей, или строгости! Кто изслѣдовалъ совершенно внутренность человѣческаго сердца? кто можетъ точно опредѣлить побудительныя причины дѣяній и свободное дѣйствіе воли человѣческой? Отъ чего однако единственно зависитъ всякое заключеніе. Сколь легко совратиться съ истиннаго пути! Съ одной стороны блескъ краснорѣчія, подъ которымъ виновный столь удобно укрывается; съ другой опасность слишкомъ скоро податься на осужденіе. Какъ трудно соблюсти всю должную противъ сего предосторожность въ такомъ государствѣ, гдѣ одни великія разстоянія препятствуютъ уже Земскому судьѣ съ должною разборчивостію войти во всѣ мѣстныя обстоятельства

дѣла! Я знаю всѣ неудобства сей работы, составляющей въ теченіи столькихъ лѣтъ любимѣйшее мое упражненіе. Какая должность затруднительнѣе — но какая же и лестнѣе той, въ которой каждая написанная строка, каждая идея размышляющаго судьи важна въ дѣлѣ человѣчества и правосудія!

И такъ чтобы во всѣ сіи различныя части законодательства, въ теорію первоначальныхъ законовъ и порядокъ производства, съ ихъ объясненными здѣсь отраслями и постепенностями, ввести единообразіе и достаточность, непремѣнно нужно средоточіе, или мѣсто для составленія законовъ, каковое въ Россіи уже подъ именемъ Коммиссіи существуетъ. Безъ таковаго нѣтъ ни малой возможности достигнуть нѣкоторой степени совершенства. Во многихъ Европейскихъ государствахъ мѣста, для составленія законовъ учрежденныя, впали въ заблужденіе Римлянъ и другихъ народовъ, то есть, предприняли собрать и соединить всѣ частныя узаконенія. Сіе есть дѣло невозможное, и кто бы на оное ни покусился, скоро изнеможетъ подъ разными трудностями такого предпріятія. Для составленія законовъ нѣтъ также никакой нужды во всеобщихъ народныхъ со-

браніяхъ составленныхъ, изъ разнаго званія людей. Изъ такого столпленія произойдетъ необходимо Вавилонское смѣшеніе языковъ, и никогда достигнуть не можно будетъ *теоріи всеобще-пригодныхъ первыхъ началъ законодательства.* — Когда всѣ нужные матеріалы собраны будутъ, тогда нѣсколько искусныхъ правовѣдцовъ, пріобрѣтшихъ черезъ систематическое учебное воспитаніе знаніе въ Юриспруденціи и другихъ съ нею сопряженныхъ наукахъ, подъ руководствомъ и начальствомъ нѣсколькихъ также просвѣщенныхъ ученіемъ особъ, выведутъ легко всю сію теорію.

Я, какъ частной человѣкъ, желаю душевно моему обширному отечеству, чтобы такое учрежденіе гражданскаго и уголовнаго законоположенія состоялось. — —

— — — — —

Ежели вы мнѣ позволите сообщить Вашему Превосходительству мои замѣчанія, слѣдствіе малой моей опытности, я приму на себя смѣлость доставить вамъ нѣкоторыя сочиненія мои о теоріи уголовныхъ и гражданскихъ законовъ и ихъ отраслей порознь. Я почелъ бы себѣ за особенное щастіе, естьли бы мое усердіе могло къ чему нибудь вамъ послужить.

Примите, Милостивый Государь, удостовѣреніе въ совершенномъ высокопочитаніи и преданности, съ каковыми — и проч.

II.

Письмо изъ Парижа.

Я былъ представленъ Консулу, и долженъ признаться, что никогда еще не видывалъ столь пышнаго Двора. Намъ велѣли быть въ 2 часа; но Бонапарте явился въ 4. Между тѣмъ 30 или 40 лакеевъ разносили въ залѣ шоколадъ и ликёры. Министровъ и всякаго роду чужестранцевъ было тутъ около трехъ сотъ человѣкъ. Первый Консулъ говорилъ со всѣми, которыхъ ему представляли; а другіе два Консула не трогались съ мѣста. Бонапарте, видя мой крестъ, спросилъ у меня, могу ли я жениться? и сказалъ, что нещастливъ тотъ, кто долженъ отказаться отъ семейственныхъ удовольствій. — Я видѣлъ также и Госпожу Бонапарте. Четыре Дамы и четыре Кавалера представляютъ ей чужестранцевъ. Второй Консулъ (Камбасересъ) велъ ее за руку, когда она вошла въ залу. Бонапарте, въ Консульскомъ мундирѣ,

въ бѣлыхъ чулкахъ и въ башмакахъ, пришелъ одинъ. Всѣ дамы и мущины стояли. Первый Консулъ сказалъ нѣсколько словъ всякой женщинѣ. Госпожа Бонапарте ходила за нимъ. Черезъ часъ они поклонились и вмѣстѣ ушли, а мы разъѣхались. Я видѣлъ въ Сен-Клудскомъ саду Бонапарте гуляющаго съ Министрами и Генералами; онъ одинъ былъ въ шляпѣ, а всѣ другіе ходили съ открытою головою, не смотря на холодную погоду. Консулъ бываетъ иногда въ театрѣ, но всегда сидитъ въ ложѣ за решеткою. — Я любопытствовалъ видѣть Мальмезонъ. Домъ снаружи очень простъ, но внутри мёбли и картины прекрасные. Въ кабинетѣ Бонапарте виситъ одинъ портретъ Фридриха II.

Въ Парижѣ 20 театровъ, изъ которыхъ 16 хуже нашего Берлинскаго. Первое мѣсто въ главныхъ спектакляхъ стоитъ 9 ливровъ (3 рубля). За изрядную комнату въ хорошей *отели* надобно платить 100 ливровъ въ мѣсяцъ. У лучшихъ *ресторатёровъ* обѣдаютъ въ 7 часовъ вечера за 12 ливровъ. — Здѣсь 18000 Англичанъ, которые изъ ненависти къ Французамъ до крайности бережливы.

Въ Парижѣ видно много разломанныхъ церквей и мало набожности. Конкордатъ имѣлъ слабое дѣйствїе на умы и сердца. Для процессїй и даже колокольнаго звона надобно всякой разъ требовать особеннаго дозволенїя. — Въ Инвалидномъ Домѣ видѣлъ я множество трофеевъ, и между ими только одно Прусское знамя.

Телеграфъ былъ въ дѣйствїи при моихъ глазахъ. Отъ Парижа до Бреста 260 миль: оттуда приходятъ извѣстїя въ 20 минутъ. — На общественныхъ зданїяхъ остались надписи: Liberté, Egalité, Fraternité (*свобода, равенство, братство*); слѣдующїя слова: ou la mort (*или смерть*), вездѣ стерты, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще примѣтны. — Англїйскїя газеты и журналы запрещены во всей Францїи. — На другой день послѣ моего представленїя явился ко мнѣ Консульской Капельмейстеръ и требовалъ подарка; это старинное обыкновенїе Папскаго Двора, которое ввелось нынѣ и въ Парижѣ.

III.

Извѣстія.

Парижъ.

Англійскіе и Голландскіе Журналисты пишутъ о важномъ заговорѣ противъ Бонапарте, открытомъ Полиціею и *Великимъ Судьею* Франціи. Они увѣряютъ, что Консулъ крайне встревоженъ числомъ заговорщиковъ, между которыми находятся и самые друзья его; что онъ съ великимъ безпокойствомъ спросилъ у Ренье (заступившаго мѣсто Фуше): „не уже ли и Бурьень въ заговорѣ?“ но услышавъ, что Бурьень невиненъ, успокоился на ту минуту. — Мы не вѣримъ сему слуху, равно какъ и тому, что Бонапарте скоро назовется Императоромъ, объявитъ наслѣдникомъ младенца, сына патчерицы его Луи Бонапарте, и на случай кончины своей назначитъ Регентомъ Іосифа Бонапарте, который будетъ управлять Франціею вмѣстѣ съ Верховнымъ Совѣтомъ и *Коллегіею Принцовъ*; что первый долженъ состоять изъ Генераловъ Мюра, Монсе, Камбасереса и Великаго Судьи; а вторая изъ чиновниковъ Почетнаго Легіона, Президентовъ Трибуната, Законодательнаго Корпуса, нѣко-

торыхъ Государственныхъ Совѣтниковъ и Сенаторовъ; что начальники Республикъ Голландской, Швейцарской, Италїянской, Лигурїйской, будутъ Великими Чиновниками новаго Императора, и что Бонапарте учредитъ Кавалерскїй Орденъ. Все хорошо и возможно; но Консулъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ любитъ нечаянность: какъ могли въ Англїи и въ Голландїи узнать его тайное намѣренїе? — Впрочемъ и въ Гамбургскихъ газетахъ писали за вѣрное, что на Французской монетѣ будетъ изображено лицо Наполеона. Между тѣмъ Сен-Клудской замокъ кажется ему или не довольно великолѣпнымъ или слишкомъ близкимъ къ шумному Парижу: отдѣлываютъ Версальской, гдѣ Наполеонъ *Первый* заступитъ мѣсто Лудовика XIV.

Бонапарте весьма торжественно принялъ Швейцарскихъ Депутатовъ въ Сен-Клу и говорилъ съ ними полтора часа; то есть, они безмолвно слушали, удивляясь его богатымъ, яснымъ и сильнымъ мыслямъ. „Чѣмъ болѣе узнаю ва„шу землю (сказалъ онъ), тѣмъ болѣе „увѣряюсь, что она не можетъ имѣть „одного правленїя. *Система представи„тельная* (représentatif) обременила бы Кан„тоны Демократическїе налогами, для

„нихъ необыкновенными; Телевы потом-
„ки не должны знать ни цѣпей, ни на-
„логовъ. Съ другой стороны чистая Демо-
„кратія не годится для Берна. Законы
„ваши должны быть различны и похо-
„дить на старые, но съ тремя изклю-
„ченіями: особенныя права Кантоновъ,
„подданство городовъ и земель, и нако-
„нецъ аристократическія фамиліи дол-
„жны навсегда исчезнуть. На семъ осно-
„ваніи легко учредить Кантонныя Пра-
„вленія и соединить ихъ общимъ Сей-
„момъ, или другимъ образомъ, чтобы
„Швейцарія имѣла средоточіе въ Поли-
„тикѣ. Для общественнаго Правленія
„земля ваша слишкомъ бѣдна. Вы не
„смѣете играть роли между великими
„Державами; а прежде могли отъ того,
„что сіи Державы, нынѣ соединенныя,
„были раздѣлены на многія. Учрежденіе
„регулярнаго войска уменшило бы силу
„Швейцаріи, ибо оно истребило бы ея
„милицію. Естьли хотите величія, то
„вамъ остается требовать соединенія съ
„Франціею и составить ея два Департа-
„мента; но сама Натура васъ отдѣлила
„отъ нее. Вы безопасны между двумя
„сильными государствами: храните неза-
„висимость, нравы и законы свои, и

„судьба ваша будетъ непостыдна. Союзное „правленіе ослабляетъ большія государ- „ства, но умножаетъ силу малыхъ обла- „стей, питая ихъ природную, частную „дѣятельность. И кому поручите главное, „общее правленіе? Естьли многимъ, то „они будутъ несогласны; а гдѣ же найдете „*одного* человѣка для такой власти? Самъ „я, почтенный довѣренностію великаго „народа, не могъ бы править вами. Есть- „ли выберете Цирихскаго гражданина, „то Бернъ будетъ недоволенъ; естьли „Католика, то Протестанты станутъ „роптать. Вы хотѣли учредить общее „правленіе, и ни въ чемъ не успѣли. Со- „брался законный Сеймъ: вы уничтожи- „ли его; а послѣдняя ваша Конституція „никогда не была мною одобрена. — Какъ „гражданинъ Французской приговорю, „что Швейцарія должна быть независи- „ма для внутреннихъ своихъ дѣлъ, а не „въ политическихъ сношеніяхъ съ Фран- „цією. Англіи нѣтъ дѣла до Швейцаріи, „и мы не потерпимъ опасныхъ ея шпіо- „новъ между вами. Бернъ издревле не „любитъ Франціи: Рединтъ и другіе „начальники послѣдняго мятежа искали „чуждаго покровительства. Сему быть „не должно. Франція не дозволитъ, чтобы

„Леманъ (*), котораго народъ соеди-„ненъ съ нею узами крови и языкомъ, „сдѣлался подданнымъ. Старайтесь въ „новомъ зданіи исполнить волю отече-„ства и воспользоваться революціею, не „думая о томъ, что прежде было. Удо-„вольствіе народа и способъ обойтись безъ „налоговъ — вотъ единственный девизъ „для трудовъ вашихъ!“

Въ Парижѣ угощаютъ и ласкаютъ Англійскаго Министра Витфорта, а между тѣмъ напечатана въ *Монитёрѣ* слѣдующая статья: „Г. Муръ (тайный Коммиссаръ „Англійскаго Министерства) явился въ „Шпутгардѣ; но Курфирстъ принялъ его „весьма дурно и сказалъ ему, что онъ, бу-„дучи союзникомъ Франціи, любитъ миръ „Европы, и чтобы Г. Муръ въ областяхъ „его не предпринималъ ничего несогласнаго „съ симъ расположеніемъ Курфирста. И „такъ славному Господину Муру вездѣ „неудача. Въ Вѣнѣ его также не хотѣли „слушать; а какъ извѣстно, что многіе „пасквили на Короля Прусскаго издаются „въ Лондонѣ *подъ особеннымъ и важнымъ „покровительствомъ*, то вѣроятно, что и „въ Берлинѣ не лучше съ нимъ обойдутся.

(*) То есть, Пеи-де-Во, Лозана, Веве и проч. Сія земля была въ подданствѣ Берна.

„Гдѣ же онъ найдетъ желаемыхъ союзни-„ковъ? Сомнительно, чтобы его приняли „и въ Ганноверѣ. Ему оставалось жить „въ Констанцѣ и пить тамошнее вино, „которое хуже Капскаго, въ ожиданіи, „чтобы купеческіе флоты пришли изъ „Индіи въ Англію *съ грузомъ союзниковъ.*“ — *Монитёръ* есть Журналъ Французскаго Правительства — и въ немъ пишутъ такія вещи!! Можно ли вообразить, чтобы Англійское Министерство издавало пасквили на Короля Прусскаго? И можетъ ли Бонапарте послѣ сей учтивой и дружеской статьи жаловаться на грубость Лондонскихъ Журналистовъ? Консулъ думалъ, что Муръ былъ отправленъ изъ Англіи въ Констанцъ для возмущенія Швейцаровъ: вотъ причина его негодованія!

Въ Марсели соорудили монументъ въ память великодушныхъ людей, которые во время бывшей тамъ (въ 1720 году) чумы не щадили жизни для спасенія зараженныхъ. На гранитной колоннѣ представленъ Геній здравія: онъ держитъ въ одной рукѣ угасающій факелъ жизни, а другою увѣнчеваетъ имена сихъ Героевъ добродѣтели. Въ надписи между прочимъ сказано: „Хвала Клименту XI, который „питалъ горестную Марсель! Хвала

„Тунискому Раису, который почтилъ сей „даръ великодушнаго Папы, и не хотѣлъ „отнять его! . . . Такимъ образомъ все„мірная Мораль соединила въ благотворе„ніи людей добродѣтельныхъ, хотя и не„согласныхъ въ правилахъ Вѣры.“

Сегюръ, который былъ нѣкогда Французскимъ Посломъ въ Россіи, сдѣланъ Государственнымъ или Консульскимъ Совѣтникомъ.

Извѣстный Географъ Мантель прислалъ экземпляръ своего новаго атласа Госпожѣ Луи Бонапарте, для новорожденнаго младенца ея, и написалъ:

Lorſqu'il aura grandi, ce charmant nourriſſon,
Montrez-lui, ſur ma carte, intéreſſante mère,
Les lieux où l'on bénit la gloire de ſon nom:
Il connoitra bientôt l'un et l'autre hémiſphère.

Въ новѣйшихъ засѣданіяхъ Англійскаго Парламента не было ничего отмѣнно важнаго. Министры, предложили новый законъ для избранія чрезвычайныхъ морскихъ Коммиссаровъ и для искорененія разныхъ злоупотребленій во флотѣ. Многіе Члены съ жаромъ его оспоривали, и между прочими Лордъ Темпель, который жаловался на то, что друзья Министерства приписываютъ ему одно желаніе спорить и мѣшать благодѣтельнымъ

учрежденіямъ. Шериданъ отвѣчалъ съ насмѣшкою: „Благородный Лордъ спра„ведливо осуждаетъ личности, которыхъ „онъ себѣ никогда не дозволяетъ. Правда, „что иногда его *Лордство* называетъ Ми„нистровъ *тупыми ножами*, *молокомъ* „*смѣшеннымъ съ водою*, *прѣснымъ соусомъ* „и проч.; но это безъ сомнѣнія не лич„ности, а разительныя доказательства „здравой Лодики!“ — Мы съ удоволь„ствіемъ переведемъ здѣсь слова Министра Аддингтона, сказанныя имъ въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій, лестныя для Питта и дѣлающія великую честь его собственной, рѣдкой скромности: „Же„лая открыть причину нынѣшняго „благоденствія Великобританніи, нахожу „ее въ мудрой системѣ моего предше„ственника, въ твердости и благоразуміи „Парламента и народа Англійскаго. Мнѣ „оставалось только слѣдовать плану быв„шаго Министра. Я не люблю говорить о „себѣ, но долженъ сказать нѣсколько словъ „въ отвѣтъ людямъ, которые обвиняютъ „меня и товарищей моихъ слабостію. „Пусть докажутъ, въ какомъ случаѣ, „во время войны или мира, мы не пока„зали твердости! Нѣкоторые утверждаю„тъ, что народъ не имѣетъ ко мнѣ до„вѣренности: я не столько гордъ, чтобы

„хвалиться ею; но знаю, что служа на-„роду Англійскому, служу доброму го-„сподину, который будетъ судить дѣла „мои великодушно и справедливо. Госу-„дарственное благо есть мой единствен-„ный предметъ съ того времени, какъ „Его Величеству угодно было призвать „меня въ Совѣтъ. Видя цвѣтущее состо-„яніе моего отечества, съ удовольствіемъ „вижу и то, что величіе Франціи не „должно устрашать Англіи, столь бога-„той и сильной.“

Въ Регенсбургѣ все еще ожидаютъ Императорской ратификаціи. Между тѣмъ Нѣмецкая публика занималась жаркимъ споромъ двухъ второкласныхъ Дворовъ Германіи — о Мангеймской библіотекѣ! Это дѣлаетъ честь ихъ вкусу и просвѣщенію. Хорошо подданнымъ, естьли Государи любятъ книги. Споръ кончился дружелюбно, и библіотека осталась въ Мангеймѣ.

Говорили, что Вице-Президентъ Италіянской Республики скоро получитъ увольненіе; но теперь кажется, что онъ сохранитъ мѣсто свое: въ *Монитёрѣ* напечатана похвала ему.

Въ Галліціи зима началась удивительнымъ феноменомъ. Поутру сдѣлалась ужасная гроза съ сильнымъ дождемъ и

продолжалась до слѣдующаго дня. Тутъ небо вдругъ озарилось яркимъ сїянїемъ, окруженнымъ пламенными облаками. Сїе прекрасное и страшное явленїе черезъ 10 минутъ уступило мѣсто густой тмѣ, въ которой явились двѣ радуги. Онѣ скоро исчезли, и при бурномъ вѣтрѣ пошелъ снѣгъ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ФЕВРАЛЬ 1805.

№ 3.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Письмо изъ Парижа.

Отъ 6 Генваря, 1803.

Я живу въ такомъ разсѣянiи, любезный другъ, что голова моя кружится. Рекомендательныя письма отворили мнѣ двери лучшихъ домовъ въ Парижѣ, гдѣ люди не сходятся, а толпятся. Сверхъ того я нашелъ здѣсь множество старыхъ знакомыхъ между чужестранцами, которые всякой день доставляютъ мнѣ новыя знакомства. Въ домѣ нашего Посланника обѣдаю съ самыми знатнѣйшими Республиканцами, славнѣйшими Литтераторами и художниками; вижу Денона, Шуазёля, Касти, Висконти, Казанова, Паэзiелло, Робера; и всякой вечеръ или, лучше сказать, всякую ночь провожу въ собранiи двухъ-или трехъ сотъ чело-

вѣкъ, знатныхъ иностранцевъ, Министровъ, нынѣшнихъ важныхъ людей и Парижскихъ красавицъ. Никогда Французскїе богачи не бывали такъ гостепрїимны, какъ нынѣ, и нигдѣ не видалъ я такихъ роскошныхъ обѣдовъ, какъ здѣсь. Жаль только, что они, начинаясь въ 7 часовъ и продолжаясь до девяти, отводятъ отъ спектаклей. Модные люди ѣздятъ здѣсь въ Оперу только къ балетамъ, то есть въ 10 часовъ. Въ званыя вечернїя собранїя должно явиться часу въ двенадцатомъ или въ первомъ. Тамъ играютъ въ карты и танцуютъ, но очень мало. Какъ ни велики домы, но толпы людей оставляютъ въ залѣ не много мѣста для танцовъ. Домъ славной красавицы Рекамье (жены банкира) считается первымъ для вечернихъ собранїй. Какъ богато и прекрасно одѣвается хозяйка, такъ богато убраны и комнаты. Ея спальня, *будуаръ* и *Греческая* баня всякой разъ отворены для любопытныхъ гостей, и самые тѣ, которые видѣли великолѣпїе Сен-Клу, не перестаютъ имъ удивляться. Угощенїе соединяетъ вкусъ съ роскошью. Иногда бываетъ у Госпожи Рекамье около 500 человѣкъ: все то, что составляетъ въ Парижѣ beau monde, лучшее, отборное общество.

Я всякой вечеръ бываю въ театрахъ, хотя и рѣдко вижу начало пїесъ: въ большой Оперѣ (которую все еще должно назвать самымъ блестящимъ спектаклемъ въ Парижѣ), въ Италїянской Opera buffa, Opera comique national (называемая прежде les Italiens), въ Théatre Français, Louvois и Théatre du Vaudeville. Другихъ *одиннадцати* я еще не видалъ. До сего времени мнѣ кажется, что одна Комическая Французская Опера стала лучше прежняго. Пїесы: maiſon à vendre, une folie, les deux journées, le concert и другїя играются на семъ театрѣ съ удивительнымъ совершенствомъ. Въ маленькой оперѣ, называемой *Концертомъ*, три актера въ самомъ дѣлѣ играютъ на театрѣ прекрасной концертъ: Мартень на скрыпкѣ, Шенаръ на вїолончелѣ, а Госпожа Пенжене на форте-пїано. Мартень и Элевїу рѣдкїе тенористы. Но любители сего Театра весьма жалѣютъ о пѣвицѣ Филлисъ, которая уѣхала въ Петербургъ. — Въ большой Оперѣ надобно слушать только одного безподобнаго Лаиса; когда онъ не поетъ, то можно зажать себѣ у ши и только смотрѣть; но оркестръ удивительно хорошъ. Декорацїи великолѣпны, а балетъ есть нѣчто волшебное. Жаль только, что Вестрисъ изъ великаго танцовщика сдѣлался нынѣ вели-

кимъ прыгуномъ! Гарделевы балеты: *Психе*, *Телемакъ* и *Дансомани*, еще и нынѣ болѣе всѣхъ другихъ плѣняютъ здѣшнюю публику. Ты безъ сомнѣнія читалъ въ вѣдомостяхъ, что всѣ лучшіе танцовщики, пѣвцы и пѣвицы ѣдутъ изъ Парижа въ Россію: это басня, происшедшая можетъ быть отъ того, что Руские . . . ., здѣсь живущіе: Долгорукій, Демидовъ, Голицынъ, Дивовъ, всякую Середу даютъ блестящіе ужины славнѣйшимъ драматическимъ Артистамъ, не для того, чтобы ихъ подговаривать въ Россію, а чтобы доказать чувствительность Рускихъ къ красотамъ Искусства. На сихъ ужинахъ читаютъ стихи, декламируютъ сцены, поютъ, танцуютъ *соло* и *па д'ансамбль*.

Италіянская Опера упала. Прежде Мандини, Виганони, Бафарелли, Симори, Морикелли, Бальлетти, составляли труппу, какой никогда и въ Италіи не бывало; а нынѣ можно съ удовольствіемъ слушать только пѣвицъ Стриназаки и Боллу. — Содержатель Театра Лувуа есть Актеръ и сочинитель Пикаръ. Публика любитъ его комедіи, въ самомъ дѣлѣ остроумныя и забавныя, но только на *скорую руку* писанныя. Зрителей и шуму тамъ болѣе, нежели гдѣ нибудь.

Я былъ свидѣтелемъ совершеннаго бунта въ семъ театрѣ. Играли новую пїесу, которая не полюбилась зрителямъ; они свистали, кричали, стучали ногами; но актеры хотѣли доиграть ее. Самъ Пикаръ три раза выходилъ на сцену, кланялся и просилъ униженно, чтобы публика имѣла терпѣнїе. Многочисленные друзья его бранились въ партерѣ съ крикунами и едва не дрались. Однакожъ ничто не помогло, и во второмъ актѣ надлежало опустить занавѣсъ; то есть, пїеса скончалась навсегда. Но естьлибъ она была доиграна, то содержатель могъ бы дать ее и въ другой разъ; часто бываетъ, что комедїя, освистанная въ *первое* представленїе, заслуживаетъ общую похвалу во *второмъ*.

Со времени революцїи ничто столько не испортилось въ Парижѣ, какъ театральный партеръ, который нѣкогда могъ образовать актеровъ и сочинителей, и котораго тонкой вкусъ занималъ любопытнаго наблюдателя не менѣе пїесы. Теперь онъ состоитъ изъ грубыхъ невѣждъ, хлопающихъ безъ памяти, когда актеръ закричитъ или широко разинетъ ротъ. Сверхъ того они безпрестанно говорятъ, бранятся съ ложами, съ галлереями или съ зрителями въ кулиссахъ.

Естьли кто нибудь встанетъ, то сосѣдъ кладетъ на его мѣсто грязныя ноги свои или ложится. Обонянїю также непрїятно между сими Господами отъ табашнаго запаха. Надобно знать, что солдаты и молодые Парижскїе граждане проводятъ нынѣ время свое въ трактирахъ, которые называются Фламандскимъ именемъ l'Etamine, и въ которыхъ курятъ табакъ безъ милосердїя: это революцїонная мода. Однимъ словомъ, порядочной человѣкъ долженъ искать убѣжища въ ложахъ, на балконѣ и галлереяхъ; и тамъ довольно шума, но сколько нибудь пристойнѣе. Въ сихъ дорогихъ мѣстахъ бываетъ множество первокласныхъ жрицъ Венеры, которыя бѣгаютъ изъ ложи въ ложу, шутятъ съ молодыми людьми и мѣшаютъ заниматься пїесою. Сосѣдство Англичанъ еще хуже: они совсѣмъ не думаютъ о театрѣ, разсказываютъ другъ другу о томъ, что видѣли или слышали въ тотъ день, и спрашиваютъ обо всякой молодой хорошей женщинѣ, кто она, и даже гдѣ живетъ! Французы всегда удовлетворяютъ ихъ любопытству; сказываютъ имя, улицу, нумеръ: они безъ сомнѣнїя шутятъ надъ ними. Другой родъ несносныхъ людей въ театрахъ состоитъ изъ зрителей, не платящихъ за входъ: они

считаютъ за долгъ безпрестанно хлопать и кричать *браво* актерамъ и сочинителямъ. Между актами новой шумъ: слуги входятъ въ театръ съ бутылками, разнощики съ плодами, съ зрительными трубками, съ театральными пїесами, съ газетами, и вездѣ кричатъ: *оржадъ, лимонадъ*, и проч. и проч. такъ, что музыки совсѣмъ не слышно.

Въ другой разъ опишу тебѣ, какъ насъ представляли въ Сен-Клу Госпожѣ Бонапарте, какъ второй Консулъ Камбасересъ угощаетъ знатныхъ иностранцевъ, и какъ здѣшнїе Министры обходятся съ ними.

(*Изъ Нѣм. Журнала.*)

II.

О врагахъ стихотворства — новое сочиненіе Лагарпа, переведенное изъ Французскаго Журнала.

Во время Регента былъ во Францїи двойной заговоръ: противъ стихотворства и (еще важнѣйшїй) противъ благонравїя. По смерти Лудовика XIV (который въ срединѣ своего царствованїя

истощилъ всю хвалу, и наконецъ, утративъ блескъ щастія, казался только строгимъ), духъ Французовъ стремился избавить себя отъ бремени Морали и почтенія къ талантамъ. Извѣстно, что Регентъ и Дворъ его шутили надъ честностію, и въ то же самое время нѣкоторые остроумцы, тайно завидуя славѣ многихъ великихъ Геніевъ, хотѣли славу ихъ вмѣстить въ число *предразсудковъ*: слово, которое уже начинало тогда входить въ моду. Фонтенель и Ламотъ, главные изъ сихъ остроумцевъ, писали въ разныхъ родахъ, но чувствовали, что мѣста вездѣ были заняты — и кѣмъ? Корнелемъ, Расиномъ, Мольеромъ, Боало, Лафонтеномъ, Кино. Какъ ихъ уронить или стать на ряду съ ними? Невольнымъ образомъ признаваясь, что они были великіе Поэты, Фонтенель и Ламотъ вздумали унижать Поэзію, и доказывая ничтожность Искусства, хотѣли уменьшить славу Артистовъ. Самолюбіе есть развязка всѣхъ нелѣпыхъ и странныхъ мнѣній; оно служитъ ключемъ къ *безуміямъ ума*. Говорили, что Стихотворство имѣетъ великой порокъ, за которой люди разсудительные не могутъ любить его: а именно, тотъ, что оно мѣрою и риѳмою мѣшаетъ

дѣйствїю разума, и *стихотворцы никогда не скажутъ всего, что бы имъ хотѣлось или должно было сказать.* Въ слѣдствїе такого правила, желая иногда похвалить хорошїе стихи, они говорили: *это не уступаетъ прозѣ!* Я слыхалъ еще сїю похвалу отъ Дюклоса. Она вообще не лестна, но въ ихъ смыслѣ была весьма велика. Софисмы обыкновенно заключаютъ въ себѣ тѣнь истины, которую Софисты во зло употребляютъ: такъ и наши остроумцы. Всякой знаетъ, что хорошїе стихи, кромѣ великихъ прїятностей мѣры и гармонїи, должны имѣть еще полноту смысла, совершенную правильность, легкость и ясность лучшей прозы, имѣя болѣе смѣлости и силы въ выраженїяхъ. Дѣло состоитъ въ томъ, что по дурнымъ стихамъ, въ которыхъ нѣтъ сего достоинства, смѣшно заключать объ истинной и хорошей Поэзїи. Они считали механизмъ Стихотворства за самое Стихотворство, которое заслуживаетъ имя Искусства единственно тогда, когда побѣждаетъ всѣ *трудности* и скрываетъ *необходимый трудъ* свой. Тотъ единственно Поэтъ, кто умѣетъ писать хорошо, прїятно, умно, мѣрою и риѳмою украшая свои выраженїя. Знаю, что такихъ стихотворцевъ не много; но ихъ и

не надобно въ большомъ числѣ: довольно пяти или шести въ цѣлой вѣкъ.

Натура мудрая предвидѣла сама,
Что слава Генія, великаго ума,
Должна быть рѣдкою. . . . . .

Естьли всегда и вездѣ находимъ болѣе хорошихъ музыкантовъ, живописцевъ и ваятелей, нежели Поэтовъ, то сіе доказываетъ превосходную красоту и трудность Поэзіи; но всегда по хорошимъ Артистамъ надобно судить о достоинствѣ Искусства, и смѣшно осуждать ихъ за безсиліе неспособныхъ. Пусть разберутъ какую нибудь сцену лучшихъ Расиновыхъ трагедій, эпистолу Поэта Боало, оду Жан-Батиста Руссо — и тогда увидятъ, можно ли въ прозѣ написать лучше ихъ стиховъ! увидятъ, что мѣра и риѳма не мѣшали имъ выражать своихъ мыслей, и что слогъ Поэтовъ отличается отъ прозы одною красотою Стихотворства, которую чувствовалъ и самъ Ламотъ, но только называлъ ее безполезною игрою разума. Какъ самолюбіе можетъ ослѣпить умнаго человѣка! Какое различіе между прозою и стихами? то, что одна есть обыкновенный языкъ, а другіе языкъ искусственный. Проза ничто иное, какъ слова

написанныя, а Поэзія искусство ума, слуха и воображенія: предметъ же всякаго искусства не есть ли доставлять нѣжное удовольствіе людямъ чувствительнымъ? Вы грубо ошибаетесь, предполагая, что прозою и стихами надобно только выражать мысли. Можно ли укорять *искусство* тѣмъ, что оно труднѣе *не-искусства*? Оно безъ сомнѣнія не легко, особливо для хорошихъ Артистовъ, которые знаютъ, что такое совершенство.

Не мудрено, что Трюбле, усердный подражатель Ламота и Фонтенеля, — Мариво, завистникъ Вольтеровъ, называвшій его творенія *совершенствомъ обыкновенныхъ идей*, и холодной Философъ Дюкло не любили Поэзіи; но жаль, что Монтескьё въ Персидскихъ Письмахъ своихъ причисляетъ Стихотворцевъ къ сумасшедшимъ, и что Философъ Кондильякъ испортилъ свой *Курсъ Литтературы* глупою критикою на стихи Поэта Боало. Бюффонъ по крайней мѣрѣ не писалъ о семъ предметѣ; но такъ часто говорилъ о томъ, что мнѣніе его всѣмъ извѣстно. Онъ былъ послѣднимъ непріятелемъ стиховъ изъ людей славныхъ, и непріятелемъ самымъ жестокимъ. Однажды при мнѣ и многихъ другихъ сей великой Писатель утверждалъ, что никакіе

стихи не выдержатъ критическаго разбора; что лучшіе Расиновы наполнены ошибками — и вызвался доказать то первою сценою Аталіи. Онъ говорилъ долго, и одинъ. Изъ уваженія къ его славѣ не хочу повторять сказанныхъ имъ глупостей; а тогда, изъ уваженія къ его старости, не хотѣлъ я противорѣчить ему, и вмѣстѣ съ другими молчалъ, искренно жалѣя, что великой человѣкъ дѣлаетъ себя смѣшнымъ, говоря о томъ, чего ни мало не разумѣетъ!

III.

Удивительный пѣшеходъ въ Англіи.

Въ прошломъ 1802 году, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, одинъ благородный Англичанинъ, двадцати-двухъ лѣтъ, именемъ Беркле, ударился объ закладъ съ другимъ, Господиномъ Флетчеромъ, что онъ въ 22 часа пройдетъ 90 Англійскихъ миль или 150 верстъ. Закладъ состоялъ въ 10,000 рубляхъ.

Назначили рѣшительнымъ днемъ 9 Октября, а мѣстомъ дорогу отъ Йорка къ Голю, недалеко отъ деревни Этонъ. Отмѣрили Англійскую милю, и Господину

Беркле надлежало пройти взадъ и впередъ 90 разъ. На томъ и на другомъ концѣ поставили рогатку, которую должно было обходить кругомъ: что прибавляло еще около 120 шаговъ, сверхъ уговора. У цѣли собрались избранные свидѣтели. По обѣимъ сторонамъ дороги зажгли фонари — и Г. Беркле съ друзьями своими явился на мѣстѣ за нѣсколько минутъ до полуночи. Какъ скоро ударило 12 часовъ, онъ пошелъ — въ фланелевомъ жилетѣ, въ широкихъ панталонахъ и въ башмакахъ съ толстыми подошвами. Первыя двѣ мили Беркле прошелъ въ 25 минутъ, 40 секундъ, и не перемѣнялъ шагу до 16 миль; потомъ зашелъ въ домъ, находящійся въ 10 шагахъ отъ дороги, перемѣнилъ платье, выпилъ рюмку вина, снова отправился въ путь свой, прошелъ еще 15 миль, и такимъ же образомъ отдыхалъ въ другой разъ.

Ударило 7 часовъ. Воздухъ былъ сыръ и холоденъ: это имѣло дурное вліяніе на быстроту Героя нашего; однакожь зрители бились объ закладъ за него. Скоро туманъ разсѣялся, и Беркле съ великою скоростію прошелъ около двадцати миль, то есть, всего на все 60; отдохнулъ 10 минутъ, переодѣлся, и безъ всякаго знака усталости снова явился на сценѣ; еще

два раза отдыхалъ, на семдесятъ-осьмой и восемдесятъ-четвертой мили; а въ половинѣ девятаго часа стоялъ уже побѣдителемъ у цѣли, прошедши 90 миль въ 20 часовъ и 50 минутъ. Онъ ни мало не устналъ и говорилъ, что можетъ пуститься еще на 20 миль.

Собравшійся народъ кричалъ *ура* и носилъ его на плечахъ. Во время ходьбы имѣли къ нему всевозможное вниманіе, и хотя зрителей было нѣсколько тысячь, верховыхъ, пѣшихъ и въ коляскахъ, однакожь всѣ давали ему дорогу и, казалось, желали, чтобы онъ выигралъ закладъ. Самая почта Королевская и цѣлый полкъ, который шелъ въ Йоркъ, своротили съ дороги. Солдаты кричали ему: *виватъ!* Всѣ удивлялись человѣку, столь неупомимому, и старались изъявить ему почтеніе. Беркле былъ тронутъ сими знаками общаго благоволенія.

Послѣ того онъ обѣдалъ и ночевалъ въ томъ домикѣ, въ которомъ отдыхалъ; а на другой день поѣхалъ въ маленькой городокъ Поклингтонъ, гдѣ въ честь ему звонили въ колокола. Народъ хотѣлъ возить его на себѣ въ каретѣ, но онъ просилъ увольненія, и немедленно отправился въ свое Шотландское помѣстье, именемъ Ури.

Г. Беркле есть правнукъ извѣстнаго Роберта Берклея, который въ 1675 году издалъ апологїю Квакеровъ и приписалъ ее Карлу II.

IV.

Взоръ на нынѣшній Римъ.

Письмо изъ Рима отъ 12 Мая, 1802.

Наконецъ я достигъ до цѣли моего путешествїя, къ которой стремился нетерпѣливо, и вижу Римъ, славный воспоминанїями древними, и жалкїй новѣйшими. Теперь можно справедливо повторить сказанное Монтанемъ, что *Римъ представляетъ* только развалины развалинъ; но видя ихъ, видишь и то, что ни время, ни революцїи не могли похитить у него всѣхъ памятниковъ древняго величїя.

Римъ кажется мнѣ однимъ изъ прїятнѣйшихъ Европейскихъ городовъ; и самые тѣ люди, которые не занимаются ни его исторїею, ни древностями, ни Искусствами, находятъ здѣсь въ общественныхъ всякаго роду удовольствїя, свободу, привѣтливость. Нынѣшнїя Римлянки весьма вольно обходятся съ муцинами, и

даже знатныя; иностранецъ, принятый въ хорошихъ домахъ, самый Французъ, естьли онъ молодъ и недуренъ лицомъ, можетъ удивиться искренности Римскихъ прелестницъ. Слѣдуя модѣ, я припишу это жаркому климату!.. Только не надобно говорить о Религіи; она здѣсь ни къ чему не принуждаетъ и не спрашиваетъ, какъ вы думаете и что дѣлаете: довольно, естьли молчите — и за то вамъ позволяется нарушать всѣ законы Морали и самой благопристойности. Распутные сластолюбцы находятъ, что свободная жизнь въ Римѣ гораздо пріятнѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ. По ихъ мнѣнію, всего веселѣе предаваться нескромнымъ удовольствіямъ тамъ, гдѣ Властитель по своему сану долженъ быть врагомъ всѣхъ земныхъ наслажденій!

Народъ въ Римѣ бѣденъ, но не жалокъ, будучи презрителенъ — всегда требуетъ милостыни, и никогда не хочетъ работать. Онъ напоминаетъ вамъ чернь древняго Рима, которая въ праздности дремала на Форумѣ или, возбужденная голосомъ Дантоновъ и Маратовъ тогдашняго времени, грабила и плавала въ крови согражданъ.

Нынѣшніе Римляне сохранили физіономію предковъ своихъ. Всякую минуту

видите вы на плечахъ какого нибудь *Факано*, или нищаго, Сципіонову, Цесареву, Августову голову, и многія лавошницы такъ же прекрасны, какъ Юліи, Агриппины и Помпеи.

Въ разсужденіи Искусствъ и памятниковъ другіе города не могутъ съ ними равняться. Они имѣютъ чистый вкусъ и прекрасныя идеи, ибо родятся и живутъ между чудесами художествъ. Здѣсь всякой знаетъ ихъ красоты, и говоритъ о томъ съ умомъ, съ пріятностію, съ разборчивымъ и тонкимъ вкусомъ.

Римлянинъ не знаетъ земледѣлія, и прекрасныя, нѣкогда богатыя и плодоносныя поля теперь ничто иное, какъ пустыни. Папы никогда не хотѣли ободрять хлѣбопашества, отъ того (думаю), чтобы пользоваться выгодою откупа: ибо они всегда изключительно торговали хлѣбомъ.

Не думайте, чтобы революціи, которыхъ здѣшній народъ былъ жертвою, излечили его отъ суевѣрія: онъ такъ глупъ, что не можетъ пользоваться опытами. За то надобно отдать справедливость хитрости Римскихъ монаховъ: они всякое народное бѣдствіе умѣли толковать въ свою пользу, и вліяніе ихъ кажется нынѣ еще сильнѣе прежняго. Повѣрите ли, что здѣсь воскресла Инквизиція?

Не давно одинъ монахъ осудилъ духовнаго сына своего просидѣть двѣ недѣли въ *святой темницѣ*, за то, что онъ былъ чиновникомъ Римской Республики. Духовный отецъ далъ ему письмо къ главному надзирателю темницы, по которому его тамъ приняли. Государственный Секретарь говоритъ, что въ средоточіи правовѣрія не льзя обойтись безъ Инквизиціи. — О самомъ Папѣ не умѣю вамъ сказать ничего любопытнаго. Его считаютъ самымъ добрымъ человѣкомъ; кажется только, что онъ окруженъ не весьма хорошими совѣтниками. Люди, знающіе Кардинальскую Коллегію, думаютъ, что въ ней мало Политиковъ. Нѣкоторые Римляне хвалили мнѣ Кардинала А*. Въ чемъ же состоитъ его достоинство? спросилъ я. *Онъ великой Теологъ*, отвѣчали мнѣ.

Но между Кардиналами есть человѣкъ твердаго характера, котораго имя навѣки останется въ Исторіи и напоминаетъ многія жестокія дѣла. Я говорю о Кардиналѣ Руффо. Самое то Правительство, которому онъ служилъ съ великимъ усердіемъ, съ лютостію, но и съ геройствомъ, выслало его изъ Неаполитанскаго Королевства. —

(Съ Нѣмец.)

V.

О камняхъ падающихъ съ неба.

У насъ есть *сводныя Географіи*, *сводныя Хронологіи* и даже *сводныя Философіи*: для чего же не имѣемъ и *сводной Натуральной Исторіи*? Такое сочиненіе могло бы для всѣхъ быть любопытно и занимательно. Съ одной стороны надлежало бы описать младенческія преданія древности, вмѣстѣ съ замѣчаніями (иногда весьма справедливыми) Аристотеля, Теофраста, Сенеки, Плинія и Эліана; а съ другой всѣ великія открытія, сдѣланныя Геніемъ Линнея, Бюффона, Боннета, въ неизмѣримомъ царствѣ Природы.

Такое сравненіе могло бы представить новыя и щастливыя идеи Натуралистамъ, оживить ихъ дѣятельность, обогатить науку, и мы съ пріятнымъ изумленіемъ увидѣли бы тогда, что многія древнія замѣчанія, которыя донынѣ считались баснями, и которыхъ новые Физики не удостоивали даже и вниманія, содержатъ въ себѣ важныя истины. Я могъ бы разными примѣрами доказать справедливость сего утвержденія; но припомню только одинъ феноменъ, о которомъ прежде стыдились и говорить, но

который съ нѣкотораго времени обращаетъ на себя вниманіе и любопытство самыхъ ученѣйшихъ Натуралистовъ. Я говорю *о камняхъ падающихъ съ неба*, о коихъ столь часто упоминаютъ наши старинныя лѣтописи. Въ сію минуту лежитъ передъ моими глазами одинъ изъ нихъ; а именно, славный *Энсизгеймской громовый камень*, надѣлавшій столько шуму въ концѣ 15 вѣка. Многіе современные Авторы говорили о семъ удивительномъ случаѣ, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ.

„7 Ноября 1492 году (сказано въ одной лѣтописи) въ 11 часовъ утра раздался въ окрестностяхъ города Энсизгейма страшный ударъ грома, и одинъ младенецъ увидѣлъ превеликой камень, упавшій съ неба на поле, засѣянное пшеницею; онъ вошелъ въ землю на три фута глубиною. Его вырыли и положили на паперти тамошней церкви для народнаго любопытства. Въ немъ было 260 фунтовъ вѣсу. Его Свѣтлость Максимиліанъ отломилъ отъ сего камня два куска: одинъ для себя, а другой для Сигисмунда, Эрцгерцога Австрійскаго, и велѣлъ повѣсить его въ Энсизгеймской церкви.“ — Другая лѣтопись прибавляетъ, что онъ отъ сильнаго удара разбился на

двѣ части, и фигурою походилъ на Греческую *Дельту*.

Самъ Римскій Король Максимиліанъ говоритъ въ книгѣ своей о *происшествіяхъ земли Нѣмецкой*, что сей камень упалъ съ великимъ трескомъ передъ его глазами, когда онъ стоялъ въ лагерѣ съ арміею, готовясь итти противъ Французовъ. Максимиліанъ доказываетъ, что такое чудо не даромъ случилось, и что Нѣмцы должны непремѣнно начать войну съ Турками для освобожденія Іерусалима! Послѣ того изобразили на семъ камнѣ слова: multi multa, omnes aliquid, nemo satis.

Въ сочиненіи Г. Галлуа, напечатанномъ въ Парижѣ въ 1672 году, сказано слѣдующее: „Одинъ изъ Членовъ нашей Академіи показываетъ отломки двухъ камней, упавшихъ съ неба близь Вероны. Каждый изъ нихъ былъ вѣсомъ въ 300 фунтовъ. Они упали ночью, въ ясное и тихое время, казались на воздухѣ огненными, летѣли наискось и страшно гремѣли. Сіе чудо привело въ изумленіе множество людей, которые его видѣли и не знали, что думать. Камни отъ сильнаго паденія углубились въ землю и тотчасъ потухли. Веронскіе Академики съ величайшимъ любопытствомъ разсматривали

ихъ; они желтаго цвѣта, мягки и пахнутъ сѣрою." — Что касается до тогдашнихъ ученыхъ мнѣній о семъ феноменѣ, то они никакъ не сообразны съ правилами нынѣшней Физики и Химїи; однакожь одно изъ нихъ достойно замѣчанія и нѣкоторымъ образомъ согласно съ мыслями Гражданина Лапласа. Авторъ его утверждаетъ, что сїи два камня оторвались отъ луны; а какъ она тогда заходила и была въ движенїи вмѣстѣ съ землею, то имъ надлежало упасть наискось.

Любопытные спросили у Философа Анаксагора, откуда упалъ въ Аѳины камень? Онъ отвѣчалъ: „съ неба, подобнаго можетъ быть ветхой хижинѣ, которая разрушается!"

Славный Италїянскїй Физикъ Санти въ 1794 году издалъ весьма ученый трактатъ о семъ феноменѣ; но мы должны признаться, что еще не можемъ удовлетворительно изъяснить его.

(Изъ Монитёра.)

VI.

Непроницаемое полотно, новое изобрѣтеніе во Франціи.

Гражданинъ Декнимаръ дѣлаетъ полотно, которое не принимаетъ въ себя никакой сырости и держитъ человѣка на поверхности воды, естьли онъ завернется въ него: изобрѣтеніе весьма благодѣтельное для путешественниковъ и мореходцевъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Шапталь, свидѣтельствовалъ его, и нашелъ, что оно точно непроницаемо. Зашивали въ него порохъ, опускали въ воду на 36 часовъ, и бросили въ огонь: онъ вспыхнулъ какъ сухой. Дѣлали еще другіе опыты, и всѣ съ равнымъ успѣхомъ. На примѣръ: бѣлье, завернутое въ сію холстину, лежало два дни въ Сенѣ и не приняло въ себя ни малѣйшей сырости. Въ мѣшкахъ, изъ нее сшитыхъ, люди плавали и держались на водѣ безъ всякаго движенія. Г. Декнимаръ завелъ теперь большую фабрику, на которой дѣлаютъ и холстину и тафту непроницаемую для плащей, зонтиковъ, чехловъ, оверлокъ, щиблетъ, панталоновъ, дорожныхъ чемодановъ, и проч. Сіе полотно лѣтомъ сохраняетъ шубы и всякую одежду отъ

моли. Изъ него шьютъ также мѣха, въ которыхъ можно посылать всякую жидкость зимою; ни вино, ни масло не можетъ въ нихъ замерзнуть. Аршинъ сей холстины продается по 60 копѣекъ; епанча, изъ нее сшитая, стоитъ семь рублей, панталоны съ чулками 4 руб., жилетъ 2 р. Магазинъ Декинмаровой фабрики открытъ въ Парижѣ, въ улицѣ *Де-Бакъ*, подъ N0 260.

VII.

Летучая рыба.

Есть рыбы, говорятъ, которыя летаютъ —
Не бойтесь: я хочу не Плинія читать,
А только вамъ сказать,
Что и у рыбъ бываютъ
Такіежъ мудрецы и трусы, какъ у насъ.
Вотъ и примѣръ для васъ:
Одна изъ рыбъ такихъ и день и ночь грустила
И бабушкѣ своей твердила:
Ахъ, бабушка! куда отъ злобы мнѣ уйти?
Гоненія и смерть повсюду на пути!
Лишь только я летать, орлы клюютъ носами;
Нырну въ глубь моря, тамъ встрѣчаема
волками (*)!

(*) Иные называютъ ихъ же морскими собаками.

Старуха ей въ отвѣтъ:
„Что дѣлать, дитятко! таковъ ужъ здѣшній свѣтъ!
Кому не суждено орломъ быть или волкомъ,
Тому одинъ совѣтъ, чтобъ избѣжать бѣды:
Держись всегда *своей* дорожки тихомолкомъ,
Плывя близъ воздуха, летая близъ воды.

* * *

VIII.

МАРѲА ПОСАДНИЦА,
или
Покореніе Новагорода.

Книга третія.

Мареа съ высокаго Мѣста Вадимова увидѣла разсѣянныя тысячи бѣгущихъ и среди ихъ колесницу, осѣненную знаменами: такъ издревле возили Новогородцы тѣла убитыхъ вождей своихъ....

Безмолвіе мужей и старцевъ въ Великомъ Градѣ было ужасно: вопля женъ малодушныхъ.... Скоро Посадница ободрилась и велѣла отпереть врата Московскія. Бѣглецы не смѣли явиться народу, и скрывались въ домахъ. Колесница ме-

дленно приближалась къ Великой Площади. Вокругъ ее шли, потупивъ глаза въ землю — съ горестїю, но безъ стыда — Люди Житые и воины чужеземные; кровь запеклась на ихъ оружїи; обломанные щиты, обрубленные шлемы, показывали слѣды безчисленныхъ ударовъ непрїятельскихъ. Подъ сѣнїю знаменъ, надъ тѣломъ вождя, сидѣлъ Михаилъ *храбрый*, блѣдный, окровавленный; вѣтеръ развѣвалъ его черные волосы, и томная глава склонялась ко груди.

Колесница остановилась на Великой Площади... Граждане обнимали воиновъ; слезы текли изъ глазъ ихъ. Мареа подала руку Михаилу съ видомъ сердечнаго дружелюбїя; онъ не могъ итти: чиновники взнесли его на желѣзныя ступени Вадимова Мѣста. Посадница открыла тѣло убитаго Мїрослава... на блѣдномъ лицѣ его изображалось вѣчное спокойствїе смерти... *Щастливый юноша!* произнесла она тихимъ голосомъ, и спѣшила внимать *храброму* Михаилу. Ксенїя обливала слезами хладныя уста своего друга, но сказала матери: „будь покойна: я дочь твоя!“

На щитахъ посадили витязя, отъ ранъ ослабѣвшаго; но онъ собралъ изнуренныя силы, поднялъ томную голову,

оперся на мечь свой, и вѣщалъ твердымъ голосомъ:

„Народъ и граждане! разбито воин-„ство храброе, убитъ полководецъ великій. „Небо лишило насъ побѣды, — не славы!

„На берегахъ Шелоны мы встрѣтили-„лись съ Іоанномъ. Его именемъ Князь „Холмскій требовалъ тайнаго свиданія съ „Міославомъ. *Увидимся на полѣ ратномъ!* „отвѣтствовалъ гордый юноша — и строй-„но поставилъ воинство. Онежцы первые „вступили въ бой на высотахъ Шелон-„скихъ: тамъ Образецъ, славный воевода „Московскій, принялъ ихъ удары на щитъ „свой... Мы шли въ срединѣ, тихо и въ „безмолвіи. Міославъ впереди наблюдалъ „движенія и силу враговъ. Воинство Іоан-„ново было многочисленнѣе нашего; необо-„зримые ряды его тѣснились на равнинѣ. „Мы видѣли Князя Московскаго на бѣломъ „конѣ; видѣли, какъ онъ распоряжалъ „легіоны и блестящимъ мечемъ своимъ „указывалъ на сердце Новогородское, на „*хоругвь отечества*; видѣли Князя Холм-„скаго, съ сильнымъ отрядомъ идущаго „окружить насъ... Міославъ повелѣлъ, „и Спража Невская съ Димитріемъ *силь-„нымъ* двинулась на встрѣчу къ нему. „Вѣроломный!... Еще Онежцы и Волхо-„вцы не могли занять бугровъ Шелон-

„скихъ: мечь витязя Образца дымился „ихъ кровїю. Мїрославъ, пылая нетерпѣ„нїемъ, летѣлъ туда на бурномъ конѣ „своемъ: мы взглянули — и знамена „Новогородскїя уже развѣвались на хол„махъ — и Волховцы на щитахъ своихъ „подняли вверхъ тѣло убитаго начальника „Московскаго. Тогда, воскликнувъ громо„гласно: *кто противъ Бога и великаго Нова„града*? всѣ ряды наши устремились въ „битву, и сразились... На всей равнинѣ „затрещало оружїе, и кровь полилася „рѣкою. Я видалъ битвы, но никогда „такой не видывалъ. Грудь Руская была „противъ груди Руской, и витязи съ „обѣихъ сторонъ хотѣли доказать, что „они Славяне. Взаимная злоба братїй „есть самая ужасная!.. Тысячи падали; „но первые ряды казались цѣлы и невре„димы: каждый пылалъ ревностїю засту„пить мѣсто убитаго, и безжалостно „попиралъ ногою трупъ своего брата, „чтобы только отмстить смерть его. „Воины Іоанновы стояли твердынею не„поколебимою: Новогородскїе стремились „на нихъ какъ бурныя волны. Одни сра„жались за честь, другїе за честь и воль„ность: мы шли впередъ!.. за полковод„цемъ нашимъ, который искалъ взоромъ „Іоанна. Князь Московскїй былъ окру-

„женъ знаменитыми витязями: Мiро-
„славъ разсѣкъ сiю крѣпкую ограду —
„поднялъ руку — и медлилъ. Сильный
„оруженосецъ Iоанновъ ударилъ его мечемъ
„въ главу, и шлемъ распался на части:
„онъ хотѣлъ повторить ударъ; но самъ
„Iоаннъ закрылъ Мiрослава щитомъ сво-
„имъ. Опасность вождя удвоила наши
„силы — и скоро главная дружина Мо-
„сковская замѣшалась. Новогородцы воскли-
„кнули побѣду; но въ то же мгновенiе имя
„Iоанново гремѣло за нами... Мы съ уди-
„вленiемъ обратили взоръ: Князь Холм-
„скiй стылу разилъ лѣвое крыло Нового-
„родское.... Димитрiй измѣнилъ сограж-
„данамъ!.. не исполнилъ повелѣнiй вождя,
„завелъ стражу въ непроходимыя блата,
„не встрѣтилъ врага и далъ ему время
„окружить наше войско. Мiрославъ спѣ-
„шилъ ободрить изумленныхъ Шелонцевъ:
„онъ помогъ имъ только умереть велико-
„душнѣе! Герой сражался безъ шлема;
„но всякiй усердный воинъ Новогородскiй
„служилъ ему щитомъ. Онъ увидѣлъ
„Димитрiя среди Московской дружины —
„послѣднимъ ударомъ наказалъ измѣн-
„ника, и палъ отъ руки Холмскаго; но
„падая на берегу Шелоны, бросилъ мечь
„свой въ быстрыя воды ея“ ....

Тутъ ослабѣлъ голосъ Михаила; взоръ помрачился облакомъ; блѣдныя уста онѣмѣли; мечь выпалъ изъ руки его; онъ затрепеталъ — взглянулъ на образъ Вадимовъ, и закрылъ навѣки глаза свои.... Чиновники положили тѣло его на колесницу, рядомъ съ Мiрославовымъ.

„Народъ!“ сказалъ Александръ *знаменитый*, старшiй изъ витязей: „благо„слови память Михаила! Онъ вышелъ „изъ битвы съ *хоругвiю отечества*, съ тѣ„ломъ Мiрослава, обагренный кровiю без„численныхъ враговъ и его собственною; „собралъ остатки храбрыхъ Людей Жи„тыхъ, *Дружины Великодушныхъ*, и въ „самомъ бѣдствiи казался грознымъ Iоан„ну — враги видѣли насъ еще не мерт„выхъ, и стояли неподвижно. Радость „побѣды изображалась на ихъ лицахъ вмѣ„стѣ съ ужасомъ: они купили ее смер„тiю славнѣйшихъ Московскихъ витязей. „Народъ и чиновники! многiе Новогородцы „погибли славно: радуйтесь! нѣкоторые „спаслися бѣгствомъ: презирайте мало„душныхъ! Мы живы, но не стыдимся! „Сочтите знаменитыхъ гражданъ: ихъ „осталось менѣе половины; всѣ они лег„ли вокругъ *хоругви отечества*.“ — „Со„чтите насъ!“ сказалъ начальникъ *Дру„жины Великодушныхъ*: „изъ семи сотъ

„чужеземныхъ братій Новогородскихъ ви-„дипе третію часть: всѣ они легли во-„кругъ Міослава.“

„Убиты ли сыны мои?“ спросила Марѳа съ нетерпѣніемъ. *Оба*, отвѣтствовалъ Александръ *знаменитый* (*) съ горестію. „Хвала Небу!“ сказала Посадница: „Отцы и матери Новогородскіе! теперь я могу утѣшать васъ! . . Но прежде, о народъ! будь строгимъ, неумолимымъ судьею и рѣши — судьбу мою! „Унылое молчаніе царствуетъ на Великой Площади; я вижу знаки отчаянія на многихъ лицахъ. Можетъ быть, „граждане сожалѣютъ о томъ, что они „не упали на колѣна предъ Іоанномъ, „когда Холмскій объявилъ намъ волю его „властвовать въ Новѣгородѣ; можетъ „быть, тайно обвиняютъ меня, что я „хотѣла оживить въ сердцахъ гордость „народную! . . Пусть говорятъ враги „мои; и естьли они докажутъ, что „сердца Новогородскія не отвѣтствуютъ „моему сердцу; что любовь къ свободѣ „есть преступленіе для гражданки воль-„наго отечества: то я не буду оправды-„ваться, ибо славлюсь моею виною, и съ

(*) Въ лѣтописяхъ сказано, что сынъ ея Димитрій былъ взятъ въ плѣнъ.

„радостїю кладу голову свою на плаху. „Пошлите ее въ даръ Іоанну, и смѣло „требуйте его милости!“ . . . .

„Нѣтъ, нѣтъ!“ воскликнулъ народъ въ живѣйшемъ усердїи: „мы хотимъ „умереть съ тобою! Гдѣ враги твои? гдѣ „друзья Іоанновы? Пусть говорятъ они: „мы пошлемъ ихъ головы къ Князю Мо„сковскому!“ — Отцы, которые лишились дѣтей въ битвѣ Шелонской, тронутые великодушїемъ Мароы, цѣловали одежду ея и говорили: *прости намъ! мы плакали!* . . . Слезы текли изъ глазъ Мароы. „Народъ!“ сказала она: „съ та„кою душею ты еще не побѣжденъ Іоан„номъ! Нѣтъ величїя безъ опасностей и „бѣдствїя: Небо искушаетъ ими любим„цевъ своихъ. Бывали тучи надъ Вели„кимъ Градомъ; но отцы наши не опу„скали мечей, и мы родились свободными. „Издревле щастїе воинское славится пре„вратностїю. Новгородъ видалъ тѣла „полководцевъ на лобномъ мѣстѣ; видалъ „надменнаго врага предъ стѣнами своими: „ктожъ входилъ въ нихъ донынѣ? одни „друзья его. Народъ великодушный! будь „твердъ и спокоенъ! Еще не все погибло: „Борецкая жива и говоритъ съ тобою! „Когда желѣзныя ступени престанутъ „звучать подъ ногами моими; когда взоръ

„твой въ часъ рѣшительный напрасно „будетъ искать меня на Вадимовомъ Мѣ„стѣ; когда въ глубокую ночь погаснетъ „лампада въ моемъ высокомъ теремѣ и „не будетъ уже для тебя знакомъ, что „Мароа при свѣтѣ ея мыслитъ о благѣ „Новаграда: тогда, тогда скажи: *все по„гибло!* . . . Теперь, друзья сограждане, „воздадимъ послѣднюю честь вождю Мiро„славу и витязю Михаилу! Чиновники „ваши пекутся о безопасности града.“ — — Она дала знакъ рукою, и колесница тронулась. Чиновники и народъ проводили ее до Софiйскаго храма. Ѳеофилъ съ Духовенствомъ встрѣтилъ ихъ. Степенный Посадникъ и Тысяцкiй положили тѣла во гробы.

Глубокая ночь наступила. Никто не мыслилъ успокоиться въ Великомъ Градѣ. Чиновники поставили стражу и заключились въ домѣ Ярослава для совѣта съ Мароою. Граждане толпились на стогнахъ, и боялись войти въ домы свои — боялись вопля женъ и матерей отчаянныхъ. Утомленные воины не хотѣли отдохновенiя; стояли предъ Вадимовымъ Мѣстомъ; облокотясь на щиты свои, и говорили: *побѣжденные не отдыхаютъ!* — Ксенiя молилась надъ тѣломъ Мiрослава.

На зарѣ утренней раздалось святое пѣнїе въ Софїйскомъ храмѣ. Гробы витязей были открыты. Мароа, Ксенїя, старецъ, родитель Михаиловъ, и воины съ окровавленными знаменами окружали ихъ. Горесть изображалась на лицахъ; никто не дерзалъ стенать и плакать. Іосафъ Дѣлинскїй именемъ Новаграда положилъ въ гробы *хартїю славы* (*) ... ихъ опустили въ землю подъ вѣянїемъ *хоругви отечества*. Посадница стала на могилу; она держала въ рукѣ цвѣты, и говорила: „Честь и слава храбрымъ! стыдъ и поно„шенїе робкимъ! Здѣсь лежатъ знамени„тые витязи: совершились ихъ подвиги; „они успокоились въ могилѣ, и ничѣмъ „уже не должны отечеству: но отече„ство должно имъ вѣчною благодарно„стїю. О воины Новогородскїе! кто изъ „васъ не позавидуетъ сему жребїю? Храб„рые и малодушные умираютъ: блаженъ, „о комъ жалѣютъ вѣрные сограждане, и „чьею смертїю они гордятся! Взгляните „на сего старца, родителя Михаилова: „согбенный лѣтами и болѣзнями, безчад„ный при концѣ жизни, онъ благодаритъ „Небо, ибо Новгородъ погребаетъ великаго

(*) На сихъ хартїяхъ (говоритъ Авиторъ) изображались славныя дѣла усопшаго.

„сына его. Взгляните на сїю вдовицу „юную: брачное пѣнїе соединилось для „нее съ гимнами смерти; но она тверда „и великодушна, ибо супругъ ея умеръ „за отечество. . . Народъ! естьли Все„вышнему угодно сохранить бытїе твое; „естьли грозная туча разсѣется надъ на„ми, и солнце озаритъ еще торжество „свободы въ Новѣгородѣ: то сїе мѣсто „да будетъ для тебя священно! Жены „знаменитыя да украшаютъ его цвѣта„ми, какъ я теперь украшаю ими моги„лу любезнѣйшаго изъ сыновъ моихъ“... (Мароа разсыпала цвѣты) . . . „и вита„зя храбраго, нѣкогда врага Борецкихъ; „но тѣнь его примирилась со мною: мы „оба любили отечество! . . . Старцы, му„жи и юноши да славятъ здѣсь кончину „Героевъ и да клянутъ память измѣн„ника Димитрїя!“ . . . *Клятва, вѣчная клятва его имени и роду!* воскликнули всѣ чиновники и граждане — и братъ Димитрїя упалъ мертвый въ толпѣ народной — и супруга его отчаянная бросилась въ шумную глубину Волхова.

Уже легїоны Іоанновы приближались къ Великому Граду, и медленно окружали его: народъ съ высокихъ стѣнъ смотрѣлъ на ихъ грозныя движенїя. Уже бѣлый шатеръ Княжескїй, златымъ

шаромъ увѣнченный, стоялъ предъ вратами Московскими — и Степенный Тысяцкій отправился посломъ къ Іоанну. Новогородцы, готовые умереть за вольность, тайно желали сохранить ее миромъ. Мареа знала сердца народныя, душу Великаго Князя, и спокойно ожидала его отвѣта. Тысяцкій возвратился съ лицемъ печальнымъ: она велѣла ему объявить всенародно успѣхъ посольства. . . . „Граждане! сказалъ онъ: мудрые ваши чиновники думали, что Князь Московскій, хотя и побѣдитель, но самою побѣдою, трудною и случайною, увѣренный въ великодушіи Новогородскомъ, можетъ еще примириться съ нами. . . . Бояре ввели меня въ шатеръ Іоанна. . . Вы знаете его величіе: гордымъ взоромъ и повелительнымъ движеніемъ руки онъ требовалъ отъ меня знаковъ рабскаго униженія. . . „Князь Московскій!“ я вѣщалъ ему: „Новгородъ еще свободенъ! „Онъ желаетъ мира, не рабства. Ты „видѣлъ, какъ мы умираемъ за воль„ность: хочешь ли еще напраснаго кровопролитія? Пощади своихъ витязей: „отечеству Рускому нужна сила ихъ. „Естьли казна твоя оскудѣла; естьли „богатство Новогородское прельщаетъ „тебя — возьми наши сокровища: завтра

„принесемъ ихъ въ станъ твой съ радо-„стїю, ибо кровь согражданъ намъ драго-„цѣннѣе злата; но свобода и самой кро-„ви имъ драгоцѣннѣе. Оставь насъ толь-„ко быть щастливыми подъ древними „законами, и мы назовемъ тебя своимъ „благотворителемъ; скажемъ: *Іоаннъ „могъ лишить насъ верховнаго блага, и не „сдѣлалъ того: хвала ему!* Но естьли не „хочешь мира съ людьми свободными, то „знай, что совершенная побѣда надъ „ними должна быть ихъ истребленїемъ: „а мы еще дышемъ и владѣемъ оружїемъ; „знай, что ни ты, ни преемники твои „не будутъ увѣрены въ искренней покор-„ности Новаграда, доколѣ древнїя стѣны „его не опустѣютъ или не прїимутъ въ „себя жителей чуждыхъ крови нашей!“ — *Покорность безъ условїя, или гибель мяте-жникамъ!* отвѣтствовалъ Іоаннъ, и съ гнѣвомъ отвратилъ лице свое. Я удалился.“

Мароа предвидѣла дѣйствїе: народъ въ страшномъ озлобленїи требовалъ полко-водца и битвы. Александру *знаменитому* вручили жезлъ начальства — и битвы начались....

Дѣла славныя и великїя! Одни Рускїе могли съ обѣихъ сторонъ такъ сражаться, могли такъ побѣждать и быть побѣжда-

емы. Опытность, хладнокровіе мужества и число благопріятствовали Іоанну; пылкая храбрость одушевляла Новогородцевъ, удвояла силы ихъ, замѣняла опытность: юноши, самые отроки становились въ ряды на мѣсто убитыхъ мужей, и воины Московскіе не чувствовали ослабленія въ ударахъ противниковъ. Съ торжествомъ возглашалось имя Великаго Князя: иногда, хотя и рѣдко, имя вольности и Мареы бывало также радостнымъ кликомъ побѣдителей (ибо вольность и Мареа одно знаменовали въ Великомъ Градѣ). Часто Іоаннъ, видя славную гибель упорныхъ Новогородцевъ, восклицалъ горестно: „я лишаюсь въ нихъ достойныхъ моего сердца подданныхъ!“ Бояре Московскіе совѣтовали ему удалиться отъ града; но великая душа его содрогалась отъ мысли уступить непокорнымъ. „Хотите ли (онъ съ гнѣвомъ отвѣтствовалъ) хотите ли, чтобы я вѣнецъ Мономаха положилъ къ ногамъ мятежниковъ?“ . . и суровые Муромцы, жители темныхъ лѣсовъ, — усердные Владимірцы спѣшили къ нему на вспоможеніе. Три раза обновлялась *дружина Княжеская*, изъ храбрыхъ дворянъ состоящая, и знамена ея (на которыхъ изображались слова: *съ нами Богъ и Государь!*) дымились кровію.

Какъ Іоаннъ величіемъ своимъ одушевлялъ легіоны Московскіе, такъ Мареа въ Новѣгородѣ воспалила умы и сердца. Народъ, часто великодушный, не рѣдко слабый, унывалъ духомъ, когда новыя тысячи приходили въ станъ Княжескій. „Мареа!“ говорилъ онъ: „кто нашъ союзникъ? кто поможетъ Великому Граду?“ . . „*Небо*, отвѣтствовала Посадница: „влажная осень наступаетъ; блата, насъ окружающія, скоро обратятся въ необозримое море; всплывутъ шатры Іоанновы, и войско его погибнетъ или удалится.“ Лучь надежды не угасалъ въ сердцахъ, и Новогородцы сражались. Мареа стояла на стѣнѣ, смотрѣла на битвы и держала въ рукѣ *хоругвь отечества*; иногда, видя отступленіе Новогородцевъ, она грозно восклицала, и махомъ святой хоругви обращала воиновъ въ битву. Ксенія не разлучалась съ нею, и, видя паденіе витязей, думала: *такъ палъ Мірославъ любезный!* Казалось, что сія невинная, кроткая душа веселилась ужасами кровопролитія — столь чудесно дѣйствіе любви! Сіи ужасы живо представляли ей кончину друга: Ксенія всего болѣе хотѣла и любила заниматься ею. Она знала Холмскаго по его оружію и доспѣхамъ, обагреннымъ кровію Мірослава; огненный взоръ ея звалъ всѣ

мечи, всѣ удары Новогородскіе на главу Московскаго Полководца; но желѣзный щитъ его отражалъ удары, сокрушалъ мечи, и рука сильнаго витязя опускалась съ тяжкими язвами и гибелію на смѣлыхъ противниковъ. Михаилъ *знаменитый* съ веселіемъ спѣшилъ на ратное поле, съ видомъ горести возвращался; онъ предвидѣлъ неминуемое бѣдствіе отечества, искалъ только славной смерти, и нашелъ ее среди Московской дружины. Съ того времени одни храбрые юноши заступали мѣсто вождей Новогородскихъ, ибо юность всего отважнѣе. Никто изъ нихъ не умиралъ безъ славнаго дѣла.

Въ одну ночь Степенный Посадникъ собралъ знатнѣйшихъ бояръ на думу — и при восходѣ солнца ударили въ *Вечевый колоколъ*. Граждане летѣли на Великую Площадь, и всѣ глаза устремились на Вадимово Мѣсто: — Мароа и Ксенія вели на желѣзныя ступени его пустынника Ѳеодосія. Народъ общимъ крикомъ изъявилъ свое радостное удивленіе. Старецъ взиралъ на него дружелюбно, обнималъ знатныхъ чиновниковъ — и сказалъ, поднявъ руки къ небу: „Отечество любезное! „пріими снова въ нѣдра свои Ѳеодосія!.. „Въ щастливые дни твои я молился въ „пустынѣ; но братья мои гибнутъ, и

„мнѣ должно умереть съ ними, да совер-„шится клятвенный обѣтъ моей юности „и рода Молинскихъ!“ . . . Іосафъ Дѣлинскій, провождаемый Тысяцкими и Боярами, несетъ златую цѣпь изъ Софійскаго храма, возлагаетъ ее на старца и говоритъ ему: „Будь еще Посадникомъ „Великаго Града! Исполни усердное жела-„ніе Верховнаго Совѣта! Съ радостію „уступаю тебѣ мое достоинство: я мо-„гу владѣть оружіемъ; могу умереть въ „полѣ!... Народъ! объяви волю свою!“.. *Да будетъ! да будетъ!* громогласно отвѣтствовали граждане — и Марѳа сказала: „О славное торжество любви къ „отечеству! Старецъ, котораго Новго-„родъ уже давно оплакалъ какъ мертва-„го, воскресаетъ для его служенія! Отшельникъ, который въ тишинѣ пусты-„ни и земныхъ страстей забылъ уже всѣ „радости и скорби человѣка, вспомнилъ „еще обязанность гражданина: оста-„вляетъ мирную пристань и хочетъ дѣ-„лить съ нами опасности временъ бур-„ныхъ! Народъ и граждане! можете ли „отчаяваться? Можете ли сомнѣваться „въ Небесной благости, когда Небо усту-„паетъ намъ Своего избраннаго; когда „столѣтняя мудрость и добродѣтель бу-„детъ предсѣдать въ Верховномъ Совѣтѣ?

„Возвратился Ѳеодосій: возвратится и бла-
„годенствіе, которымъ вы нѣкогда подъ
„его мудрымъ правленіемъ наслаждались.
„Тогда воспоминаніе минувшихъ бѣдствій,
„искусившихъ твердость сердецъ Новогo-
„родскихъ, обратится въ славу нашу, и
„мы будемъ тѣмъ щастливѣе: ибо *слава*
„есть щастіе великихъ народовъ!“

Дѣлинскій и Мареа убѣдили Ѳеодосія торжественно явиться въ Великомъ Градѣ; они думали, что сія нечаянность сильно подѣйствуетъ на воображеніе народа, и не обманулись. Граждане лобызали руки старца, подобно дѣтямъ, которыя въ отсутствіе отца были нещастливы и надѣятся, что опытная мудрость его прекратитъ бѣды ихъ. Долговременное уединеніе и святая жизнь напечатлѣли на лицѣ Ѳеодосія неизъяснимое величіе; но онъ могъ служить отечеству только усердными обѣтами чистой души своей — и безполезными: ибо суды Вышняго непремѣнны!

Новый Посадникъ, слѣдуя древнему обыкновенію, долженъ былъ угостить народъ: Мареа приготовила великолѣпное пиршество, и граждане еще дерзнули веселиться! еще духъ братства оживилъ сердца! Они веселились на могилахъ: ибо каждый изъ нихъ уже оплакалъ роди-

теля, сына или брата, убитыхъ на Шелонѣ и во время осады кровопролитной. Сїе минутное, щастливое забвенїе было послѣднимъ благодѣянїемъ Судьбы для Новогородцевъ.

Скоро открылося новое бѣдствїе; скоро въ Великомъ Градѣ, лишенномъ всякаго сообщенїя съ его областями хлѣбородными, житницы народныя, знаменитыхъ гражданъ и гостей чужеземныхъ опустѣли. Еще нѣсколько времени усердїе къ отечеству терпѣливо сносило недостатокъ: народъ едва питался и молчалъ. Осень наступала, ясная и тихая. Граждане всякое утро спѣшили на высокїя стѣны и видѣли — шатры Московскїе, блескъ оружїя, грозные ряды воиновъ; все еще думали, что Іоаннъ удалится, и малѣйшее движенїе въ его станѣ казалось имъ вѣрнымъ знакомъ отступленїя... Такъ надежда возрастаетъ иногда съ бѣдствїемъ, подобно свѣтильнику, который, готовясь угаснуть, расширяетъ пламя свое. . . Марѳа страдала во глубинѣ души, но еще являлась народу въ видѣ спокойнаго величїя, окруженная символами изобилїя и дарами земными: когда ходила по стогнамъ, многочисленные слуги носили за нею корзины съ хлѣбами; она раздавала ихъ, встрѣчая блѣдныя, изнурен-

ныя лица — и народъ еще благословлялъ ея великодушіе. Чиновники день и ночь были въ собраніи. . . Уже нѣкоторые изъ нихъ молчаніемъ изъявляли, что они не одобряютъ упорства Посадницы и Дѣлинскаго; нѣкоторые даже совѣтовали войти въ переговоры съ Іоанномъ; но Дѣлинскій грозно подымалъ руку, столѣтній Ѳеодосій сѣдыми власами отиралъ слезы свои, Мароа вступала въ храмину Совѣта, и всѣ снова казались твердыми. — Граждане, гонимые тоскою изъ домовъ своихъ, не рѣдко видали по ночамъ, при свѣтѣ луны, старца Ѳеодосія, стоящаго на колѣнахъ предъ храмомъ Софійскимъ; юная Ксенія вмѣстѣ съ нимъ молилась; но мать ея, во время тишины и мрака, любила уединяться на кладбищѣ Борецкихъ, окруженномъ древними соснами: тамъ, облокотясь на могилу супруга, она сидѣла въ глубокой задумчивости, бесѣдовала съ его тѣнію и давала ему отчетъ въ дѣлахъ своихъ.

Наконецъ ужасы глада сильно обнаружились, и страшный вопль, предвѣстникъ мятежа, раздался на стогнахъ. Нещастныя матери взывали: „грудь наша изсохла; она уже не питаетъ младенцевъ!“ Добрые сыны Новогородскіе восклицали: „мы готовы умереть; но не можемъ

видѣть лютой смерти отцовъ нашихъ!“ Борецкая спѣшила на Вадимово Мѣсто; указывала на блѣдное лице свое; говорила, что она раздѣляетъ нужду съ братьями Новогородскими, и что великодушное терпѣнїе есть должность ихъ. . . Въ первый разъ народъ не хотѣлъ уже внимать словамъ ея, не хотѣлъ умолкнуть; съ изнуренїемъ тѣлесныхъ силъ и самая душа его ослабѣла; казалось, что все погасло въ ней, и только одно чувство глада терзало нещастныхъ. Враги Посадницы дерзали называть ее жестокою, честолюбивою, безчеловѣчною. . . . Она содрогнулась. . . Тайные друзья Іоанновы кричали предъ домомъ Ярославовымъ: „лучше служить Князю Московскому, нежели Борецкой; онъ возвратитъ изобилїе Новуграду: она хочетъ обратить его въ могилу!“ . . . Мареа, гордая, величавая, вдругъ упадаетъ на колѣна, поднимаетъ руки и смиренно молитъ народъ выслушать ее. . . Граждане, пораженные симъ великодушнымъ униженїемъ, безмолвствуютъ. . . „Въ послѣднїй разъ“ — вѣщаетъ она — „въ послѣднїй разъ заклинаю васъ быть твердыми еще нѣсколько дней! Отчаянїе да будетъ нашею „силою! Оно есть послѣдняя надежда „Героевъ. Мы еще сразимся съ Іоанномъ,

„и Небо да рѣшитъ судьбу нашу!“ . . . Всѣ воины въ одно мгновенїе обнажили мечи свои, взывая: „идемъ, идемъ сражаться!“ Друзья Іоанновы и враги Посадницы умолкли. Многїе изъ гражданъ прослезились; многїе сами упали на колѣна предъ Мареою, называли ее *матерїю Новогородскою* и снова клялись умереть великодушно. Сїя минута была еще минутою торжества сей гордой жены. Врата Московскїя отворились; воины спѣшили въ поле: она вручила *хоругвь отечества* Дѣлинскому, который обнялъ своего друга, и сказавъ: *прости навѣки!* удалился.

Войско Іоанново встрѣтило Новогородцевъ . . . Битва продолжалась три часа; она была чудеснымъ усилїемъ храбрости... но Мареа увидѣла наконецъ *хоругвь отечества* въ рукахъ Іоаннова оруженосца, знамя *Дружины Великодушныхъ* въ рукахъ Холмскаго; увидѣла пораженїе своихъ; воскликнула: *совершилось!* прижала любезную дочь къ сердцу, взглянула на лобное мѣсто, на образъ Вадимовъ — и тихими шагами пошла въ домъ свой, опираясь на плечо Ксенїи. Никогда не казалась она величественнѣе и спокойнѣе.

Дѣлинскїй погибъ въ сраженїи; остатки воинства едва спаслися. Граждане,

чиновники хотѣли видѣть Марѳу, и широкій дворъ ея наполнился толпами людей; она растворила окно, сказала: *дѣлайте, что хотите!* и закрыла его. Ѳеодосій, по требованію народа, отправилъ пословъ къ Іоанну: Новгородъ отдавалъ ему всѣ свои богатства, уступалъ наконецъ всѣ области, желая единственно сохранить собственное внутреннее правленіе. Князь Московскій отвѣтствовалъ: *Государь милуетъ, но не пріемлетъ условій.* Ѳеодосій въ глубокую ночь, при свѣтѣ факеловъ, объявилъ гражданамъ рѣшительный отвѣтъ Великаго Князя... Взоръ ихъ невольно искалъ Марѳы; невольно устремился на высокій теремъ ея: тамъ угасла ночная лампада! Они вспомнили слова Посадницы... Нѣсколько времени царствовало горестное молчаніе. Никто не хотѣлъ первый изъявить согласія на требованіе Іоанна; наконецъ друзья его ободрились и сказали: „Богъ покоряетъ насъ Князю Московскому; онъ будетъ отцемъ Новаграда.“ Народъ присталъ къ нимъ и молилъ старца быть его ходатаемъ. Граждане въ сію послѣднюю ночь власти народной не смыкали глазъ своихъ, сидѣли на Великой Площади, ходили по стогнамъ, нарочно приближались къ вратамъ, гдѣ стояла воинская стража,

и на вопросъ ея: кто они? еще съ тайнымъ удовольствїемъ отвѣтствовали: „вольные люди Новогородскїе!“ Вездѣ было движенїе; огни не угасали въ домахъ: только въ жилищѣ Борецкихъ все казалось мертвымъ.

Солнце восходило — и лучи его озарили Іоанна сидящаго на тронѣ, подъ *хоругвїю* Новогородскою, среди воинскаго стана, полководцевъ и Бояръ Московскихъ; взоръ его сїялъ величїемъ и радостїю. Ѳеодосїй медленно приближался къ трону; за нимъ шли всѣ чиновники Великаго Града. Посадникъ сталъ на колѣна и вручилъ Князю серебряные ключи отъ вратъ Московскихъ — Тысяцкїе преломили жезлы свои, и Старосты пяти Концовъ Новогородскихъ положили сѣкиры къ ногамъ Іоанновымъ. Слезы лились изъ очей Ѳеодосїя. „Государь Новаграда!“ сказалъ онъ — и всѣ Бояре Московскїе радостно воскликнули: *да здравствуетъ Великїй Князь всея Россїи и Новаграда!*.... „Государь!“ продолжалъ старецъ: „судьба „наша въ рукахъ твоихъ. Отнынѣ воля „Самовластителя будетъ для насъ единственнымъ закономъ. Естьли мы, рожденные подъ иными уставами, кажемся „тебѣ виновными, да падутъ наши головы! Всѣ чиновники, всѣ граждане

„виновны, ибо всѣ любили свободу. Естьли „простишь насъ, то будемъ вѣрными „подданными: ибо сердца Рускія не знаютъ „измѣны, и клятва ихъ надежна. Твори, „что угодно Владыкѣ самодержавному!“.. Іоаннъ далъ знакъ рукою, и Холмскій поднялъ Ѳеодосія. *Судъ мой есть правосудіе и милость!* вѣщалъ онъ: *милость всѣмъ чиновникамъ и народу* . . . . „Милость! милость!“ воскликнули Бояре Московскіе. „Милость! милость!“ радостно повторяло все войско: казалось, что она *ему* была объявлена — столь добродушны Рускіе! Одни чиновники Новогородскіе стояли въ мрачномъ безмолвіи, потупивъ глаза въ землю. „Богъ судилъ меня съ Нового-„родцами,“ сказалъ Іоаннъ: „кого нака-„залъ Онъ, того милую! Идите: да „узнаетъ народъ, что Іоаннъ желаетъ „быть отцемъ его!“ Онъ далъ тайное повелѣніе Холмскому, который, взявъ съ собою отрядъ воиновъ, занялъ врата Московскія и принялъ начальство надъ градомъ: окрестныя селенія спѣшили доставить изобиліе его изнуреннымъ жителямъ.

Друзья Борецкихъ хотѣли видѣть Марѳу: она и дочь ея сидѣли въ теремѣ за рукодѣльемъ. . . . „Не бойся мести Іоанновой,“ сказали друзья: „онъ всѣхъ

прощаетъ.“ . . . Мареа отвѣтствовала имъ гордою улыбкою — и въ сіе мгновеніе застучало оружіе въ домѣ ея. Холмскій входитъ, ставитъ воиновъ у дверей и велитъ Боярамъ Новогородскимъ удалиться. Мареа, не измѣняясь въ лицѣ, дружелюбно подала имъ руку и сказала: „Видите, что Князь Московскій уважаетъ Борецкую; онъ считаетъ ее врагомъ опаснымъ! Простите! . . . Вамъ еще можно жить. . .“ Бояре удалились. Холмскій съ угрозами началъ ее допрашивать о мнимыхъ тайныхъ связяхъ съ Литвою: Посадница молчала, и спокойно шила золотомъ. Видя непреклонную твердость ея, онъ смягчилъ голосъ и сказалъ: „Мареа! Государь повѣритъ одному слову твоему“... *Вотъ оно* (отвѣтствовала Посадница): *пусть Іоаннъ велитъ умертвить меня, и тогда можетъ не страшиться ни Литвы, ни Казимира, ни самаго Новаграда!* . . . Князь, благородный сердцемъ, вышелъ, удивляясь ея великодушію. — Граждане толпились вокругъ дома Борецкихъ: напрасно воины хотѣли удалить ихъ; но вдругъ раздался звонъ колокольный во всѣхъ пяти Концахъ, и народъ, всегда любопытный, забылъ на время судьбу Мареы: онъ спѣшилъ на встрѣчу къ Іоанну,

который съ величїемъ и торжествомъ въѣзжалъ въ Новгородъ, подъ сѣнїю *хоругви отечества*, среди легїоновъ многочисленныхъ, въ вѣнцѣ Мономаха и съ мечемъ въ рукѣ своей.

Мароа, заключенная въ домѣ своемъ, услышала звонъ колокольный и громкїя восклицанїя: *да здравствуетъ Государь всея Россїи и Великаго Новограда!*... „Давно ли," сказала она милой дочери, которая, положивъ голову на грудь ея, съ нѣжнымъ умиленїемъ смотрѣла ей въ глаза — „давно ли сей народъ славилъ Мароу и „вольность? Теперь онъ увидитъ кровь „мою, и не покажетъ слезъ своихъ; иногда съ горестїю будетъ воспоминать „меня, но происшествїя новыя скоро „займутъ всю душу его, и только сла„бые, хладные слѣды бытїя моего оста„нутся въ преданїяхъ суетнаго любо„пытства!... И геройство пылаетъ огнемъ „дѣлъ великихъ, жертвуетъ драгоцѣннымъ „спокойствїемъ и всѣми милыми радо„стями жизни... кому? неблагодарнымъ! „Я могла бы наслаждаться щастїемъ се„мейственнымъ, удовольствїями доброй „матери, богатствомъ, благотворенїемъ, „всеобщею любовїю, почтенїемъ людей „и — самою нѣжною горестїю о великомъ „отцѣ твоемъ; но я все принесла въ жер-

„тву свободѣ моего народа: самую чув-
„ствительность женскаго сердца — и хо-
„тѣла ужасовъ войны; самую нѣжность
„матери, и не могла плакать о смерти
„сыновъ моихъ!“ . . . (Тутъ *въ первый разъ* глаза Мареы наполнились слезами *раскаянія*) . . . „Прости мнѣ, тѣнь велико-
„душнаго супруга! Сіе движеніе было
„послѣднимъ гласомъ женской слабости.
„Я клялась заступить твое мѣсто въ
„отечествѣ, и конечно исполнила кля-
„тву свою: ибо Князь Московскій счи-
„таетъ меня достойною погибнуть
„вмѣстѣ съ вольностію Новогородскою!
„Ты позавидовалъ бы моей долѣ, естьли
„бы еще дышалъ для отечества; са-
„мая неблагодарность народа возвысила
„бы въ глазахъ твоихъ цѣну великодуш-
„ной жертвы: награда признательности
„уменьшаетъ ее. . . Теперь я спокойно
„ожидаю смерти. . . смерти! . . . Знаю
„Іоанна; онъ знаетъ Мареу, и долженъ
„однимъ ударомъ сразить гордость Ново-
„городскую: кто дерзнетъ возстать про-
„тивъ Монарха, который наказалъ Бо-
„рецкую? . . . Герои древности, побѣж-
„даемые силою и щастіемъ, лишали себя
„жизни; безстрашные боялись казни: я
„не боюсь ее. Небо должно располагать
„жизнію и смертію людей: человѣкъ во-

„ленъ только въ своихъ дѣлахъ и чув-„ствахъ.“ — Ксенія слушала мать свою, и разумѣла слова ея.

Іоаннъ предъ храмомъ Софійскимъ сошелъ съ коня: Ѳеофилъ и Духовенство встрѣтили его со крестами. Сей великій Государь принесъ жертву моленія и благодарности Всевышнему. Всѣ славные воеводы Московскіе, преклонивъ колѣна, слезами изъявляли радость свою. — Іоаннъ въ Домѣ Ярослава угостилъ роскошною трапезою знатнѣйшихъ Бояръ Новогородскихъ и державною рукою своею сыпалъ злато на бѣднѣйшихъ гражданъ, которые искренно и добросердечно славили его благотворительность. Не грозный чужеземный завоеватель, но великодушный Государь Рускій побѣдилъ Рускихъ: любовь отца - Монарха сіяла въ очахъ его.

Ввечеру многочисленныя стражи явились на стогнахъ, и повелѣли гражданамъ удалиться; но любопытные украдкою выходили изъ домовъ и видѣли, въ глубокую полночь, Іоанна и Холмскаго, въ тишинѣ идущихъ къ Софійскому храму; два воина освѣщали ихъ путь факеломъ, остановились въ оградѣ, и Великій Князь — наклонился на могилу юнаго Мірослава; казалось, что онъ изъявлялъ горесть и съ жаромъ упрекалъ Холмскаго смертію

сего храбраго Витязя. . . . Новогородцы вспомнили тогда, что Государь щитомъ своимъ отразилъ мечь оруженосца, хотѣвшаго умертвить Мїрослава; удивлялись — и никогда не могли свѣдать тайны Іоаннова благоволенїя къ юношѣ. — — Сіи любопытные приведены были въ ужасъ другимъ зрѣлищемъ: они видѣли множество пламенниковъ на Великой Площади, слышали стукъ сѣкиръ — и высокїй эшафотъ явился предъ Домомъ Ярослава. Новогородцы думали, что Іоаннъ нарушитъ слово, и что гнѣвъ его поразитъ всѣхъ именитыхъ гражданъ.

На разсвѣтѣ загремѣли воинскїе бубны. Всѣ легїоны Московскїе были въ движенїи, и Холмскїй съ обнаженнымъ мечемъ скакалъ по стогнамъ. Народъ трепеталъ, но собирался на Великой Площади узнать судьбу свою. Тамъ, на эшафотѣ, лежала сѣкира. Отъ Конца Славянскаго до Мѣста Вадимова стояли воины съ блестящимъ оружїемъ и съ грознымъ видомъ; воеводы сидѣли на коняхъ предъ своими дружинами. Наконецъ желѣзные запоры упали; и врата Борецкихъ растворились: выходитъ Марѳа, въ златой одеждѣ и въ бѣломъ покрывалѣ. Старецъ Ѳеодосїй несетъ образъ предъ нею. Блѣдная, но твердая Ксенїя

ведетъ ее за руку. Копья и мечи окружаютъ ихъ. Не видно лица Мареы; но такъ величаво ходила она всегда по стогнамъ, когда чиновники ожидали ее въ Совѣтѣ или граждане на *Вечѣ*. Народъ и воины соблюдали мертвое безмолвіе; ужасная тишина царствовала. Посадница остановилась предъ Домомъ Ярослава. Ѳеодосій благословилъ ее. Она хотѣла обнять дочь свою, но Ксенія упала; Мареа положила руку на сердце ея — знакомъ изъявила удовольствіе, и спѣшила на высокій эшафотъ — сорвала покрывало съ головы своей: казалась томною, но спокойною — съ любопытствомъ посмотрѣла на лобное Мѣсто (гдѣ разбитый образъ Вадимовъ лежалъ во прахѣ) — взглянула на мрачное, облаками покрытое небо — съ величественнымъ уныніемъ опустила взоръ свой на гражданъ . . . приближилась къ орудію смерти, и громко сказала народу: *лодданные Іоанна! умираю гражданкою Новогородскою!* . . . . Не стало Мареы . . . Многіе невольно воскликнули отъ ужаса; другіе закрыли глаза рукою. Тѣло Посадницы одѣли чернымъ покровомъ. . . . . Ударили въ бубны — и Холмскій, держа въ рукѣ хартію, сталъ на бывшемъ Вадимовомъ Мѣстѣ. Бубны умолкли. . . . Онъ сталъ

пернатый шлемъ съ главы своей, и читалъ громогласно слѣдующее:

„Слава правосудію Государя! Такъ „гибнутъ виновники мятежа и кровопро„литія! Народъ и бояре! не ужасайтесь: „Іоаннъ не нарушитъ слова; на васъ „милующая десница его. Кровь Борецкой „примиряетъ вражду единоплеменныхъ; „одна жертва, необходимая для вашего „спокойствія, навѣки утверждаетъ сей „союзъ неразрывный. Отнынѣ предадимъ „забвенію всѣ минувшія бѣдствія; отнынѣ „вся земля Руская будетъ вашимъ любе„знымъ отечествомъ, а Государь великій „отцемъ и главою. Народъ! не вольность, „часто гибельная, но *благоустройство*, „*правосудіе* и *безопасность* суть три столпа „гражданскаго щастія: Іоаннъ обѣщаетъ „ихъ вамъ предъ лицемъ Бога всемогу„щаго." . . . .

Тутъ Князь Московскій явился на высокомъ крыльцѣ Ярославова Дому, безоруженъ и съ главою открытою; онъ взиралъ на гражданъ съ любовію и положилъ руку на сердце. Холмскій читалъ далѣе:

„Обѣщаетъ Россіи славу и благоден„ствіе; клянется своимъ и всѣхъ его пре„емниковъ именемъ, что польза народная „во вѣки вѣковъ будетъ любезна и свя„щенна Самодержцамъ Россійскимъ — или

„да накажетъ Богъ клятвопреступника! „да исчезнетъ родъ его, и новое, Небомъ „благословенное поколѣнїе да властвуетъ „на тронѣ ко щастїю людей (*)!“

Холмскїй надѣлъ шлемъ. Легїоны Княжескїе взывали: *слава и долголѣтїе Іоанну!* Народъ еще безмолвствовалъ. Заиграли на трубахъ — и въ единое мгновенїе высокїй эшафотъ разрушился. На мѣстѣ его возвѣялось бѣлое знамя Іоанново, и граждане наконецъ воскликнули: *слава Государю Россїйскому!*

Старецъ Ѳеодосїй снова удалился въ пустыню, и тамъ, на брегу великаго озера Ильменя, погребъ тѣло Марѳы и Ксенїи. Гости чужеземные вырыли для нихъ могилу, и на гробѣ изобразили буквы, которыхъ смыслъ донынѣ остается тайною. Изъ семи сотъ Нѣмецкихъ гражданъ только пятьдесятъ человѣкъ пережили осаду Новогородскую: они немедленно удалились во свои земли. *Вечевый колоколъ* былъ снятъ съ древней башни и отвезенъ въ Москву: народъ и нѣкоторые знаменитые граждане далеко провожали его. Они шли за нимъ съ безмолвною горестїю

(*) Родъ Іоанновъ пресѣкся, и благословенная Фамилїя Романовыхъ царствуетъ.

и слезами, какъ нѣжныя дѣти за гробомъ отца своего.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

IX.

Голубка и бабочка.

БАСНЯ,

посвящаемая милой сестрѣ моей Е. Л.

Однажды бабочка голубкѣ говорила:
„Ахъ! какъ ты щастлива! твой голубокъ съ тобой:
Какой онъ ласковой! какъ онъ хорошъ собой!
А мнѣ судьба опредѣлила
Совсѣмъ иначе жить: невѣрный мотылёкъ
Все по лугамъ летаетъ;
То незабудочку, то розу выбираетъ;
А я одна сижу.“ — „Послушай, мой дружокъ!“
Голубка отвѣчала:
„Напрасно, можетъ быть, пеняешь ты ему.
Не ты-ль причиною тому,
Что щастья не сыскала?
Я правду говорю. — Любимой нѣжно быть
Здѣсь средство лишь одно: умѣй сама любить!“

Элиза милая! примѣръ передъ тобою:
Люби! . . . и будешь вѣкъ довольна ты судьбою!
Супругъ твой добръ и милъ. Онъ сердца твоего
Конечно цѣну знаетъ:
Люби и почитай его!
Тамъ щастье, гдѣ любовь: оно васъ ожидаетъ.

В. Пушкинъ.

X.

О смерти Автора Душеньки.

Съ чувствительностію и прискорбіемъ объявляемъ нашимъ Читателямъ о смерти Господина Богдановича, творца Поэмы всѣмъ извѣстной и столь пріятной. Онъ скончался 6 Января въ Украинской деревнѣ своей. Мы желали бы напечатать въ *Вѣстникѣ* краткое описаніе жизни его, и просимъ убѣдительно почтенныхъ его родственниковъ (*) сообщить намъ нужныя

(*) Особенно достойнаго брата его. Мы желаемъ знать слѣдующее: 1) время и мѣсто рожденія; 2) образъ воспитанія; 3) первыя изъявленія таланта піитическаго; 4) родъ службы и жизни; 5) черты характера; 6) обстоятельства кончины. Примолвимъ, что такія извѣстія не требуютъ ни красиваго слога, ни систематическаго расположенія. Впрочемъ Издатель Журнала съ великимъ удовольствіемъ

для того извѣстія; обѣщаемся, съ нашей стороны, украсить могилу покойника цвѣтами, выбранными изъ его собственнаго творенія: они лучше и неувядаемѣе всѣхъ другихъ на гробѣ Автора. Потерявъ человѣка съ талантомъ, живѣе чувствуемъ цѣну его произведеній; и взоръ на красоты ихъ — въ то время, когда еще свѣжа могила сочинителя — трогаетъ душу. Въ пріятномъ увѣреніи, что наша прозьба будетъ исполнена, и что мы получимъ матеріалы для біографіи Господина Богдановича, откладываемъ критическое разсмотрѣніе *Душеньки* до слѣдующихъ нумеровъ *Вѣстника*, чтобы вмѣстѣ напечатать и то и другое.

Между тѣмъ, въ надеждѣ на благосклонное къ намъ расположеніе молодыхъ Рускихъ Стихотворцевъ, задаемъ имъ сочинить эпитафію для Автора *Душеньки*. Мы узнаемъ мнѣніе знатоковъ, и напечатаемъ лучшую (или *лучшія*) въ *Вѣстникѣ*. Таланту пріятно хвалить таланть; доброе сердце любитъ изъявлять уваженіе къ хладному праху, въ которомъ жила душа благородная.

взялъ бы на себя привести ихъ въ нужный порядокъ для біографіи.

XI.

СМѢСЬ.

1. Въ обществѣ, въ которомъ былъ Докторъ Франклинъ, говорили о дѣйствіяхъ богатства. Одинъ молодой человѣкъ удивлялся, что богачи живутъ почти всегда въ безпокойствѣ и заботахъ. Онъ ставилъ въ примѣръ знакомаго ему банкира, милліонщика, который трудится болѣе всѣхъ Секретарей и конторщиковъ своихъ. Франклинъ взялъ съ тарелки яблоко и далъ младенцу, который едва начиналъ ходить. Ребенокъ схватилъ его съ радостію, но едва могъ держать въ маленькой рукѣ своей. Франклинъ подалъ ему другое яблоко, которое младенецъ взялъ другою рукою. Докторъ выбралъ еще самое лучшее и предложилъ его ребенку; но онъ никакъ не могъ взять третьяго, сколько ни старался — уронилъ его на полъ и залился слезами. „Смотрите,“ сказалъ тогда Философъ: „вотъ изъясненіе загадки! Этотъ ребенокъ также богатъ излишно, и также не въ силахъ наслаждаться своимъ богатствомъ!“

2. Титулъ Валлисскаго Принца, который дается старшему сыну Короля Англійскаго, вошелъ въ употребленіе при Эдуардѣ I, и страннымъ образомъ. Сей

Король воевалъ съ Валлисцами, не хотѣвшими покориться Англичанамъ; вздумалъ предложить имъ условіе, и спросилъ у нихъ, не согласятся ли они быть подданными Принца, рожденнаго въ ихъ землѣ, совершенно безпорочнаго и не знающаго ни слова по-Англійски? Валлисцы отвѣчали, что они охотно признаютъ его Государемъ — и тогда Эдуардъ представилъ имъ десятимѣсячнаго сына своего, который родился въ Валлисѣ, въ Каэрнаранскомъ замкѣ. Народъ немедленно присягнулъ ему въ вѣрности.

3. Въ Журналѣ, издаваемомъ въ Парижѣ Госпожею Жанлисъ и другими Авторами, напечатаны Рускія повѣсти: *Наталья, дочь Боярская*, и *бѣдная Лиза*. Ихъ перевелъ извѣстный Французскій Литтераторъ Коафье (*), но только не съ Рускаго, а съ Нѣмецкаго. Мы благодарны за честь и за пріятный отзывъ; но должны сказать, что нѣкоторыя мѣста не такъ дурны въ оригиналѣ, какъ въ переводѣ. На примѣръ: Авторъ говоритъ, что набожные старики, глядя въ церкви на прекрасную Боярскую дочь, забывали класть земные поклоны; а Французъ сказалъ: Ils oublioient la Divinité pour

(*) Переводчикъ Виландова Аристиппа.

elle. Даже и мы Рускїе не всегда такъ переводимъ игривыя выраженїя Французскихъ сказочниковъ! Забавно еще то, что Коафье находитъ въ Натальѣ *Мармонтелевскїй разсказъ*, и что онъ описанїе добрыхъ дѣлъ Фрола Силина выдаетъ также за *повѣсть*, conte, замѣчая, что „эта повѣсть не имѣетъ достоинства *Натальи*, ni ſon mouvement!“ Доброй Фролъ, Симбирской мужикъ, еще живъ: не удивится ли онъ, что имя и дѣла его стали извѣстны въ Парижѣ и въ Германїи?

ПОЛИТИКА.

I.

Произшествія въ Сен-Доминго.

И начальникъ острова, зять Бонапарте, Генералъ Леклеръ, сдѣлался жертвою тамошнихъ заразительныхъ болѣзней, которыя все еще не перестаютъ свирѣпствовать, къ отчаянію Французовъ и къ злобной радости Негровъ; никогда не были онѣ столь ужасны и смертоносны, какъ въ нынѣшній годъ. Кажется, что самое Небо въ семъ нещастномъ для Европейцевъ климатѣ вооружилось противъ Французовъ. Изнуренные несносными жарами, слабые и малочисленные, они должны уступать грознымъ Неграмъ, которые всѣ бунтуютъ, жгутъ селенія, города; сражаются какъ львы, и плавая въ крови Бѣлыхъ, кричатъ: *вотъ месть за Туссеня Лувертюра!* Кристофъ, Дессалинъ, Клерво, Туссеневы Генералы и товарищи, снова пристали къ Африканскимъ братьямъ своимъ; Негры, бывшіе на жалованьи у Французовъ, также соединились съ ними. Они приступали даже къ самому Капу, гдѣ находится главная квартира Французская. Смерть Гене-

рала Леклера еще болѣе ободрила ихъ. Однимъ словомъ, естьли новая многочисленная армїя не явится тамъ во-время, то Французы должны оставить Сен-Доминго; и чтобы успокоить навсегда сїю Колонїю, надобно истребить всѣхъ Негровъ: столь велико ихъ остервененїе! Бонапарте на все рѣшится, чтобы не уступить толпамъ Африканскихъ варваровъ. Уже новое войско садится на кораблиръ въ гаваняхъ Испанїи и Францїи, и другїе Генералы, щастливые и славные въ Европѣ, спѣшатъ къ могиламъ Сен-Домингскимъ, которыя примутъ ихъ въ свои нѣдра. Тамъ, на гробѣ *великихъ* Республиканцевъ, напишутъ: *они пали за кофе и сахаръ!* . . . Какъ должны веселиться непрїятели Францїи въ Европѣ, естьли они жестокосерды! Сен-Домингская экспедицїя можетъ стоить ей гораздо дороже Египетской.

Генералъ Рошанбо заступилъ мѣсто Леклера, котораго память не благословляется въ Сен-Доминго, естьли вѣрить Американскимъ Журналамъ. Онъ показалъ (какъ увѣряютъ) гораздо болѣе корыстолюбїя, нежели таланта воинскаго и законодательнаго; но *Монитёръ* не такого мнѣнїя и хвалитъ его съ великимъ усердїемъ. Въ немъ описаны всѣ Медицинскїя

подробности Леклеровой болѣзни для свѣдѣнія Франціи и Европы. Нѣкоторые Парижскіе Журналисты осмѣлились - было не внести ихъ въ листы свои; но черезъ нѣсколько дней спѣшили загладить вину такой дерзости, и напечатали все отъ слова до слова. А мы замѣтимъ развѣ то, что Госпожа Леклеръ, сестра Бонапарте, изъ волосовъ мужа сдѣлала себѣ парикъ, а свои обрѣзала, и положила въ гробъ съ его тѣломъ.

Туссень Лувертюръ будетъ наконецъ судимъ торжественно. Говорятъ, что онъ уже привезенъ въ Парижскую темницу. Въ Лондонскихъ вѣдомостяхъ напечатано письмо его къ Консулу, будто бы писанное имъ въ то время, когда Леклеръ, вышедши на берегъ съ войскомъ, прислалъ къ нему дѣтей его. Хотя оно кажется намъ весьма не достовѣрнымъ, однакожъ мы, для любопытныхъ читателей, выписываемъ здѣсь нѣкоторыя мѣста: „*Генералъ Туссень къ Генералу Бонапарте.* Я „получилъ ваше письмо черезъ Генерала „Леклера. Онъ прислалъ ко мнѣ и дѣтей „моихъ. Я люблю ихъ нѣжно, но отсылаю „назадъ, ибо не хочу милости отъ непріятелей. Войско Французское вышло на „берегъ и напало на людей свободныхъ. „За что? за какія обиды? Мы дали себѣ

„законы, сообразныя съ нашими мѣстны-
„ми обстоятельствами. Вы нашли въ
„нихъ много хорошаго и нѣчто противное верховной власти народа Французскаго. Что такое верховная власть народа Французскаго? въ комъ она? гдѣ ея правила и границы? Говорятъ, что мы должны зависѣть отъ васъ: по чему? Америка независима, и сама Франція утвердила ея свободу. Говорятъ, что наши законы несовершенны: вѣрю; но гдѣ же искать совершенства? Ваша новая конституція благопріятнѣе ли для гражданскаго щастія? не думаю. Я принялъ начальство, чтобы спасти Колонію отъ гибели; усмирилъ мятежъ, возстановилъ порядокъ и далъ законы. Вы сами, Генералъ Консулъ, имѣете ли другія права на власть и послушаніе? — Вы спрашиваете, хочу ли я почестей и награды? Безъ сомнѣнія, но только не отъ васъ. Честь моя есть довѣренность согражданъ, а награда — ихъ благодеяніе. Судите о другихъ по себѣ, Генералъ Консулъ: естьли васъ не льзя обольстить никакими личными выгодами для безславнаго дѣла, то и я не захочу предать моихъ братій для гнусной корысти. — Вы хвалите меня за то, что я возстановилъ святую Религію: сердце

„мое всегда обожало Всевышняго; рука „Его помогала мнѣ въ опасностяхъ и „битвахъ. Но могу ли признать Хри„стіянъ въ тѣхъ Французахъ, кото„рыхъ вы сюда прислали, и которые, не „довольствуясь убійствами, травятъ „бѣдныхъ Негровъ Гаванскими собаками?... „Мы не такъ учены, какъ ваши солда„ты, Генералъ Консулъ; но не боимся „смерти, и будемъ сражаться" . . .

II.

Франція.

Между тѣмъ, какъ Трибунату, нѣкогда шумному, нынѣ тихому и безмолвному, стыдно собираться безъ дѣла; между тѣмъ, какъ законодатели Французскіе забавляются ловлею въ деревняхъ или обработываютъ театральныя статьи въ Парижскихъ Журналахъ, Сенатъ, правая рука Консула, издаетъ важные государственные уставы. Такъ онъ, по волѣ главы своей, учредилъ нынѣ *Сенаторства*, Senatoreries, или *удѣлы*, которыми Наполеонъ будетъ награждать нѣкоторыхъ Сенаторовъ, и которые составятся изъ недвижимаго имѣнія, отнятаго у духовенства и Эмигрантовъ, и до-

нынѣ еще не проданнаго. Каждый удѣлъ долженъ приносить ежегоднаго доходу около 8000 рублей. Онъ дается на всю жизнь. Сенатъ представляетъ для сей награды трехъ кандидатовъ: Бонапарте избираетъ изъ нихъ достойнѣйшаго, который обязывается жить по крайней мѣрѣ 3 мѣсяца въ своемъ удѣльномъ помѣстьѣ. Консулъ будетъ препоручать имъ въ округахъ особенныя или *чрезвычайныя* дѣла, по которымъ они должны непосредственно къ нему относиться. Бонапарте избираетъ изъ Сенаторовъ, представленныхъ Сенатомъ, двухъ Преторовъ, Канцлера и Казначея. Преторы начальствуютъ надъ стражею Сената, управляютъ домомъ его и садами. Канцлеръ надзираетъ надъ архивомъ, библїотекою, кабинетомъ медалей и картинъ, прикладываетъ печать къ опредѣленїямъ, даетъ паспорты Сенаторамъ для отлучки, и проч. Сїи чиновники будутъ жить въ домѣ Сената. Сверхъ того ежегодно дается сему Правительству на общїе расходы 4 миллїона ливровъ, и еще недвижимое имѣнїе, которымъ оно будетъ управлять, и которое приноситъ доходу миллїонъ ливровъ. Преторы, Канцлеръ и Казначей должны по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ четыре мѣсяца *работать съ Консуломъ.* —

Сїе важное учрежденїе одного роду съ Почетнымъ Легїономъ. Это *государственная метафизика* — une vaſte et profonde conception, какъ думаетъ Редererъ. Ясно одно то, что Сенаторы, для полученїя *Сенаторствъ*, еще болѣе станутъ угождать Консулу. Между тѣмъ великолѣпная щедрость его означаетъ нынѣшнее богатство Францїи. Давно ли она брала со всѣхъ деньги, и не имѣла ихъ для содержанїя армїй? Чиновники служили безъ жалованья, государственные заимодавцы умирали съ голоду. Теперь, по счетамъ государственнаго Казначея, доходы превосходятъ расходы. Вотъ благодѣтельныя выгоды порядка, введеннаго во Францїи единовластїемъ! Прежде всѣ грабили, а нынѣ только нѣкоторые наживаются, и казна богата.

Народный Французскїй Институтъ, по волѣ Консула, долженъ обратиться въ разныя Академїи: такимъ образомъ воскреснетъ Парижская Академїя Наукъ, Изящныхъ Искусствъ, Словесности и проч. Это гораздо лучше. Какъ могутъ въ одномъ мѣстѣ сидѣть Математики и Авторы Комедїй, Натуралисты и Актеры? Шутъ Французскаго театра, Дюгазонъ, надѣялся уже заступить въ Институтѣ мѣсто умершаго Актера

Моле; и въ такомъ случаѣ онъ могъ бы назвать Бонапарте своимъ *ученымъ собратомъ*. Говорятъ, что эта мысль крайне не полюбилась Консулу, и заставила его уничтожить Институтъ. Извѣстно, что онъ нѣкогда подписывался *Членомъ Института* — и *Генераломъ*, желая изъявить уваженіе къ наукамъ и талантамъ. — Между тѣмъ Монже, Президентъ сего ученаго собранія, успѣлъ еще именемъ его вручить Консулу труды Французскихъ Математиковъ, Физиковъ, и проч. Рѣчь, имъ произнесенная, достойна замѣчанія. Вотъ она;

„Гражданинъ Первый Консулъ! Институтъ, имѣя честь представить „вамъ сіи ученыя творенія, исполняетъ „долгъ, возложенный на него закономъ. Но „другой не менѣе священный долгъ пред„писывается намъ благодарностію, и мы „спѣшимъ изъявить вамъ признатель„ность за отличное благоволеніе, котора„го насъ удостоиваетъ Правительство. „Институтъ ежедневно старается оправ„дать оное пользою, разнообразіемъ и „непрерывностію трудовъ своихъ. — Граж„данинъ Первый Консулъ! бываютъ вѣки „въ исторіи міра, которые можно озна„чить славнымъ именемъ *вѣковъ возстано„вительныхъ*. Они, чрезъ большое про-

„странство временъ, являются утѣ-
„шить человѣчество, оживить науки, Сло-
„весность, искусства, и залечить язвы
„кровопролитныхъ междоусобій или Фа-
„натизма. Вѣкъ Перикловъ былъ первымъ;
„но онъ озарилъ только Грецію. Вѣкъ
„Августовъ почти загладилъ воспоминанія
„лютостей Октавія. Карлъ Великій осно-
„валъ *третій*, но къ горести своей могъ
„уж епредвидѣть его паденіе. Медицисамъ,
„Леону X и Франциску I была оставле-
„на слава утвердить новый вѣкъ, кото-
„раго блескъ озарилъ всю Европу. *Послѣд-*
„*ній* изъ сихъ знаменитыхъ вѣковъ увѣн-
„чалъ Лудовика XIV безсмертнымъ вѣн-
„цемъ славы, образованнымъ столь вели-
„кими и различными талантами. —
„Благополучнѣе отцовъ и предковъ нашихъ,
„мы видимъ сіяніе новаго *возстановитель-*
„*наго вѣка.* Герой, величіемъ подобный
„Карлу, но гораздо его щастливѣйшій,
„началъ сей вѣкъ воинскими подвигами,
„но утверждаетъ долговременность онаго
„тѣмъ, что основываетъ его на Слове-
„сности, искусствахъ и наукахъ. Едва
„трофеи Маренгскіе возникли, онъ уже
„мыслилъ о способахъ воскресить одинъ
„изъ славнѣйшихъ Университетовъ міра.
„Нынѣ, преобразуя законы и всѣ учре-
„жденія, сей Герой ставитъ посреди ихъ

„Литтераторовъ, ученыхъ и художни-
„ковъ. Для чего не дозволено людямъ
„желать чрезвычайнаго тѣмъ великимъ
„смертнымъ, которые возвращаютъ имъ
„миръ и надежду! Тогда бы мы сказали:
„*творецъ сего новаго вѣка, которымъ Фран-*
„*ція радуется и славится, да живетъ*
„*такъ же долго, какъ его твореніе!*" — На-
конецъ Институтъ сказалъ нѣчто ум-
ное и красивое Консулу: до сего време-
ни рѣчи его бывали крайне нещастливы.
Остается только желать, чтобы за вѣ-
комъ Наполеона Бонапарте не слѣдовала
погибель Франціи, какъ за вѣкомъ Пери-
кла и Августа слѣдовало паденіе Греціи
и Рима. Октавій успокоилъ Римъ; но
Тиберій былъ его наслѣдникъ!

Консульскій Журналъ, *Монитёръ*, сно-
ва доноситъ Европѣ на Англичанъ, что они
какъ вороны хотятъ крови, желали прежде
возмутить Голландію, Швейцарію, Гер-
манію, а теперь хотятъ сдѣлать рево-
люцію въ Папскихъ областяхъ, въ Неа-
полѣ, въ Генуѣ!! Что можетъ быть не-
лѣпѣе и смѣшнѣе? Забавно также, что
сей забавный *Монитёръ* вызываетъ одного
великаго и мудраго Государя отмстить
Англіи за грубое слово, сказанное Винда-
момъ въ Парламентѣ объ его народѣ. Къ
щастію, величіе и достоинство народовъ

не зависитъ отъ того, что Виндамъ и подобные могутъ сказать объ нихъ для реторической фигуры. — Въ сей грозной статьѣ Парламентскія рѣчи Гренвиля и другихъ называются рѣчами Мильтонова Сатаны. Она заключается трогательнымъ восклицаніемъ: „Нѣжныя матери, добрые „граждане, просвѣщенные филантропы! „радуйтесь, что сіи изверги не торже„ствуютъ; они хотятъ смерти дѣтей „вашихъ и всеобщаго траура Природы!“ Надобно также замѣтить, что полемическіе Авторы Консула то хвалятъ нынѣшнихъ Англійскихъ Министровъ, то забываются и бранятъ вмѣстѣ съ Гренвилемъ, Виндамомъ и Минто: сіе третье имя недавно прибавилось къ Парижскому каталогу мнимыхъ Англійскихъ злодѣевъ. Вѣроятно, что Французскій Посолъ Шампаньи пожаловался въ новыхъ депешахъ своихъ на Лорда Минто, который находится Англійскимъ Министромъ при Вѣнскомъ Дворѣ.

Слѣдуетъ выписка изъ Лондонскихъ Журналовъ. Повторяемъ уже сдѣланное нами замѣчаніе, что въ нихъ мало истины, а много смѣшнаго. Шутки на счетъ Консула въ самомъ дѣлѣ ни мало не оскорбительны для его величія; онъ самъ могъ бы улыбнуться читая ихъ.

„Гражданинъ Реньйо, Консульскій „Совѣтникъ, сказалъ въ Сенатѣ, что „Бонапарте, награждая Сенаторовъ землею, желаетъ ихъ *познакомить съ надеждою и страхомъ земледѣлія.* Идея „мудрая и прекрасная! Важные Сенаторы „будутъ смотрѣть на флюгеръ и говорить „о погодѣ въ своихъ засѣданіяхъ. Господа „Сіесъ и Редереръ отъ добраго сердца „смѣялись надъ глубокомысліемъ и красно„рѣчіемъ гражданина Реньйо. Вторый „сказалъ первому:“ любезной другъ! кажется, мы сами Метафизики и любимъ галиматью; но признаемся, что этотъ Риторъ превосходитъ насъ. Есть ли человѣческой смыслъ въ его *теоріи ученой, но дорогой, которая просвѣщаетъ и богатитъ навыкъ невѣжества, неслѣпую посредственность и робкую бѣдность земледѣльцевъ?* Что такое *страсти, которыя бродятъ или дѣйствуютъ, царствуютъ или служатъ въ большихъ городахъ?* . . . „Правда, отвѣ„чалъ Сіесъ: это не простая, а сложная „галиматья.

„Бывшій Министръ Полиціи, Фуше, „далъ большой обѣдъ двадцати Сенато„рамъ, который продолжался до самой „глубокой ночи. На другой день позвали „его въ Сен-Клу и допрашивали. Нако„нецъ Бонапарте велѣлъ ему сказать,

„чтобы онъ ѣхалъ домой. Экс-Министръ въ „подозрѣнїи: Великїй Судья и Префектъ „полицїи не выпускаютъ его изъ глазъ.

„Талеранъ весьма не доволенъ тѣмъ, „что Консулъ не принимаетъ жены его. „Однажды онъ такъ разгорячился, что „сказалъ: или примите жену мою, или „я не хочу быть Министромъ! Ему не „отвѣчали.

„Бонапарте не доволенъ молчанїемъ „стихотворцевъ, которые, узнавъ о томъ, „велѣли ему сказать, что они считаютъ „себя крайне обиженными; что всѣ „Математики и Физики сдѣланы Сена„торами, а никто изъ Поэтовъ не удо„стоенъ сей чести. Имъ отвѣчали, что „Секретаремъ новой Французской Акаде„мїи будетъ извѣстный стихотворецъ, „и что его черезъ нѣсколько мѣсяцевъ „посадятъ въ Сенатъ. Послѣ того граж„дане стихотворцы условились сочинить „*Наполеонаду*, эпическую Поэму, и вся„кой взялъ на себя воспѣть особенный „предметъ: Лагарпъ, бывшїй Президен„томъ Избирателей 13 Вандемьера (ко„гда Бонапарте наказалъ сихъ мятежни„ковъ и другихъ Парижскихъ бунтовщи„ковъ), изобразитъ сей великой день; Легу„ве, Авторъ Поэмы *о достоинствѣ жен„щинъ*, начертаетъ достоинства Госпожи

„Бонапарте; Арно, сочинитель *Венецїан-*
„*скаго Заговора*, представитъ гибель сей
„Республики, уничтоженной Консуломъ;
„Делиль опишетъ Сен-Клудской *садъ*,
„пламенное *воображенїе* Консула и любовь
„его къ *сельской жизни* (*); Фонтанъ, издав-
„шїй нѣсколько отрывковъ о мореплава-
„нїи, разскажетъ, какъ Бонапарте ле-
„тѣлъ по волнамъ изъ Египта во Фран-
„цїю; Дюсисъ, Авторъ трагедїи Отелло,
„изобразитъ чувства Героя, удаленнаго
„отъ супруги и ходящаго по степямъ
„Африканскимъ; Гофманъ, Авторъ *Кора-*
„*дина исправленнаго любовїю*, воспоетъ
„тихїе, но блестящїе досуги Сен-Клудскїе.

„Господа Сегюръ и Лїанкуръ, бывшїе
„царедворцы, сочинили для Госпожи Бона-
„парте маленькую книжку *о Версальскихъ*
„*обрядахъ*; она приняла ее съ великимъ
„благоволенїемъ, и читаетъ всякой разъ,
„когда готовится принимать Министровъ.

„Одной Руской Дамѣ показывали
„великолѣпнїе Сен-Клудскаго замка и
„спросили, напоминаетъ ли онъ велико-
„лѣпїе прежняго Двора? *Я вижу дворецъ*,
„*а не вижу Двора*, отвѣтствовала Руская
„Дама."

(*) Онъ сочинилъ три Поэмы: *Сады*, *Воображенїе* и *Сельскаго жителя*.

III.

Письмо изъ Берна.

Частныя письма увѣдомляютъ насъ, что дѣлаютъ Швейцарскіе Депутаты въ Парижѣ; но Правительство не имѣетъ никакого о томъ свѣдѣнія. Вотъ главныя черты новой Конституціи, сочиняемой ими вмѣстѣ съ избранными Французскими Сенаторами:

„Въ Швейцаріи не будетъ общественнаго Правительства. Сеймъ, который всякой годъ долженъ собираться на мѣсяцъ единственно для общихъ сношеній Швейцаріи съ другими государствами, для соблюденія правилъ вольности и равенства въ Кантонныхъ учрежденіяхъ, для общеполезныхъ заведеній и проч., будетъ душею союза. Хотятъ еще дать нѣкоторое преимущество шести Кантонамъ: Города Цирихъ, Бернъ, Луцернъ, Фрейбургъ, Солёръ и Базель, каждый въ свою очередь, и на годъ, будетъ имѣть право собирать Сеймъ и назначать предметы для разсужденій.

Сенаторы Редererъ, Демёнье и Фуше раздѣлили между собою *Кантонныя уложенія.* Первый занимается аристократическими Кантонами; вторый новыми, то есть

составленными изъ бывшихъ подданныхъ; а третій демократическими. Думаютъ, что симъ Телевымъ потомкамъ возвратятъ народное правленіе. Въ аристократическихъ Кантонахъ учреждится 1) Верховный Совѣтъ, въ которомъ будетъ около двухъ сотъ Членовъ; они не имѣютъ жалованья и собираются два раза въ годъ на короткое время, чтобы утвердить законы, повѣрить счеты и рѣшить сомнѣнія въ общественныхъ дѣлахъ; 2) Малый Совѣтъ или всегдашній Сенатъ: въ немъ засѣдаютъ 25 или 30 Членовъ, которымъ назначается небольшое жалованье, и которые образуютъ Правительство. Президентъ долженъ имѣть нѣкоторое отличіе, и смѣняется ежегодно. Бѣдные не могутъ быть чиновниками.

IV.

Разныя извѣстія.

Засѣданія Англійскаго Парламента отсрочены до 5 Февраля. Въ бывшихъ засѣданіяхъ всѣ предложенія Министровъ принимались *единодушно*: феноменъ удивительный и рѣдкій въ Англіи, и доказательство, что Министры во всемъ слѣдовали общему мнѣнію! Не давно Лондонскіе Журна-

листы требовали войны: нынѣ хотятъ они мира. Питтъ не рѣдко видится съ Аддингтономъ. Король любитъ Гакесбури болѣе всѣхъ другихъ Министровъ.

По метрическимъ книгамъ 1801 году прибавилось въ Россіи около 500,000 жителей. Вотъ роспись умершихъ стариковъ, съ означеніемъ лѣтъ, до которыхъ они дожили:

Число людей	*ихъ лѣта.*	*Число людей*	*ихъ лѣта.*
2	130	9	109
2	128	5	108
2	125	10	107
1	124	7	106
1	123	52	105
2	121	17	104
12	120	14	103
1	117	32	102
2	116	37	101
12	115	216	100
2	114	204	99
1	113	211	98
1	112	162	97
1	111	178	96
15	110	408	95.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ФЕВРАЛЬ 1805.

№ 4.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Трогательная добродѣтель женщины.

(„Сей анекдотъ взятъ изъ Souvenirs de „Félicie, въ которыхъ Гж. Жанлисъ описы„ваетъ разные любопытные случаи и „характеры большаго Парижскаго свѣта, „каковъ онъ былъ во время ея молодости. „Сіи воспоминанія умной и чувствитель„ной женщины можно, въ нѣкоторомъ „смыслѣ, назвать занимательною галле„реею портретовъ. Живописецъ писалъ съ „натуры: истина привлекательнѣе вы„думки. — Добродѣтель Госпожи Кюстинъ, „здѣсь описанная, безъ сомнѣнія тронетъ „всякое доброе сердце. Мужъ ея, Гене„ралъ Французской, былъ казненъ при „Роберспьерѣ.)

Госпожа Л*, богатая вдова, славилась въ Парижѣ вѣтреностію; но дурная

слава матери послужила, какъ видно, нравоученїемъ для двухъ ея дочерей, милыхъ и совершенно добродѣтельныхъ. Старшая вышла за Г. Лувуа; она въ 20 лѣтъ по росту своему казалась ребенкомъ, но была удивительно стройна и прїятна лицомъ. Меньшая семнадцати лѣтъ имѣла уже величественную красоту Минервы, и не обманывала своею наружностїю. Воспитанная матерью безразсудною, кокеткою и даже распутною — не видавъ никакихъ хорошихъ примѣровъ, не слыхавъ ничего, кромѣ разговоровъ опасныхъ и совсѣмъ противныхъ благонравїю, она сдѣлалась набожна, строга къ самой себѣ и снисходительна къ другимъ. Евангелїе, ею всякой день читаемое, произвело сїе чудо. Дѣвица Л* такъ любила эту книгу (въ маленькой форматѣ напечатанную), что всегда носила ее въ карманѣ.... Къ нещастью, она мнѣ досталась, и есть главная драгоцѣнность моей библїотеки.

Госпожа Л* учила дочь свою только одному искусству — танцовать; но дочь *ему только* не хотѣла учиться. Сперва ее не принуждали; но когда исполнилось ей пятнадцать лѣтъ, танцмейстеръ снова явился, и безъ всякаго успѣха. Мать хотѣла знать причину такого упрям-

ства. *Естьли не выучусь танцовать*, сказала дочь, *то мнѣ легко будетъ отговариваться отъ баловъ.* Отвѣтъ испугалъ Госпожу Л*, которая вздумала, что дочь ея желаетъ итти въ монастырь, и просила Господина Перинъи, своего друга, узнать ея мысли. Дѣвица Л* увѣряла, что она хочетъ только благоразумно вести себя въ свѣтѣ, и ни мало не думаетъ оставить его. Слѣдствіемъ сего объясненія было то, что Перинъи обѣщался дать ей тихонько Массильйоновы проповѣди, которыхъ она не читала, и на другой день привезъ ихъ. Съ того времени онъ сдѣлался ея другомъ. Ему было 50 лѣтъ, а дѣвицѣ Л* 16.

Г. Лувуа жилъ въ домѣ у тещи, которая, любя страстно дочь свою, не хотѣла съ нею разстаться. Онъ былъ вѣтренъ, измѣнялъ нѣжной супругѣ и не хотѣлъ уважать ея матери, которая за то не могла любить его, вздумала открыть глаза дочери своей на счетъ невѣрностей мужа, и разрушила навѣкъ ея спокойствіе. Зять досадовалъ: начались ссоры, изъясненія — и Г. Лувуа, тихонько нанявъ домъ, вдругъ увезъ жену свою отъ тещи. Такой странной и грубой поступокъ чрезвѣрно огорчилъ Госпожу Л*. Напрасно дочь писала къ ней прога-

нельныя письма и сама пріѣзжала: мать отказала ей отъ дому, отсылала письма назадъ не распечатанныя, и клялась, что никогда не проститъ ее. Къ нещастью, она сдержала слово, и не хотѣла слушать друзей своихъ, ни любезной дѣвицы Л*, которая напрасно омывала слезами руки ея. Но это жестокосердое упрямство разстроило здоровье Госпожи Л*; ненависть къ дочери приближила ее ко гробу: какъ жить неумолимой матери? ... За нѣсколько дней до ея смерти упомянули о Госпожѣ Лувуа: она велѣла замолчать. Старались возбудить въ ней чувства Христіянки, но также безъ всякаго успѣха. Пришелъ духовникъ и совѣтовалъ ей причаститься: она не отвѣчала. Онъ выговорилъ имя ненавистной дочери: больная съ гнѣвомъ сказала ему: *поди вонъ!* Между тѣмъ дѣвица Л* велѣла тихонько пріѣхать сестрѣ, и выбравъ минуту, упала на колѣни передъ матерью, и съ чувствительностію убѣждала ее простить дочь; но слово: *молчи!* было единственнымъ отвѣтомъ. Госпожа Лувуа четыре дни и ночи провела на соломенномъ стулѣ въ домѣ своей жестокой матери; въ пятой день больная не имѣла уже никакой надежды, но была въ совершенной памяти, призвала Нотаріуса, и выслала всѣхъ изъ комнаты.

Дѣвицы Л*, догадываясь по нѣкоторымъ словамъ ея, что она думаетъ и въ могилѣ мстить своей дочери, желала говорить наединѣ съ Господиномъ Перинъи и сказала ему: „Никого я такъ не уважаю, какъ васъ, и должна открыть „вамъ мое сердце. Приказныя дѣла мнѣ „совсѣмъ неизвѣстны; однакожъ знаю, „что матушка можетъ лишить наслѣдства сестру мою. Думаю, что она это „сдѣлаетъ. Богъ видитъ мою душу; „однакожъ мнѣ только 17 лѣтъ отъ роду: „въ такія лѣта не всегда можно отвѣчать за себя и за дѣйствіе дурныхъ „совѣтовъ. Я хочу обязать себя клятвою. „Васъ считаю вторымъ отцомъ своимъ и „клянусь торжественно передъ вами, что „отдамъ сестрѣ не часть, а половину „имѣнія.... Теперь я спокойна: мнѣ уже „не льзя отказаться отъ даннаго слова!“.. Перинъи былъ тронутъ до слезъ, удивляясь ея добродѣтельной и скромной недовѣрчивости къ себѣ, тѣмъ болѣе, что она всегда и во всемъ показывала великую твердость характера. Вотъ истинный знакъ Ангельской души и Христіянской добродѣтели.... Ввечеру снова дѣвица Л*, обливая слезами руки матери, заклинала ее простить Госпожу Лувуа, и наконецъ осмѣлилась сказать, что она тутъ и не

спала уже нѣсколько ночей. Вдругъ больная вспала и съ ужасною злобою громко сказала: *я проклинаю ее!..* Нещастная дочь, которая стояла за дверью, услышала ихъ и безъ памяти упала на землю... Госпожа Л*, послѣ такого страшнаго усилія ненависти, ослабѣла и скоро умерла... Ея сердце конечно бы тронулось и размягчилось, естьли бы она имѣла вѣру Христіянки!...

Дѣвица Л* удалилась на нѣсколько времени въ монастырь. Мать отказала ей по духовной все свое имѣніе: помѣстья, домы, деньги, бриллїянты. Дочь спѣшила отдать половину сестрѣ, и съ такою удивительною точностїю, что велѣла разломить на-двое серебряную лошку, которая составляла не-четъ. Госпожа Лувуа скоро умерла бездѣтною, и богатство возвратилось въ чистыя руки ея великодушной сестры и благодѣтельницы. Дѣвица Л*, черезъ годъ по кончинѣ матери, вышла за-мужъ за Г. Кюстина. Никакая женщина не вступала въ свѣтъ съ лучшимъ именемъ. Периньи разгласилъ о добродѣтельномъ ея поступкѣ съ сестрою: всѣ старались изъявлять ей душевное, искреннее уваженїе. Судьба хотѣла, чтобы она только самой себѣ обязана была своею добродѣтелью. Свекровь

ея жила въ Лотарингіи: Госпожа Кюстинъ не имѣла наставника, но не сдѣлала ни одной ошибки въ свѣтѣ, во всѣхъ случаяхъ показывала удивительную твердость правилъ, осторожность и благоразумїе; обращала необыкновенный умъ свой единственно на образованїе совершеннаго моральнаго характера, и будучи молода, богата, прекрасна какъ Ангелъ, вела уединенную жизнь: отказывалась отъ всѣхъ баловъ, ѣзжала ко Двору только по должности, въ спектакли по снисхожденїю; никого не судила строго; скрывала даже свое природное остроумїе, и сердечно радовалась, когда другїе любовь ея къ уединенїю считали лѣностїю. Она говорила друзьямъ своимъ: *лучше казаться холодною, нежели странною.* Госпожа Кюстинъ не была ни супругою, ни матерью *холодною*; никто не могъ превзойти ее въ ревностномъ исполненїи домашнихъ обязанностей и въ дѣятельности для пользы друзей своихъ.

Она жила шесть лѣтъ въ свѣтѣ и наслаждалась тѣмъ почтенїемъ, на которое имѣютъ право сороколѣтнїя женщины, бывшїя всегда образцемъ добродѣтели. Нарывъ въ груди въ пять дней прекратилъ ея мирную, ангельскую жизнь. Г. Кюстинъ былъ за сто миль... Я ни

днемъ, ни ночью не отходила отъ нее, и никогда не забуду сей Христіянской, примѣрной кончины. Больная знала свою опасность и не показывала ни малѣйшаго безпокойства. Я всякой день читала ей вслухъ Евангеліе или *Подражаніе Христу.* Она была тиха и молчалива; не хвалилась твердостію, не составляла *красивыхъ фразъ*, не говорила языкомъ Философіи — но Рафаель и Пуссень захотѣли бы изобразить ея лицо, трогательное, милое, спокойное. Медикъ Троншень объявилъ въ концѣ четвертаго дня, что она не переживетъ пятаго. Сей ужасной день насталъ... Это было Воскресенье. Больная наканунѣ причастилась, и заклинала меня дружбою ѣхать къ обѣднѣ. Она уже не страдала; была прекрасна и казалась веселою... Я не могла увѣрить себя въ ея близкой смерти! Служанка подала мнѣ молитвенникъ. „Возьми лучше мое Евангеліе," сказала Госпожа Кюстинъ. Сердце мое затрепетало: она никому не повѣряла сей безцѣнной для нее книги.... Я взглянула, и большіе, черные глаза ея, выразительные и краснорѣчивые, увѣрили меня въ истинѣ моего предчувствія... „Возьми же," повторила она съ чувствительностію и съ видомъ умиленія... Съ неизъяснимымъ движеніемъ я взяла сію свя-

щенную книгу: ахъ! она была послѣднимъ даромъ нѣжности!... Слезы лились изъ глазъ моихъ; обнимая съ горячностїю милаго друга, я не могла выговорить ни одного слова. Она прижала меня къ сердцу и сказала тихонько: *храни ее*!... Мы разстались навѣки!.. Когда я возвратилась, другъ мой уже скончался!...

Суды Всевышняго праведны! Сїя Ангельская душа прежде времени оставила землю, бывъ щастливою супругою и матерью; но Провидѣнїе хотѣло избавить ее отъ ужаса видѣть на одномъ эшафотѣ мужа и сына!

II.

Описанїе Соломонова трона.

(Оно переведено съ Персидскаго и взято изъ Азїатскаго Магазина, издаваемаго въ Германїи. Читатели замѣтятъ въ немъ характеръ восточной фантазїи.)

Сей славный тронъ есть дѣло Духа Сукера и называется *звѣздою Генїевъ*. Слѣдуетъ подробное описанїе его великолѣпїя.

Онъ вылитъ изъ чистаго злата, а подножїе сдѣлано изъ смарагдовъ и рубиновъ, осыпанныхъ жемчужинами, изъ которыхъ

всякая величиною съ страусово яйцо. Семь ступеней ведутъ къ нему: на обѣихъ сторонахъ представлены сады и дерева; вѣтви ихъ образованы изъ драгоцѣнныхъ камней и гнутся отъ тяжести зрѣлыхъ и незрѣлыхъ плодовъ. На деревахъ сидятъ разноцвѣтныя птицы: *куроги*, попугаи и другія. Внутреннее образованіе сихъ птицъ такъ искусно, что онѣ плѣняютъ слухъ неизъяснимо-сладостнымъ пѣніемъ. На первой ступени находится виноградный садъ; драгоцѣнные камни пурпуровые, фіолетовые, зеленые и красные весьма живо представляютъ цвѣты ягодъ. На второй ступени лежатъ два ужасные льва, вылитые изъ чистаго злата. Когда Пророкъ Соломонъ станетъ ногою на первую ступень, тогда птицы распускаютъ перья свои и машутъ крыльями по воздуху; когда же ступитъ на вторую, тогда львы поднимаютъ лапы; на третьей всѣ Духи и Геніи возглашаютъ хвалу Богу; на четвертой раздаются гласы: *Сынъ Давидовъ! благодари Всемогущаго за безсисленныя Его къ тебѣ милости!* на пятой то же; когда восходитъ на шестую, всѣ дѣти Израиля приходятъ въ движеніе; а на седьмой и тронъ и птицы и звѣри колеблются, черезъ тайныя свои отвер-

стія изливая ароматы на Пророка. Царь садится на престолъ, и все неподвижно! Тогда два *курга* слетаютъ съ вѣтвей и возлагаютъ вѣнецъ на главу его. Предъ тронномъ возвышается златый столпъ; на немъ сидитъ златый голубь и держитъ ворту серебряную книгу, въ которой написаны псалмы Давидовы. Голубь летитъ съ нею къ Царю, и Соломонъ читаетъ ихъ предъ всѣми чадами Израиля. Всякой разъ, когда злодѣй приближится къ трону, львы страшнымъ образомъ ревутъ и машутъ хвостами, птицы бьютъ крыльями, а Духи и Геніи вопятъ отъ ужаса. Никто не дерзаетъ быть лицемѣромъ, и не можетъ утаить своихъ преступленій.

III.

Импровизаторы.

(Переводъ изъ *замѣчаній* одного Французскаго путешественника, еще не изданныхъ въ свѣтъ.)

Неаполь, 7 *Апрѣля*. *Импровизаторами* называются въ Италіи Поэты, которые на всякой заданной предметъ *вдругъ* сочиняютъ стихи и поютъ ихъ. Теперь я знаю сихъ великихъ Геніевъ!

Баронъ Д* давалъ вчера большой обѣдъ разнымъ путешественникамъ. Онъ хотѣлъ угостить ихъ Италїянскимъ блюдомъ и пригласилъ Дона Луджи, Адвоката и славнаго Импровизатора. Вообразите человѣка лѣтъ въ сорокъ, чрезмѣрно толстаго, подобно всѣмъ людямъ, которые въ жаркихъ климатахъ не занимаются ручною работою. Стихотворецъ нашъ не ѣлъ ничего; но послѣ обѣда, когда мы возвратились въ гостиную комнату, онъ спросилъ бутылку вина и роздалъ музыкантамъ, нарочно для того призваннымъ, ноты голосовъ, на которые ему надлежало сочинять стихи. Всѣ гости сѣли кругомъ.

Ему предложили два вопроса: *какая награда всего лестнѣе для таланта? и что лучше: любить или нравиться?* ... Донъ Луджи всталъ, задумался и минутъ десять не говорилъ ни слова, устремивъ глаза въ землю. Между тѣмъ двѣ скрыпки тихо играли нѣжный и трогательный голосъ. Сїя прїятная, выразительная музыка только двухъ инструментовъ, и въ залѣ, въ которую свѣтъ едва проницалъ сквозь красные занавѣсы, показалась мнѣ лучше всѣхъ шумныхъ симфонїй. Она расположила мою душу ко вниманїю и меланхолїи.

Скоро голосъ Поэта соединился съ сими любезными звуками. Онъ пѣлъ тихо, но съ чувствомъ и пріятно, стихи плавные и гладкіе, впрочемъ столь не ясные смысломъ, что я съ трудомъ могъ понимать ихъ. Мнѣ казалось, что нашъ стихотворецъ и *вправо и влѣво уходилъ отъ своего предмета*; однакожъ мимоходомъ похвалилъ Аббата Б*, одного изъ важнѣйшихъ гостей. Всѣ удивлялись и хлопали. — Наконецъ (черезъ часъ, думаю), перемѣнивъ три раза мѣру стиховъ, онъ заключилъ свое пѣніе и отвѣтъ на первый вопросъ.

Я былъ гораздо довольнѣе его отвѣтомъ на второй вопросъ, умнымъ и нѣжнымъ. Донъ Луджи, исчисливъ выгоды и невыгоды, объявилъ, что онъ желаетъ лучше любить не нравясь, нежели нравиться не любя. Безъ сомнѣнія не многія Француженки съ нимъ согласятся.

Я замѣтилъ, что онъ обыкновенно раздѣляетъ свой отвѣтъ на три части: въ первой старается какъ можно яснѣе и красивѣе предложить вопросъ; во второй сказываетъ все то, что можно на него отвѣчать; а въ третьей объявляетъ свое мнѣніе и доказываетъ его истину разсужденіемъ. Такая метода хороша;

самые лучшіе Ораторы не могутъ найти другой.

Сія работа воображенія была весьма утомительна для стихотворца. Потъ текъ съ него ручьями; глаза наполнялись кровью, однакожь блистали какъ звѣзды. Онъ дуренъ собою; но кажется пріятнымъ, когда сочиняетъ: лицо его дѣлается выразительнымъ — а выраженіе есть красота. — — Послѣ завтра услышу еще славнѣйшаго Импровизатора, Дона Гаспарино celeberrimo. Хорошо — увидимъ!

9 *Апрѣля.* Богъ съ тобою, Донъ Гаспарино! ты наскучилъ мнѣ до крайности!

Какая связь между моимъ вопросомъ и сказкою Элены и Париса, которую ты пѣлъ намъ цѣлой часъ, не сказавъ ничего болѣе?

Увѣряютъ, что Донъ Гаспарино всякой разъ бываетъ въ лихорадкѣ, и прежде и послѣ своего пѣнія. Естьли бы всѣ думали согласно со мною, то великій стихотворецъ Гаспарино никогда бы не имѣлъ лихорадки.

Правда, правда! одни Италіянцы могутъ хвалиться Импровизаторами! Въ какомъ другомъ языкѣ найдется столько *синонимовъ*, богатыхъ и звучныхъ риѳмъ?

Но это удовольствїе не для меня. Какая радость видѣть бѣднаго Поэта въ мукахъ Аполлоновыхъ и въ судорогахъ Пиѳїи для пустаго набора словъ? Естьли вы любите музыку и стихи, то задайте ему вопросъ за нѣсколько дней или за мѣсяцъ: пусть онъ работаетъ въ своемъ кабинетѣ и поправляетъ на досугѣ; пусть явится къ вамъ тогда, когда напишетъ что нибудь ясное, прїятное, остроумное! Три куплета, написанные дома, для меня гораздо прїятнѣе трехъ сотъ дурныхъ и даже посредственныхъ стиховъ, сочиненныхъ вдругъ и безъ размышленїя.

Естьли бы я разбогатѣлъ, то захотѣлъ бы въ долгїе зимнїе вечера угощать у себя не Импровизаторовъ, а *Трубадуровъ*. Послѣ хорошаго обѣда прїятели мои сѣли бы передъ каминомъ, и нѣжный голосъ спѣлъ бы имъ любовную пѣсню, жалкую балладу. . . По чему знать? Можетъ быть мнѣ удалось бы доказать нашимъ стихотворцамъ, что имъ такъ надобно пѣть случаи древнихъ и даже новыхъ временъ. Гомеръ и другїе Греческїе Поэты были Историками достопамятныхъ происшествїй. Стихотворство могло бы соединять пользу съ удовольствїемъ; могло бы учить добродѣтели и

патріотизму. . . . Но я забылся: карты на столѣ... Во чтожь мы будемъ играть, милостивые государи? . .

IV.

О Кофе.

(Переводъ изъ новаго восточнаго путешествія.)

Только на горахъ Еменскихъ растетъ такъ называемый *Мокскій* кофе, и въ трехъ мѣстахъ: въ Санаа, Голани и Бетельфаги. Послѣднее мѣсто находится въ 55 Фран. миляхъ отъ Моки.

Кофейное дерево бываетъ вышиною въ 12 футовъ, а толщиною въ 15 дюймовъ. Чѣмъ оно старѣе, тѣмъ нижнія вѣтви его кривѣе, и, расширяясь, образуютъ круглой щитъ. Кора бѣловата и жестка. Листья похожи на лимонные, только гораздо тонѣе. Кофейное дерево цвѣтетъ и приноситъ плоды во всякое время года. Бѣлой цвѣтъ его сходенъ съ ясминнымъ, имѣетъ ароматической запахъ, но вкусомъ горекъ. Онъ бываетъ подъ листьями на вѣтви, и когда спадетъ, то на его мѣстѣ показываются зеленыя ягоды, которыя въ зрѣлости

своей красѣютъ, имѣютъ величину крупной вишни, вкусны и питательны. Въ срединѣ ягоды, вмѣсто вишенной косточки, находится бобъ, называемый *кофе*, покрытый тонкою кожицею и твердѣющій отъ солнца по мѣрѣ того, какъ засыхаетъ ягода, которая обращается въ кофейную скорлупу. Арабы изъ сей внѣшней скорлупы дѣлаютъ лучшій кофе свой, называемый Султанскимъ.

Зрѣлая ягода бываетъ сѣменемъ дерева. Оно требуетъ густой тѣни и влажнаго мѣста. Вокругъ его роютъ обыкновенно каналы и наполняютъ ихъ водою для частаго поливанія. На открытыхъ, южныхъ мѣстахъ садятъ кофе подъ вѣтвями большихъ тополей.

Три раза въ годъ собираютъ кофейныя ягоды, а всего болѣе въ Маѣ; подъ деревьями разстилаютъ полотно, и трясутъ ихъ; сушатъ ягоды на солнцѣ, сбиваютъ палкою или камнемъ скорлупу, раздѣляютъ бобъ на двѣ части, снова сушатъ ихъ и просѣваютъ въ большихъ решетахъ.

Галанъ, бывшій Профессоромъ Арабскаго языка въ Парижѣ и въ 1690 году выдавшій книгу о кофе, говоритъ, что должно называть его *кафе*: слово Турецкое, происшедшее отъ *Кугофа* — что зна-

чить: *не имѣть апетита.* Такъ Арабы называютъ вино и всякое питье, которое своею излишностїю обременяетъ желудокъ. Кофейный бобъ называютъ они *буунъ*, а дерево *буунным* растѣнїемъ.

Абдалькадеръ, Мединскїй уроженецъ, Гамбаловой секты, и еще древнѣйшїй Авторъ Бенъ Абдальгастеръ, жившїй въ Щастливой Аравїи, пишутъ о началѣ употребленїя кофе слѣдующее: Аденскїй Муфти, слабый здоровьемъ, вспомнилъ, что онъ въ Персїи видалъ людей, которые пили кофе; вообразилъ, что онъ поможетъ ему; началъ его пить, и въ самомъ дѣлѣ нашелъ, что кофе облегчаетъ головную боль, веселитъ душу и прогоняетъ сонъ. Муфти воспользовался симъ открытїемъ, и прїучилъ своихъ Дервишей пить кофе, чтобы они по ночамъ не дремали на молитвѣ. Это случилось въ девятомъ столѣтїи Эгиры или въ 15 вѣкѣ. Примѣръ Муфти ввелъ кофе въ общее употребленїе, сперва въ Щастливой Аравїи, а послѣ въ Каирѣ и во всемъ Египтѣ. Но въ Еѳїопїи еще гораздо прежде начали употреблять его.

Лѣтъ черезъ 100 послѣ того два Турка, именемъ Легемъ и Гекемъ, завели общенародные кофейные домы въ Константинополѣ, гдѣ царствовалъ тогда

Солиманъ Великій. Въ нихъ скоро начали собираться всѣ праздноолюбцы, къ досадѣ Имановъ и Дервишей, которые видѣли, что храмы пусты, а кофейные домы полны. Они представили Великому Муфти, что жженый кофе есть уголь, а Магометъ запретилъ ѣсть угли. Онъ согласился съ ними и не велѣлъ пить его; но преемникъ сего Муфти объявилъ, что кофе не есть уголь, и тѣмъ разрѣшилъ сомнѣніе набожныхъ людей и законниковъ, которымъ онъ весьма полюбился.

Во время Кандійской войны Визирь Купрули велѣлъ затворить всѣ кофейные домы, чтобы праздные люди не собирались въ нихъ разсказывать и слушать вѣстей; но тогда уже всѣ богатые и бѣдные пили кофе въ Константинополѣ. Мужья обязаны были поить имъ женъ своихъ, и въ случаѣ забвенія сей должности жена имѣла право требовать развода. Въ Турціи есть особенные *кофейные чиновники*, называемые *Кафенги*: ихъ нѣсколько въ Сералѣ, и каждый имѣетъ подъ своимъ начальствомъ 20 или 30 служителей, которые занимаются только вареніемъ кофе.

Солиманъ Ага, Турецкій Посолъ во Франціи въ 1669 году, первый ввелъ тамъ въ употребленіе кофе.

V.

Первая Пиндарова Пиѳическая пѣснь Этнянину Хирону, Королю Сиракузскому, на побѣду его колесницы (*).

Златая арфа Аполлона,
Подруга чернокудрыхъ Музъ!
Твоимъ въ молчаньи звукамъ внемлетъ
Монархъ веселья, пляска, ликъ;
Когда же, хоромъ управляя,
Даешь къ совосклицанью знакъ, —
Огнь быстрый, вѣчный, вседробящій,
Ты можешь молньи потушить!

Сидитъ на скипетрѣ Зевеса
Орелъ, пернатыхъ царь, и внизъ
Спустя высокопарны крылья,
Во сладостномъ забвеньи спитъ.
Пріятна мгла смежая вѣжды,
Главу его на перси гнетъ;
Бряцаньемъ тихимъ утомленный,
Чуть зыблется хребетъ его.

Свирѣпый Марсъ склоняетъ долу
Свое кроваво остреё;

(*) Любители Рускаго Стихотворства порадуются, что славный Поэтъ нашъ и среди важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ еще занимается Музами. Онѣ не могутъ упрекать любимца своего неблагодарностію. — К.

Утѣхой сердце упоенно,
Смягчась, плѣняется его.
И самые безсмертны боги
Забавъ сражаются отъ стрѣлъ,
Какія персты Феба мещутъ
И нѣжны груди Піеридъ.
Но тотъ, кого Зевесъ не любитъ,
Дрожитъ отъ звонкихъ пѣсенъ Музъ;
Трепещетъ на землѣ и морѣ
Вся груба, суща тварь отъ нихъ;
Трепещетъ и Тифей стоглавый,
Воинель бывый на боговъ:
Наверженъ страшною горою,
Онъ въ мрачномъ Тартарѣ лежитъ.
Кильнійской оглашенный бездной,
Онъ нѣкогда воспитанъ былъ;
Вокругъ его каменноморскій,
Днесь Кумскій и Сицильскій брегъ
Космату грудь отягощаетъ;
Столпомъ, досягшимъ до небесъ,
Держащимъ на себѣ снѣгъ вѣчный,
Прижатъ, придавленъ Этн ойонъ.
Изъ челюстей своихъ извержетъ
Потоками всержущій огнь,
Который днемъ сквозь тучи дыма
Сверкаетъ искрами въ аеръ;
А ночью вихрями крутяся,
Горящимъ каменнымъ дождемъ
Съ ужаснымъ грохотомъ и ревомъ
Въ морскую глубину падетъ.

Не только зрѣть его ужасно —
Какъ жупелъ онъ Вулкановъ вверхъ
Горящими струитъ рѣками —
О немъ ужасенъ даже слухъ,
Какъ Этны къ листомрачну верху
И къ дну прикованъ цѣпью онъ;
Изъязвленнымъ хребтомъ простершись,
На терновыхъ лежитъ буграхъ.
О Зевсъ, горы сея властитель!
Помилуй и спаси чело
Богатыя страны плодами,
Близь коей соимянный градъ
Воздвигъ народовъ поселитель,
И гдѣ въ ристалищѣ Герольдъ
Пиѳійскомъ славу колесницы
Хироновой провозгласилъ!
Какъ въ Понтъ пловцы пустясь ликуютъ,
Зря вздуты вѣтромъ паруса:
Надеждою ихъ сердце льстится,
Что щастливо свой путь свершатъ:
Такъ сихъ торжествъ начало кажетъ,
Что градъ украсясь сей и впредь,
Въ вѣнцѣ побѣдъ, во блескѣ новомъ
Возликовствуетъ на пирахъ.
О Фебъ! Лицея повелитель,
Деллоса свѣтлый Царь и другъ
Любимаго тобой потока
Кастальскихъ водъ, съ Парнасскихъ горъ
Текущихъ — о! услышь желанье,
Сей гласъ мой, — и страну сію,

Героями превознесенну,
На сердцѣ напиши твоемъ!
Такъ, милостью боговъ единыхъ,
И въ добродѣтеляхъ своихъ
Всѣ процвѣтаютъ человѣки;
Блаженства лишь они дождятъ:
Чрезъ нихъ премудрые премудрость,
Краснорѣчивы сладость устъ,
Могущіе ихъ стяжутъ силу,
И всѣ дары текутъ отъ нихъ.
И я, исполнясь ихъ восторгомъ,
Вожделѣвая мужа пѣть,
Да брошу сильною рукою
Мое выспрь мѣдное копье,
Которое, прямымъ полетомъ
Межь соподвижниковъ моихъ
Всѣхъ далѣй, всѣхъ быстрѣй промчася,
Со звукомъ въ мѣту попадетъ.
О! да всегда къ нему снисходитъ
И впредь веселье такъ, какъ днесь!
Осыпанъ щастія дарами
Да забываетъ скорбь свою,
А помнитъ брани лишь побѣды,
Гдѣ жалъ онъ славу, цвѣтъ боговъ;
Гдѣ съ нимъ никто, кромѣ Гелона
Благъ выше не снискалъ коронъ.
Но не тому ли ужь подобенъ
Онъ древню Филоктету днесь,
На брань готову, снаряженну
По изволенію Судебъ,

Котораго изъ славныхъ воевъ
Первѣйшій мужествомъ Герой,
Толь рѣдкимъ посѣтя привѣтствомъ,
И дружбою почтилъ своей?
Тогда, вожди какъ приходили
Съ собой его подъ Трою звать,
Лежалъ страдая въ Лемнѣ язвой
Снабженный лукомъ Фесовъ сынъ;
Хоть былъ безсиленъ, слабъ, шатался —
Но онъ низвергъ Пріамовъ градъ,
И подвигъ совершилъ Данаевъ:
Угодно было такъ богамъ.
Возставь, о боже! и Хирона
Ты такъ съ болѣзненна одра,
И въ временахъ ему грядущихъ
Во всѣхъ желаньяхъ дождь успѣхъ.
А ты восхить и Диноменовъ,
О Муза! сей побѣдой духъ
Четвероконной колесницы;
Не чужда сыну честь отца.
Ему ужь скоро возгласится
И самому мной такъ же пѣснь,
Какъ оному державцу Этны,
Кому Хиронъ воздвигъ сей градъ
Златой свободы на твердынѣ,
По чертежу Хилійскихъ правъ.
И Гераклидовъ родъ, Панфила,
Пребывъ Дорійцами до днесь,
Хранитъ Эгимовы завѣты,
Съ тѣхъ самыхъ поръ, когда съ холмовъ

Тагета двигшись, взялъ приступомъ
Отторгнувъ отъ Амиклы Пиндъ,
Щастливо ею завладѣя —
И днесь почтенный сталъ сосѣдъ
На бѣлыхъ коняхъ Тиндаридамъ,
И копій звуками цвѣтетъ.

Продли, продли, Зевесъ, тожъ щастье
И на Аменовыхъ водахъ,
Да о Князьяхъ и о народѣ
Молва правдивая гремитъ!
Отцемъ возвышенна, младаго
Ты самъ Царя сего води,
И старца провождай мастита
Въ согласьи царства содержать.

Молю тебя, молю, сынъ Хроновъ!
Да страшный ревъ военныхъ трубъ
Спокойства больше не смущаетъ
Ни Тирянъ, ни Финикьянъ днесь.
Ты самъ, Зевесъ, при Кумѣ видѣлъ
Кораблегибельный позоръ,
И оному ударъ подобный,
Имъ данный Княземъ Сиракузъ.

Ты зрѣлъ, какъ сильной онъ рукою
Съ смятенныхъ бѣгствомъ кораблей
Свергалъ цвѣтущи войска въ морѣ,
И Грецію отъ рабства спасъ.
Пѣснь благодарная Аѳинамъ
Принадлежитъ за Саламинъ.
И я хвалю не умолкая
Спартанъ за Китеронскій бой.

О! какъ въ сихъ страшныхъ двухъ сраженьяхъ
Стрѣлами ополченны тьмы
Надменныхъ Персовъ упадали!
Какъ на смѣющихся брегахъ
Водами свѣтлыми Химеры
Звукъ Диноменовыхъ сыновъ
Гласится мной, достойно стершихъ
Геройской мышцой полкъ враговъ!
Пѣснь краткую, но содержащу
Въ себѣ дѣлъ болѣе, чѣмъ словъ,
Не столь хулители терзаютъ;
Но нагруженна черезъ край
Воображенье утомляетъ.
И собственныхъ хвала гражданъ
Завистникамъ жметъ сердце тайно:
Коль паче иностранныхъ честь!
Межъ тѣмъ всегда пріятнѣй зависть,
Чѣмъ сожалѣнье намъ — и ты
Не преставай итти въ слѣдъ славѣ;
Рулемъ довѣрья правь народъ,
Судъ искушай въ горнилѣ правды:
Малѣйшу искру отъ Царя
Свѣтъ за большую почитаетъ:
Тьмы вкругъ свидѣтелей тебя!
Ревнуешь ли потомства къ чести?
Будь твердымъ въ подвигахъ благихъ,
И щедрымъ быть не отрекайся;
Но паче вѣтромъ парусъ твой
Вздувай подобно мореходцамъ;

Лишь никогда, любезный мой!
Не обольщайся царедворцевъ
Лукавой сладостью словесъ.
Единъ гласъ памяти блаженной
Звучитъ за гробомъ, — и дѣла
Мужей великихъ пробуждаетъ
Во лѣтописцахъ и пѣвцахъ.
Не умретъ Креза добродѣтель;
Но лютый, злобный Фаларисъ,
Людей въ волѣ сжигавшій мѣдномъ,
Не вспоминается добромъ.
Нигдѣ о немъ не звукнетъ арфа;
Ее не вторитъ юныхъ пѣснь.
О! такъ, Хиронъ, вкушенье жизни
Благополучья первый даръ;
Вторый же даръ благая слава;
А кто стяжалъ ихъ обоихъ,
Тому судьбы опредѣлили
Всѣхъ превосходнѣйшій вѣнецъ.

Державинъ.

VI.

Филины и соловей, или просвѣщеніе.

Басня.

Узнали филины намѣреніе Феба
Ея величество, ночь темную, согнать
Съ престола древняго земли и неба,

И сутки цѣлыя безъ отдыха сіять.
„Что! что!“ кричатъ они: „разрушить царство нощи,
„Въ которомъ намъ такъ мило жить,
„И сонныхъ птицъ давить
„Во мракѣ тихой рощи!
„Кто Фебу далъ такой совѣтъ?“....
„Не вы, друзья мои: *не филины, не воры!*“
Сказалъ имъ соловей: „не нравится вамъ свѣтъ:
„Его боятся хищныхъ взоры!
„Я ночью пѣлъ одинъ, и всѣ плѣнялись мной;
„Въ день будетъ у меня совмѣстниковъ довольно:
„Ихъ также наградятъ хвалой....
„Лишиться славы больно,
„Но ею съ братьями охотно подѣлюсь,
„И солнцемъ веселюсь,
„Когда въ его сіяньи
„Для міра болѣе утѣхъ,
„Чѣмъ въ горестномъ мерцаньи.
„Злой мыслитъ о себѣ, а доброй обо всѣхъ;
„Злой любитъ мракъ густой, а доброй просвѣщенье.
„Къ нещастью долженъ я сказать вамъ въ утѣшенье,
„Что въ самой ясной день
„Для васъ еще найдется тѣнь!“

П. Г.

VII.

Къ отечеству.

Сыны отечества клянутся,
И Небо слышитъ клятву ихъ!
О какъ сердца въ нихъ сильно бьются!
Не кровь течетъ, но пламя въ нихъ.
Тебя, отечество святое,
Тебя любить, тебѣ служить:
Вотъ наше званіе прямое! —
Мы жизнію своей купить
Твое готовы благоденство;
Погибель за тебя — блаженство,
И смерть — безсмертіе для насъ!
Не содрогнемся въ страшный часъ
Среди мечей на ратномъ полѣ;
Тебя какъ Бога призовемъ,
И врагъ не узритъ солнца болѣ —
Иль мы, сраженные, падемъ —
И наша смерть благословится! —
Сонъ вѣчности покроетъ насъ;
Когда вздохнемъ въ послѣдній разъ,
Сей вздохъ тебѣ же посвятится! . . . .

Ан. Тургеневъ.

VIII.

На цѣпочку для часовъ (*).

Не время, но сердца *цѣпоской*, не *цѣпями*,
(Позволь въ признательность мнѣ истину сказать!)
Рукою нѣжною тихонько оковать —
Тебѣ прекрасный даръ врученъ навѣкъ судьбами.

К. Ш — въ.

IX.

Путешествіе вокругъ Москвы.

Письмо первое изъ Коломны отъ 14 Сентября.

Я обѣщалъ вамъ, любезный другъ, объѣздить Московскія окрестности и сказать нѣсколько словъ о томъ, что увижу. Исполняю свое обѣщаніе; но время, мною избранное, не благопріятствуетъ живописи предметовъ. Осенью хорошо сидѣть у камина, а не скитаться; хорошо думать, а не смотрѣть. Не даромъ

(*) Которую Авторъ получилъ въ подарокъ отъ дамы.

Рускїе бранятся Сентябремъ мѣсяцемъ! Унылый видъ Природы располагаетъ только къ меланхолическимъ *Іеремїадамъ*, для которыхъ нѣтъ нужды дышать туманами и прятаться въ коляскѣ отъ дождя: плакать стихами и прозою всего лучше въ кабинетѣ. Бѣдные люди мои конечно не понимаютъ, какъ можно по грязи ѣздить для удовольствїя и въ Коломнѣ искать любопытнаго! — *Наблюденїя* вашего путешественника не очень важны: что дѣлать? Москва не Римъ.

Я выѣхалъ изъ своей деревни не рано, и первымъ моимъ ночлегомъ было Кусково, нѣкогда столь извѣстное Московскимъ жителямъ, а нынѣ оставленное и забытое. Оно можетъ упрекать ихъ неблагодарностїю! Бывало всякое Воскресенье, отъ Мая до Августа, дорога Кусковская представляла улицу многолюднаго города, и карета обскакивала карету. Въ садахъ гремѣла музыка, въ алеяхъ тѣснились люди, и Венецїанская гондола съ разноцвѣтными флагами разъѣзжала по тихимъ водамъ большаго озера (такъ можно назвать обширный Кусковскїй прудъ). Спектакль для благородныхъ, разныя забавы для народа и потѣшные огни для всѣхъ, составляли еженедѣльный праздникъ Москвы. Роскошь

можетъ быть нѣкоторымъ образомъ почтенною, когда имѣетъ своею цѣлїю общественныя удовольствїя. — Въ Кусковѣ два раза была угощаема Великая ЕКАТЕРИНА. Знаменитый путешественникъ, Графъ Фалькенштеинъ (*), удивлялся тамъ сельскому великолѣпїю Руского Боярина. Наконецъ къ чести и славѣ сего помѣстья должно вспомнить, что въ немъ отдыхалъ на лаврахъ Герой Шереметевъ, когда отечество и ПЕТРЪ Великїй не имѣли враговъ. Память и слѣды такихъ людей украшаютъ мѣста лучше всѣхъ зданїй великолѣпныхъ. Не только фамилїя, но и Россїя можетъ справедливо гордиться Графомъ Борисомъ Петровичемъ и тѣмъ добродѣтельнымъ Шереметевымъ, котораго мучилъ Царь Иванъ Васильевичь, желая узнать, гдѣ скрыты его мнимыя сокровища, и который отвѣтствовалъ ему съ великодушною кротостїю: *Государь! я отправилъ ихъ на тотъ свѣтъ съ бѣдными* (**)!

Теперь Кусково можетъ завидовать Останкину, которое въ самомъ дѣлѣ лучше мѣстоположенїемъ; первое есть ста-

---

(*) Императоръ Іосифъ.
(**) Курбскїй называетъ его *мудрымъ Царскимъ совѣтникомъ.*

ринное помѣстье Шереметевыхъ, а второе досталось имъ отъ Черкаскихъ. Славные Останкинскіе кедры присланы изъ Сибири Княземъ Михайломъ Яковлевичемъ Черкаскимъ; онъ былъ въ Тобольскѣ Губернаторомъ. — Вообще можно сказать, что наши старинные Бояре для сельскихъ жилищъ своихъ не искали живописныхъ мѣстъ, которыхъ довольно въ окрестностяхъ Москвы. Одинъ Кирила Полуектовичь Нарышкинъ умѣлъ выбрать несравненное Кунцово на высокомъ берегу Москвы-рѣки, гдѣ представляется взору самый величественный амфитеатръ. У насъ и нынѣ обыкновенно думаютъ, что въ деревняхъ надобно садить алеи, рыть пруды, строить бесѣдки; у всякаго свой вкусъ — но я люблю тѣ мѣста, которыя для своей пріятности не требуютъ никакихъ искусственныхъ украшеній. Люди не богатые, лѣнивые, а можетъ быть и нѣкоторые *люди со вкусомъ* пристанутъ къ моему мнѣнію. Чего стоилъ Кусковскій прудъ? Хорошо взглянуть на него; но здорово ли жить на берегу страшной, водяной *массы*, почти неподвижной? Рѣка чиститъ воздухъ: большой прудъ наполняетъ его только вредною сыростію. Кусковскіе сады, гдѣ глаза мои видали нѣкогда столько людей,

представили мнѣ довольно печальныхъ мыслей! Тамъ, въ главной алеѣ, выставлялись прежде всѣ померанцевыя деревья изъ оранжерей: она казалась уголкомъ Гишпанїи. Теперь все уныло и пусто.

На другой день въ 10 часовъ я остановился въ деревнѣ Люберцахъ (*), которая принадлежала славному Князю Меншикову, а теперь Государева. Меншиковъ назвалъ ее *новымъ Преображенскимъ*, именемъ мѣста любезнаго великому его Императору и другу. Петръ III, будучи Великимъ Княземъ, желалъ имѣть въ Люберцахъ сельской домъ; но его не успѣли достроить, и заготовленные матерїалы, отвезенные въ Москву, послужили для строенїя Воспитательнаго Дому. Я, какъ Руской и дворянинъ, желалъ видѣть мѣсто, которое нравилось Петру III: Онъ подписалъ два указа, славные и безсмертные!... Я съ удовольствїемъ вошелъ и въ садъ, гдѣ гулялъ нѣкогда Меншиковъ, храбрый, искусный Генералъ и *великой человѣкъ въ нещастїи*. Никакихъ слѣдовъ его не осталось въ сей деревнѣ. Мѣстоположенїе красиво, и большой садъ, раздѣляющїй селенїе на

(*) Въ 16 верстахъ отъ Москвы.

двѣ половины, находится подъ вѣдѣнїемъ Коломенскаго Управителя.

Отъѣхавъ верстъ 25, увидѣлъ я на правой сторонѣ Москву-рѣку и нѣсколько деревень, которыя, съ господскими домами и садами, образуютъ прекрасной ландшафтъ. Къ щастью — какъ бы нарочно для моего удовольствїя — въ самую ту минуту проглянуло солнце... Естьли изключить Владимїрскую, лѣсную и скучную дорогу, то можно сказать, что наша древняя столица окружена со всѣхъ сторонъ прїятными мѣстами. — Въ селѣ Марковѣ я останавливался искать на берегу Москвы-рѣки окаменѣлостей, которыми оно славится. Мнѣ удалось найти пять или шесть камней довольно замѣчательныхъ цвѣтомъ и видомъ; одинъ съ удивительнымъ совершенствомъ представляетъ кусокъ ржанаго хлѣба.

Почти всѣ деревни, черезъ которыя ѣхалъ я отъ Кускова до Коломны, принадлежатъ Графу Шереметеву. Извѣстный въ Исторїи Бояринъ Василїй Борисовичь Шереметевъ, одинъ изъ первыхъ богачей въ Россїи, хотя имѣлъ дѣтей, но отказалъ Московскїя и Коломенскїя помѣстья свои Фельдмаршалу Борису Петровичу, тогда еще молодому человѣку. Сей Бояринъ, отъ измѣны Козаковъ, попалея

въ плѣнъ Крымскимъ Татарамъ въ 1660 году, и 20 лѣтъ страдалъ въ тяжкой неволѣ. Освобожденный миромъ, торжественно заключеннымъ Россїею съ Ханомъ, онъ жилъ и погребенъ въ селѣ Чиркинѣ — гдѣ я ночевалъ за дурною погодою, и на другой день къ обѣду прїѣхалъ въ Коломну.

Желаете ли знать, когда и кѣмъ построенъ сей городъ? никто вамъ того не скажетъ. Лѣтописи въ первый разъ упоминаютъ объ немъ въ концѣ 12 вѣка; онъ, можетъ быть, древнѣе — и гораздо древнѣе Москвы. Вообще имя Коломны встрѣчается въ Исторїи по двумъ случаямъ: или Татары жгутъ ее, или въ ней собирается Руское войско итти противъ Татаръ — что бывало всегда на большой равнинѣ, гдѣ течетъ рѣка Сѣверка: мѣсто, достойное примѣчанїя для всѣхъ любителей Исторїи! Тутъ Князь Димитрїй Донской осматривалъ легїоны свои, побѣдившїе Мамая. Здѣсь же онъ примирился торжественно съ Рязанскимъ Княземъ Олегомъ (человѣкомъ сварливымъ и безпокойнымъ), къ неудовольствїю Бояръ его, которые желали, чтобы Димитрїй наказалъ Олега. Преподобный Сергїй былъ ихъ миротворцемъ. — Что касается до имени города, то его *для забавы* можно произвести отъ славной Италїянской фа-

милїи Colonna. Извѣстно, что Папа Бонифацїй VIII гналъ всѣхъ знаменитыхъ людей сей фамилїи, и что многїе изъ нихъ искали убѣжища не только въ другихъ земляхъ, но и въ другихъ частяхъ свѣта. Нѣкоторые могли уйти въ Россїю, выпросить у нашихъ великихъ Князей землю, построить городъ и назвать его своимъ именемъ!! Писатели, которые утверждаютъ, что Рюрикъ происходитъ отъ Кесаря Августа, и что осада Трои принадлежитъ къ Славянской Исторїи, безъ сомнѣнїя не найдутъ лучшихъ доказательствъ! — Естьли мы не знаемъ, кто основалъ Коломну, то знаемъ по крайней мѣрѣ, что Князь Василїй Ивановичь окружилъ ее каменною стѣною съ башнями. Улицы и строенїе здѣсь не красивы; но за то промышленность людей достойна вниманїя и похвалы. Давно извѣстны Коломенскїя фабрики: кумашныя, полотняныя, шелковыя, которыя съ нѣкотораго времени размножились и въ другихъ мѣстахъ кругомъ Москвы. Въ самыхъ маленькихъ деревенькахъ женщины въ избахъ своихъ вьютъ шелкъ, а мужья ткутъ платки, и проч. Мудрено ли, что многїе крестьяне начинаютъ жить господами, опрятно, со вкусомъ и даже роскошно? Иностранные путешественники

могли бы удивиться ихъ избытку; но иностранцы смотрятъ въ Москвѣ большую пушку, разбитой колоколъ, и не ѣздятъ по окрестнымъ деревнямъ. Надобно только замѣтить, что богатѣйшіе изъ Подмосковныхъ крестьянъ Раскольники: они не пьянствуютъ! — — Всего извѣстнѣе въ Россіи Коломенскіе сальные заводы: ихъ болѣе тридцати! Сало, отправляемое за море, идетъ по большой части отсюда. Жители торгуютъ рогатымъ скотомъ, закупаютъ его на Дону, въ Малороссіи, солятъ мясо и продаютъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ: не удивительно, что имя мясника здѣсь почтеннѣе, нежели гдѣ нибудь! Коломна славится еще яблоками, вишнями и другими плодами; мы ѣдимъ ихъ въ Москвѣ. Не только въ городѣ, но и въ окрестныхъ деревняхъ я видѣлъ очень хорошіе сады.

Въ пяти верстахъ отъ Коломны впадаетъ Москва-рѣка въ Оку, среди глубокихъ песковъ. Тутъ построенъ монастырь, который возбудилъ мое любопытство своимъ именемъ: онъ называется *Голутвинымъ*. Разсказываютъ по старому монашескому преданію, что на семъ мѣстѣ жили нѣкогда разбойники, которыхъ называли *голыдьбою* или голыми

людьми, и что ихъ имя въ теченіе времени достпалось монастырю въ наслѣдство. Воры не боялись въ стпарину близостпи городовъ, въ самыхъ окрестностяхъ Москвы имѣли станы и были не рѣдко ужаснѣе самыхъ чужеземныхъ непріятелей. Есть ли мѣсто въ Россіи, гдѣ бы преданіе не сохранило памяти ихъ злодѣйствъ? Всѣ старинныя сказки и пѣсни доказываютъ, что они царствовали во время ига Татарскаго.

Въ Голутвиномъ монастырѣ три церкви и кельи всѣ каменныя. Сказываютъ, что онъ построенъ Сергіемъ Чудотворцемъ (слѣдственно въ 14 вѣкѣ). Тамъ хранится посохъ его. Прежде сей монастырь былъ очень богатъ.

Въ 25 верстахъ отъ Коломны находится село Дѣдлово, весьма достойное любопытства. Я давно желалъ видѣть его. Тутъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича строился фрегатъ для Голштинскаго Посла, отправленнаго Герцогомъ черезъ Россію къ Персидскому Шаху. Олеарій описалъ сіе путешествіе. Голштинцы изъ Дѣдлова поѣхали Окою и Волгою въ Астрахань. Корабль или фрегатъ Царя Алексѣя Михайловича, названный *орломъ* и сожженный Стенькою Разинымъ въ Астрахани, строенъ тамъ же,

равно какъ и ботикъ ПЕТРА Великаго, *дѣдъ Рускаго флота*, прославленный Ломоносовымъ въ стихахъ и въ прозѣ, и торжественно встрѣченный большими *внуками* его, военными кораблями въ Петербургѣ (*). И нынѣ строятъ въ Дѣдловѣ барки или струга, на которыхъ возятъ хлѣбъ изъ Орла въ Москву, и которыя ходятъ Волгою до Астрахани. Самъ ПЕТРЪ Великій сдѣлалъ для нихъ модель, которую еще показываютъ тамъ любопытнымъ, но которой уже давно не слѣдуютъ. Я смотрѣлъ съ душевнымъ удовольствіемъ на сей памятникъ Великаго Императора.

Деревня Клинъ, которая была въ старину наслѣдственнымъ помѣстьемъ фамиліи Романовыхъ, принадлежитъ къ Дѣдлову. Оно разселено вдоль низкаго берега Оки на великомъ пространствѣ, и въ весенніе мѣсяцы заливается водою недѣль на шесть, такъ что жители другъ ко другу ѣздятъ въ лодкахъ. Въ немъ около 3000 душъ и три каменныя церкви. Крестьяне совсѣмъ почти не имѣютъ земли, но богаты отъ промысловъ и строенія судовъ. ЕКАТЕРИНА Вели-

(*) Въ 1723 году.

кая пожаловала это славное въ цѣлой Россіи село Господину Измайлову.

Странствія мои, любезный другъ, не кончились; но дурное время заставляетъ меня отсрочить ихъ до весны. Тогда надѣюсь еще написать къ вамъ нѣсколько писемъ, разумѣется *историческихъ* и самыхъ простыхъ. Иногда, особливо въ ясной день, позволю себѣ быть и маляромъ, естьли не живописцемъ; иногда разскажу вамъ и какой нибудь анекдотъ, только не выдуманной. Вокругъ Москвы живутъ люди, и много добрыхъ. Хотя вы принадлежите къ сектѣ Дюкре Жанлисъ, которая не любитъ чувствительныхъ путешественниковъ, *проѣхавшихъ милю, чтобы написать томъ*; однакожь я имѣю злой умыселъ искусить ваше терпѣніе и при первомъ случаѣ разсказать вамъ самую жалкую повѣсть! На сей разъ будьте покойны: возвращаюсь къ камину своей Подмосковной.

М — въ.

X.

Героическая любовь супругъ.

Истинный анекдотъ.

Баронъ Зельницъ, Венгерскій дворянинъ, въ концѣ семилѣтней войны былъ взятъ въ полонъ Прусаками и содержанъ въ Магдебургѣ. Чтобы усладить неволю и разсѣять скуку свою, Баронъ старался плѣнять Магдебургскихъ красавицъ. Онъ оставилъ въ отечествѣ молодую, чувствительную супругу, которая обожала его; но вѣтреный супругъ молчалъ объ ней, и скоро сдѣлался такъ же щастливъ въ благосклонности женщинъ, какъ ихъ отцы, мужья и любовники были щастливы на полѣ славы.

Господа завоеватели всякаго разбору не рѣдко переступаютъ границу осторожности и благоразумія: Баронъ также забылся — подвергнулъ опасности честь одной дворянской фамиліи, и долженъ былъ правами Гименея загладить вину Амура. Онъ женился на Графинѣ Бургеймъ, и безъ всякаго угрызенія совѣсти, думая можетъ быть, что въ непріятельской землѣ все позволено!

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Зельницъ получилъ свободу и разсудилъ за благо

уѣхать тихонько изъ Магдебурга, оставивъ женѣ своей письмо, въ которомъ съ великою вѣжливостїю доказывалъ ей необходимость разлуки и давалъ мудрые совѣты, чѣмъ и какъ она можетъ утѣшать себя въ горести.

Прїѣхавъ въ Вѣну, онъ занялся свѣтскими весельями и не думалъ безпокоиться. Между тѣмъ первая жена, которая во все время плѣна его крушилась и плакала въ уединенїи, узнавъ о возвращенїи обожаемаго супруга, летѣла къ нему въ объятїя, и своею пламенною горячностїю возобновила въ его сердцѣ впечатлѣнїя прежней любви. Анастасїя (такъ называлась она) была старинной дворянской, но весьма небогатой фамилїи, и соединяла въ душѣ своей всѣ тѣ свойства, въ которыхъ заключается главная добродѣтель женщинъ: кротость, нѣжность и постоянство. Живучи въ Вѣнѣ, она не брала никакого участїя въ разсѣянїяхъ сей пышной столицы, отъ которыхъ и воспитанїе и характеръ удаляли ее; любя страстно, не требовала никакихъ жертвъ; казалась совершенно довольною, щастливою, и не мѣшала супругу веселиться въ свѣтѣ. Можетъ быть, эта кроткая снисходительность питала въ немъ любовь къ Анастасїи: дома находилъ онъ всѣ

прелести супружеской горячности, а въ обществахъ наслаждался независимостїю холостаго человѣка.

Къ нещастью другая жена его не такъ спокойно рѣшилась горевать въ бѣдѣ своей, какъ онъ думалъ: развѣдывая объ немъ и наконецъ узнавъ, что Баронъ въ Вѣнѣ, она немедленно туда отправилась — нашла доступъ къ Императрицѣ и представила ей свою жалобу вмѣстѣ съ доказательствами законнаго брака ихъ. Не оставалось никакого сомнѣнїя въ преступленїи Барона: онъ былъ взятъ подъ стражу, и Марїя Терезїя велѣла изслѣдовать дѣло съ величайшею строгостїю. Обѣ жены имѣли равно законныя права; но вторая, по гражданскому уставу, должна была уступить ихъ первой. Вдругъ, къ общему удивленїю, Анастасїя объявила въ судѣ, что она никогда не бывала супругою Барона, живъ съ нимъ какъ съ любовникомъ, и что онъ единственно по великодушїю своему дозволялъ ей носить его имя. Надлежало принять сїе объявленїе, торжественное и свободное. Дѣло кончилось. Судьи рѣшили, что Баронова рука принадлежитъ Графинѣ Бургеймъ; а бѣдную Анастасїю, въ наказанїе за ея мнимое распутство, заключили на десять лѣтъ въ смирительный домъ.

Въ семъ домѣ она нашла награду добродѣтели своей. Надзиратель его жилъ единственно для щастія ближнихъ, или для утѣшенія нещастныхъ. Долговременная опытность открыла ему средство узнавать ихъ. Онъ никогда не обманывался въ характерѣ ввѣряемыхъ ему людей, и не рѣдко своимъ кроткимъ великодушіемъ заглаживалъ ошибки Начальства, умѣряя излишно строгія наказанія. Сей рѣдкой человѣкъ окружилъ себя тѣми, которые были только жертвою извинительныхъ слабостей или несправедливости; отличалъ ихъ, ласкалъ и казался имъ Ангеломъ утѣшителемъ. Стараясь заслуживать его благоволеніе, они надѣялись, что снова заслуживаютъ тѣмъ и доброе мнѣніе публики.

Легко угадать то впечатлѣніе, которое произвела въ немъ добродѣтельная Анастасія. Видя благородство ея, спокойствіе во всѣхъ чертахъ, неизъяснимое кроткое веселіе души, онъ увѣрился, что она есть невинная жертва; уважалъ тайну ея, но обходился съ нею какъ съ дочерью; всякой день приглашалъ ее обѣдать съ собою и тихонько возилъ въ спектакли или на праздники народные, желая доставлять заключенной нѣкоторыя пріятныя разсѣянія. — Она уже два года

провела въ сей легкой для сердца ея неволѣ, когда за стѣнами темницы сдѣлалась великая перемѣна.

Впорая Баронова жена умерла, и мысль о нещастной, страдавшей за великодушіе свое въ домѣ стыда и безчестія, пробудила совѣсть его и не давала ему покоя. Онъ искалъ случая упасть къ ногамъ Императрицы, въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда сильныя чувства набожности располагали ее къ снисходительной милости — и нашелъ его. Баронъ съ восторгомъ благодарности изобразилъ добродѣтель Анастасіи и героическую жертву ея, представивъ несомнительное доказательство законнаго брака своего съ нею. Марія Терезія слушала его съ изумленіемъ, и въ ту же минуту послала за надзирателемъ смирительнаго дома.

Нѣтъ ли у васъ (спросила она) между заключенными одной молодой женщины, именемъ Анастасіи Муррень?... Надзиратель, возивъ Баронессу наканунѣ того дня смотрѣть феерверку, вздумалъ, что Императрица узнала о семъ. Онъ замѣшался, и съ робостію отвѣчалъ ей: „Есть, Ваше Величество; но ежели бы вы знали ее! какая рѣдкая, милая женщина! Признаюсь въ винѣ своей: законъ не велитъ выпускать заключенныхъ изъ

темницы. Только она не виновата, и всякой разъ съ великимъ трудомъ соглашается выѣзжать со мною... Осмѣлюсь доложить Вашему Величеству, что такая женщина не могла быть преступницею; осмѣлюсь отвѣчать за нее головою своей. Бѣдная конечно не думаетъ уйти отъ меня. Я хотѣлъ доставить ей нѣкоторое разсѣянїе"....

Императрица улыбнулась; простила добродушному надзирателю преступленїе его должности; объявила ему свободу Анастасїи и разсказала великодушное дѣло ея.

Надзиратель перемѣнился въ лицѣ отъ чрезвычайной радости и дрожащимъ голосомъ сказалъ: „Ваше Величество! такая щастливая, неожидаемая перемѣна можетъ уморить бѣдную. Дозвольте мнѣ приготовить ее... Дерзну еще напомнить Вашему Величеству, что она за спасенїе мужа своего осуждена была провести десять лѣтъ въ смирительномъ домѣ. Естьли бы вы вздумали наградить ее за то милостивымъ словомъ, ласковою запискою собственной руки вашей?"...

Императрица взяла перо и написала письмо къ Анастасїи, слѣдуя движенїю своего чувствительнаго сердца; прочитала его вслухъ, и надзиратель съ жи-

вѣйшимъ чувствомъ благодарности упалъ на колѣни передъ нею.

Возвратившись въ смирительный домъ, онъ удивилъ всѣхъ необыкновенными знаками свой радости; велѣлъ готовить большой ужинъ и звать множество гостей; безпрестанно твердилъ Баронессѣ, чтобы она какъ можно лучше нарядилась; цѣловалъ ея руку; громко смѣялся; черезъ минуту задумывался и смотрѣлъ на нее со слезами; десять разъ прибѣгалъ къ дверямъ ея комнаты, между тѣмъ, какъ она одѣвалась; кричалъ: *скорѣе! скорѣе!* и такимъ образомъ готовилъ ее къ неожидаемому щастію.

Гости собралися; кушанье поставили; любезная Анастасія сѣла за столъ съ темнымъ предчувствіемъ чего нибудь необыкновеннаго, и развернувъ салфетку, увидѣла записку Императрицы. — Между тѣмъ, какъ Баронесса читала ее, надзиратель теръ себѣ руки; давалъ знакъ гостямъ, чтобы они молчали, и бросился къ ней на помощь, видя, что она блѣднѣетъ.

Черезъ минуту дверь растворилась, и вошелъ Баронъ. Надзиратель схватилъ его за руку и подвелъ къ Анастасіи, которая упала безъ чувствъ въ объятія супруга. . . .

Марія Терезія хотѣла видѣть сію великодушную женщину, и тронутая ея красотою, любезностію, скромностію, опредѣлила ей 2000 талеровъ пенсіи. Анастасія не хотѣла ничего, кромѣ признательной любви виновнаго, но обожаемаго супруга, и выпросила у Императрицы, чтобы сія пенсія отдана была добродушному надзирателю.

(Изъ Французъ. Журнала.)

ПОЛИТИКА.

I.

Описаніе царства Англичанъ на берегахъ Гангеса.

(Переводъ съ Англ.)

Сія великая часть Азіи вообще называется Индостаномъ и есть безъ сомнѣнія благословеннѣйшая страна въ мірѣ; граничитъ къ Сѣверу съ Королевствомъ Тибетскимъ, отдѣляясь отъ него цѣпію горъ; къ Югу съ Индѣйскимъ Океаномъ; къ Востоку съ рѣкою Борампутеромъ и заливомъ Бенгальскимъ; къ Западу съ рѣкою Индомъ, Персіею и Арабскимъ заливомъ. Число людей въ Индостанѣ не велико по обширности земли; Англійскія Колоніи многолюдны, но въ другихъ мѣстахъ очень мало жителей. — Доходы Индостана, съ царствованія Аврентцеба, умершаго въ 1707 году, безпрестанно уменшались. Но мудрое правленіе двухъ послѣднихъ Англійскихъ Губернаторовъ умножило ихъ въ Бенгальской и Багарской Провинціи. Восточныя Колоніи Британніи находятся нынѣ въ цвѣтущемъ

состоянїи. — Положенїе Индостана весьма благопрїятно какъ для внутренней, такъ и для морской торговли. Онъ имѣетъ почти всѣ выгоды острова, и собственныя произведенїя его удобно доставляются черезъ Индъ, Гангесъ и Борампутеръ, въ гавани Арабскаго и Бенгальскаго залива. Внутренняя торговля съ Бутаномъ, Тибетомъ, Сїамомъ, Персїею и Тартарїею производится караванами. Индостанъ не имѣетъ своего золота и серебра, но Европа всякой годъ надѣляетъ его великимъ количествомъ сихъ металловъ, вымѣнивая на нихъ разные драгоцѣнные для насъ товары.

Берега Индостанскїе составляютъ въ длину 3600 верстъ, изъ которыхъ 2100 принадлежатъ Англичанамъ, равно какъ и всѣ большїя рѣки — Гангесъ, Борампутеръ, Кистна, Тапле и Колеронъ — текутъ въ ихъ владѣнїи. Сїя выгода, вмѣстѣ съ тою, что они обладаютъ главными путями сообщенїя внутри Индостана, даетъ Англїйской торговлѣ великїй перевѣсъ въ сей части мїра, и жаль, что всѣ Англїйскїе капиталы туда не обращаются, и что мы болѣе двухъ третей Индѣйской торговли уступаемъ другимъ. Ост-Индская Компанїя могла бы умножить свой капиталъ или дозво-

лишь прочимъ Англійскимъ купцамъ войти въ сію торговлю, на нѣкоторыхъ условіяхъ, согласныхъ съ ея правами — что обратилось бы въ великую пользу для отечества.

Индѣйскихъ товаровъ вывозится ежегодно на 70 милліоновъ рублей или болѣе. Индія торгуетъ непосредственно съ Персіею, Аравіею, Китаемъ, островами Суматрою, Явою, Молукскими, Филиппинскими; съ берегами Африки, Авы, Пегу и Сіама. Ея произведенія состоятъ въ пшенѣ, хлопчатой бумагѣ, селитрѣ, индиго, сахарѣ, табакѣ, перцѣ, сандальномъ деревѣ, корицѣ, кардамонѣ, пенькѣ, корабельномъ лѣсѣ, діаманшахъ, жемчугѣ, рубинахъ, шелкѣ, лекарствахъ, пряностяхъ, пшеницѣ, ячменѣ, и проч. Въ Индіи родятся лошади, небольшія, но сильныя и горячія (которыя однакожь не столь уважаются, какъ Арабскія и Персидскія); овцы, вельблюды, слоны, тигры, волки, медвѣди, козы, олени, кабаны, зайцы, куры, утки и всякаго роду дичь.

Главныя фабрики въ Индостанѣ бумажныя и шелковыя. На первыхъ ткутъ самую лучшую кисею въ свѣтѣ и всякія бумажныя матеріи. Тамъ приготовляютъ также селитру, ромъ, сахаръ, индиго.

Индѣйцы прекрасно вышиваютъ кисею золотомъ и шелками, весьма способны къ механическимъ искусствамъ и хорошо строятъ корабли.

Не мудрено, что въ щастливомъ, жаркомъ и здоровомъ климатѣ, гдѣ мало нужды въ платьѣ, гдѣ нравы жителей просты и гдѣ умѣренность составляетъ ихъ характеръ, какъ первыя необходимости жизни, такъ и самыя принадлежности роскоши весьма дешевы. Поденщикъ беретъ въ день менѣе тридцати, а ремесленникъ 50 копѣекъ.

Слѣдуетъ статистическая картина Индостана.

Окружность Индостана составляетъ въ квадр. миляхъ - -	1,024,800
Число жителей -	77,786,818
Доходы рублями -	300,000,000
Вывозимые товары стоятъ рублями - -	70,000,000
Ввозимые - -	30,000,000
Окружность земли Маратовъ квад. милями -	457,144
Англійскихъ владѣній -	217,181
Союзныхъ съ Англіею земель	235,467
Число Англійскихъ подданныхъ - -	41,062,890
Доходы ихъ рублями -	150,000,000

Доходы (рублями) Могольской Имперіи въ царствованіе Аврентцеба -	320,000,000
Окружность квадр. милями	827,415
Окружность Дельфи или нынѣшней Могольской Имперіи - -	16,000
Число людей въ Марапскихъ областяхъ - -	28,342,928
Доходы ихъ рублями -	160,000,000
Число людей въ независимыхъ областяхъ Гои, Кашимира и проч. -	1,888,000
Доходы Компаніи рублями -	100,000,000
Издержки - -	90,000,000
Она ввозитъ ежегодно товаровъ рублями на - -	20,000,000
Долгъ Компаніи рублями -	140,000,000
Проценты, ею платимые -	10,000,000
Доходы рублями съ земель Типпо Саиба, завоеванныхъ Англичанами въ 1799 году	5,000,000
Англійской Европейской кавалеріи находится въ Индіи -	2,400
Индѣйской на жалованьи Компаніи - - -	5,400
Европейской пѣхоты - -	24,000
Индѣйской на жалованьи Компаніи - - -	84,000
Артиллеристовъ - -	3,000

Число Европейцевъ въ Индїи, которые живутъ подъ защитою Компанїи, но не служатъ ей -	1,707
Гражданскихъ чиновниковъ Компанїи - -	2,814
Офицеровъ и лекарей -	2,869
Морскихъ Офицеровъ въ Бомбаѣ -	113
Число всѣхъ Англичанъ -	35,003

Наши Индѣйскїя Колонїи не на такомъ основанїи принадлежатъ Англїи, какъ другїя; онѣ зависятъ отъ Директоровъ Компанїи, которые въ Индѣйскихъ дѣлахъ имѣютъ сношенїе съ избранною Правительствомъ Коммиссїею. Сїи Директоры управляютъ черезъ своихъ Губернаторовъ обширною страною за 24,000 верстъ отъ Лондона, которая втрое обширнѣе и многолюднѣе Англїи, и приноситъ чистаго доходу болѣе того, что получаетъ Англїйское Правительство съ вычетомъ процентовъ государственнаго долгу: ибо ему, за уплатою ихъ, не остается и семидесяти миллїоновъ рублей, а Компанїя, заплативъ проценты своего долгу, имѣетъ еще 90 миллїоновъ рублей доходу.

Индїя дорого стоитъ Англїи, возбуждала всегда зависть въ другихъ народахъ; и часто вовлекаетъ насъ въ кровопролитную войну. Справедливость, кажется,

требуетъ, чтобы она платила часть процентовъ Англійскаго долгу. Девяносто милліоновъ рублей составляютъ великой доходъ въ такой землѣ, гдѣ работа и вещи дешевы. Индѣйскіе Владѣтели имѣютъ великолѣпные Дворы, но богатѣютъ; Компанія не имѣетъ Двора, но входитъ въ долги. Отъ чего происходитъ такой безпорядокъ? Безъ сомнѣнія отъ хищности и неразумія чиновниковъ. Компанія изключительно пользуется Индѣйскимъ торгомъ, а между тѣмъ главныя выгоды его перешли въ чужія руки! Мнѣнія о семъ важномъ предметѣ различны. Одни думаютъ, что естьли ограничимъ права сего Общества, то оно разорится; а другіе говорятъ, что естьли объявимъ Индѣйскую торговлю свободною, съ нѣкоторыми условіями, то сама Компанія, наши Колоніи и вообще Англія будутъ имѣть гораздо болѣе выгодъ. Однакожъ не льзя ограничить правъ Общества, пока не вышелъ срокъ ихъ, естьли сами Члены не захотятъ того. Желательно, чтобы Директоры и Коммиссія Индѣйская въ теченіе сего времени основательно изслѣдовали общую пользу Англіи. Естьли Компанія не можетъ овладѣть всѣми отраслями Индѣйской торговли,

то лучше уступить ихъ своимъ, а не чужимъ купцамъ.

II.

Обозрѣніе прошедшаго года.

(Изъ Нѣмецкаго Журнала.)

Вторый годъ новаго вѣка былъ новою эпохою для всей Европы и первымъ успокоеніемъ послѣ тринадцатилѣтняго, ужаснаго волненія. Отъ Лиссабона до Константинополя, отъ Петербурга до Неаполя, видѣли мы великіе государственные феномены, важныя историческія достопамятности. 1802й Годъ былъ Зенитомъ могущества *западной Державы.* Всѣ государства въ мірѣ возвышались и падали — отъ внутреннихъ раздоровъ или отъ меча варваровъ. Франція сравнялась могуществомъ съ древними восточными царствами и съ Римомъ, который давалъ законы Свѣту. Такое величіе никогда не бывало долговѣчно. *Всевышній Строитель не позволяетъ людямъ воздвигнуть столпа Вавилонскаго.*

Минувшій годъ еще въ колыбели своей вручилъ любимцу Фортуны власть надъ

4 милліонами людей и надъ раемъ Европы: въ Январѣ сдѣлался Бонапарте Президентомъ Италїянской Республики. Новый родъ Монархїи, ограниченной только пустыми формами, замѣнилъ древнюю систему Феодальнаго Правленїя и далъ Властелину еще болѣе самовластїя; модная *представительная система*, слѣдствїе долговременнаго просвѣщенїя, утвердила тронъ на *равенствѣ покорности*.

Еще Амьенскїй трактатъ не былъ подписанъ, когда Францїя присвоила себѣ власть надъ Италїею, Англїйскїе Министры закрыли глаза, и подписали его безъ всякой перемѣны. Министры другихъ Державъ поздравили Консула съ новымъ титуломъ. Англїя все возвратила Республикѣ, и старинная Политика ея, быть въ дружбѣ съ Голландїею и не давать Брабанта Францїи (Политика, которой она слѣдовала во все теченїе осьмаго-надесять вѣка), *скончалась* въ Амьенѣ, уступивъ мѣсто *кулеческой системѣ*. Министры Великобританнїи сказали намъ: „дѣлайте, „что хотите на твердой землѣ; мы „властвуемъ на морѣ и богаты товарами!“

Такимъ образомъ щастливый Бонапарте высоко поднялъ свою голову... не хотѣлъ надѣть короны, но славнымъ дїа-

мантомъ Бурбоновъ (*) украсилъ изъ *благодарности* мечь свой и объявилъ себя *Первымъ Консуломъ на всю жизнь*... Слово *Первый* изображаетъ степень; имя *Консулъ* есть *гіероглифъ*. Августъ былъ также Консуломъ, а Цесаря умертвили за имя Диктатора. Но Августъ соединилъ только въ лицѣ своемъ разные чины республиканскіе: Бонапарте напротивъ того уничтожилъ всѣ бывшія *формы* и присвоилъ себѣ такую неограниченную власть, какой никто изъ Европейцевъ не имѣетъ.—Онъ торжественно соединилъ съ Франціею Княжество Піемонтское и два милліона людей назвалъ Французами, не сказавъ о томъ ни слова Государямъ Европы; а черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ того взялъ еще Парму, Піаченцу, Гвасталлу, съ 250,000 жителей и четырмя милліонами ливровъ доходу. Генуя и Лукка уже зависѣли отъ Франціи. Больной и слабой Король Этрурійскій, едва имѣя 2000 солдатъ, и Король Неаполитанскій могутъ ли противиться всемогущему Консулу въ Италіи, нѣкогда свободной?

Великій Лудовикъ, объявивъ требованія только на нѣкоторые *округи*, возбудилъ противъ себя Европу: въ наши

(*) Который назывался Регентомъ.

мудрыя времена такая *общественная система государствъ* кажется предразсудкомъ, и Бонапарте мирно овладѣлъ третьею частїю Европы. Несогласїе древнихъ Государей дозволило Риму завоевать цѣлый мїръ. Историкъ ждетъ, что сказать ему о судьбѣ Францїи. Жаль, естьли онъ напишетъ второй томъ Римской Исторїи! *Родъ человѣческїй началъ служить одному Властелину*, сказалъ Римскїй лѣтописецъ Эпитоматоръ. Не уже ли слѣдствїемъ просвѣщенїя будетъ такая участь Европы и свѣта? — Въ 1802 году почти исполнилась мечта Лудовика XIV о всемїрной Монархїи; другая философская мечта о *вѣчномъ мирѣ* также можетъ исполниться: естьли, на примѣръ, Европейскїя Державы не будутъ ни въ чемъ мѣшать Францїи, то, къ утѣшенїю добрыхъ людей, ужасы войны останутся только въ лѣтописяхъ! Не даромъ Бонапарте говорилъ Фоксу объ *одной западной нацїи*: когда глава ея будетъ въ Парижѣ, тогда всякая война справедливо назовется *междоусобною*, и кто захочетъ ее, тотъ покажется бунтовщикомъ и мятежникомъ.

Консулъ, заключивъ политическїй миръ, утвердилъ Конкордатомъ и *миръ совѣсти*, сдѣлавъ себя главою Гїерархїи. Политика его нашла средину между Про-

тестантскимъ *отдѣленіемъ* и Католическою *покорностію*. Онъ и въ этомъ случаѣ захотѣлъ слѣдовать любимой его *методѣ смѣшенія*, которая однакожь, по мнѣнію нѣкоторыхъ глубокомысленныхъ Историковъ, можетъ быть опасною. Правда, что Бонапарте уже въ нѣкоторыхъ частяхъ уступилъ Папѣ, и Католическая Вѣра въ 1802 году имѣла неожидаемое и блестящее торжество; а какъ она основана на Монархическомъ Правленіи и подчиняетъ духовное свѣтскому, то Бонапарте снова утвердилъ престолъ на олтарѣ.

Франція не только владѣетъ пятидесятью милліонами людей, лучшими землями въ Европѣ съ ихъ сокровищами и мануфактурами, но и прочія земли находятся отчасти подъ ея властію. Такъ Амьенскій миръ служитъ яснымъ доказательствомъ зависимости Гишпаніи. Консулъ, не спросившись съ нею, отдалъ Англичанамъ важный островъ ея Троицу. Она принужденно уступила ему прекрасную землю Луизіану, которая открываетъ Французамъ путь въ Мексику. Родственный союзъ Гишпанскаго Двора съ Королями Этрурійскимъ и Неаполитанскимъ есть для него весьма слабый щитъ. Между тѣмъ внутри государства Инквизиція получила новую силу. Но въ тече-

нїе 1802 года обогатилась Королевская казна Американскими драгоцѣнными металлами. — Португаллїя также зависитъ существенно отъ Французовъ; должна была отдать имъ обширную землю въ Америкѣ, приближить ихъ черезъ то къ Бразилїи, которая надѣляетъ ее золотомъ и дїамантами, и заплатить еще Консулу 30 милїоновъ ливровъ. Презрѣнїе его къ Лиссабонскому Двору доказывается исторїею Генерала Лана, который, несносно оскорбивъ тамошнихъ Министровъ, возвращается въ Лиссабонъ съ торжествомъ и честїю! Голландїя въ глазахъ Политика есть ничто иное, какъ Французская провинцїя; ее можно назвать фрегатомъ, плывущимъ за линейнымъ кораблемъ Францїи. Миръ лишилъ сїю Республику важнаго острова, и сверхъ того обратилъ Мысъ Доброй Надежды въ вольную гавань. Принужденные займы и тягостные налоги изсушили источникъ промышленности, и торговля упала. Однакожь Голландїя въ 1802 году получила отъ Короля Прусскаго нѣкоторые округи и все отнятое у нее Англичанами, кромѣ Цейлана. Долговременный миръ можетъ еще оживить ея торговлю. Сей годъ достопамятенъ для Голландїи и тѣмъ, что въ теченїе его Герцогъ Оранскїй торже-

ственно отказался отъ всѣхъ правъ своихъ. — Простирая лѣвую руку на Голландію, а правую на Италію, Франція хотѣла еще имѣть ограду спереди, и бѣдная Швейцарія, нѣкогда свободная, должна была уступить Консульскому самовластію!.. Какъ для Гельвеціи, такъ и для Нѣмецкой Имперіи 1802 годъ былъ роковымъ и навѣки останется памятнымъ. Германія имѣла единственно ту славу, что Римъ не могъ покорить ее: нынѣ чуждыя Державы могли и должны были преобразовать наше отечество, поставить новыхъ Курфирстовъ, учредить новыя Княжества — однимъ словомъ, дать новую конституцію Имперіи. Кабинетъ Берлинскій неутомимо дѣйствовалъ въ сіе рѣшительное время, и Германія обязана вѣчною благодарностію Министру Гаугвицу, который сдѣлалъ для пользы Имперіи все то, что могъ. Земли, которыя достались въ ней Королю Прусскому, имѣютъ всѣ причины благословлять милость своего новаго Монарха. Ему также обязанъ Домъ Оранскій полученными имъ вознагражденіями. — Политическое *созвѣздіе* 1802 года привело Австрію въ такія обстоятельства, какихъ не запомнитъ девятивѣковое Императорство Дома ея. Внимательный наблюдатель происшествій долженъ

отдать справедливость мудрости Вѣнскаго Двора: онъ не могъ испровергнуть Колосса, но употребилъ всѣ возможныя средства для блага Державы своей, и занимаясь внѣшними дѣлами, умножилъ внутреннія силы ея. Венгерскій Сеймъ прибавилъ два милліона гульденовъ къ доходамъ Императора и нѣсколько тысячь войска къ его арміямъ въ случаѣ войны. Новыя учрежденія возвысили въ Австріи силу и вліяніе Духовенства. — Бонапарте во всѣхъ переговорахъ съ Вѣнскимъ Дворомъ чувствовалъ его могущество, и называетъ Австрію первою Европейскою Державою по Россіи. — Упомянувъ о семъ великомъ Государствѣ, должны мы замѣтить его удивительную, славную дѣятельность въ нынѣшней Европейской Политикѣ; но сей внѣшній блескъ еще затмѣвается важными внутренними учрежденіями АЛЕКСАНДРА, Который всякимъ уставомъ Своимъ доказываетъ любовь ко благу человѣчества, и Который, въ награду за такое великодушіе, любимъ не только признательными подданными, но и всѣми благородными сердцами въ чужихъ земляхъ. Минувшій годъ для Россіи достопамятнѣе полувѣка. Всѣмъ извѣстны мудрые законы, изданные въ его теченіе АЛЕКСАНДРОМЪ. — Велико-

британнїя въ 1802 году увидѣла Ирландцевъ въ своемъ Парламентѣ, и важный планъ Вильгельма Питта совершенно исполнился; въ семъ же году она вмѣстѣ со всею Европою положила наконецъ оружїе. Какъ ни осуждаютъ заключенный ею трактатъ, но война не могла быть для нее столь выгодна, какъ миръ, и новые успѣхи на морѣ не замѣнили бы великихъ государственныхъ издержекъ. Французское Правительство знало сїи обстоятельства и воспользовалось ими. Между тѣмъ два важныя условїя мира не исполнены Англїею: войско ея занимаетъ еще Александрїю и Мальту. — Швецїя пристала къ мирному морскому трактату Сѣверныхъ Державъ съ Великобританнїею; а Данїя въ тишинѣ наслаждалась плодами своего мудраго Правленїя.

Велики перемѣны минувшаго году; но онъ еще многое оставилъ довершить или — разрушить нынѣшнему.

III.

Донесеніе Консулу Бонапарте Полковника Себастіани, бывшаго въ Египтѣ и Сиріи.

24 Вандемьера я вышелъ на берегъ въ Александріи, и въ тотъ же день былъ у Англійскаго Генерала Стуарта, чтобы, сообразно съ повелѣніемъ, даннымъ мнѣ Министромъ иностранныхъ дѣлъ, требовать немедленнаго выступленія изъ Египта Англійскихъ войскъ, въ силу Амьенскаго трактата. Сперва Генералъ Стуартъ отвѣчалъ, что они скоро выступятъ; но видя, что я не довольствуюсь такимъ сомнительнымъ отвѣтомъ, сказалъ наконецъ, что онъ не имѣетъ повелѣнія оставить Александрію, и готовится провести тамъ всю зиму. Генералъ Стуартъ есть человѣкъ не дальняго ума. Адъютантъ его, Французскій Эмигрантъ, Шевалье Садъ, уменъ, ненавидитъ Францію и правитъ своимъ Генераломъ. . . .

3 Брюмера въ Менуфѣ видѣлъ я Шейка Абдина, котораго Первый Консулъ пожаловалъ въ Кади. У него собрались и другіе Шейки. Я сказалъ имъ: „Первый „Консулъ любитъ вашу землю, часто

„говоритъ объ ней и желаетъ вамъ доб-„ра; онъ будетъ вашимъ заступникомъ „у Порты, и вы увидите щастливое „дѣйствїе того, что Бонапарте помнитъ „бѣдныхъ Египетскихъ Шеиковъ.“ — Изъ Булака я отправилъ гражданина Жобера, увѣдомить Каирскаго Пашу о моемъ прїѣздѣ. На другой день Паша выслалъ ко мнѣ на встрѣчу 300 человѣкъ конницы и 200 пѣхоты. Я въѣхалъ въ городъ при стрѣльбѣ пушечной, и сказалъ Пашѣ: „Миръ заключенъ между Французскою „Республикою и блистательною Портою; „старинныя дружескїя и торговыя связи „должны возобновиться, и Великїй Кон-„сулъ Бонапарте велѣлъ мнѣ увѣрить „тебя въ его благоволенїи и объявить, „что скоро прїѣдутъ въ Египетъ Фран-„цузскїе Агенты торговли.“ — Паша отвѣчалъ: „Благоволенїе Перваго Консула „дѣлаетъ мнѣ великую честь, и Агенты „его будутъ здѣсь приняты дружелюб-„но.“ — Я долго говорилъ съ Пашею и сказалъ ему: „Консулъ занимается судь-„бою Египта, и желаетъ примирить „васъ съ Беями. Они уже пять разъ бы-„ли побѣдителями, и Султанъ можетъ „лишиться Египта.“ — Паша изъявилъ искреннюю свою благодарность, но далъ мнѣ въ руки Султанское повелѣнїе не

входить ни въ какіе переговоры и непремѣнно истребить Беевъ. — — Въ тотъ же день я видѣлся съ разными Шеиками въ домѣ Абдала Шеика. Мы говорили о любви Перваго Консула къ Египту, о славѣ его, могуществѣ и благоволеніи къ ученымъ и мудрымъ Шеикамъ Каирскимъ. Они увѣряли меня въ своей преданности къ Консулу, и воскликнули отъ радости, увидѣвъ портретъ его. Въ Каирѣ и во всѣхъ городахъ я дарилъ Шеикамъ портреты Бонапарте. Жители Каирскіе вообще изъявляли усердіе къ Французамъ, и когда мы ходили по улицамъ, всякой вставалъ и кланялся. *Астрологи ихъ ежедневно пророчествуютъ о Великомъ Консулѣ.*

Когда я осматривалъ городскія укрѣпленія, одинъ изъ Каирскихъ начальниковъ, Мустафа, подъѣхалъ ко мнѣ верьхомъ, бранилъ моихъ вожатыхъ за то, что они ходятъ съ Христіяниномъ, и еще съ Французомъ, и грозился наказать ихъ по моемъ отъѣздѣ. Я требовалъ за то удовольствія; хотя Паша любитъ Мустафу, однакожь испугался угрозъ моихъ и на другой день прислалъ его ко мнѣ съ Г. Розетти. Сей Турокъ съ великимъ униженіемъ винился передо мною и совершенно отдался въ мою

власть. Мой отвѣтъ былъ слѣдующій: „Я хотѣлъ отрубить тебѣ голову; однакожь дарю тебя жизнію въ угожденіе „Пашѣ и Господину Розетти. Но естьли „впредь оскорбишь Француза, то гибель „твоя неизбѣжна.“ — Въ тотъ же день старались возбудить противъ меня Албанцевъ. Друзья Англичанъ писали изъ Розетты, что флотъ Французскій, состоящій изъ 300 кораблей, приближается къ Египту. Я сказалъ Пашѣ, что такіе нелѣпые слухи разсѣваются непріятелями Франціи и Порты. Паша не былъ обманутъ ими и показалъ мнѣ письмо Генерала Стуарта, который сообщилъ ему приказъ, данный Первымъ Консуломъ во время его бытности въ Египтѣ. Сей приказъ напоминалъ Египтянамъ, что Константинополь былъ нѣкогда ихъ данникомъ, и что настало время возвратить Каиру его первенство и разрушить на Востокѣ Имперію Османлисовъ. Генералъ Стуартъ совѣтовалъ Пашѣ подумать о смыслѣ такихъ выраженій и не вѣрить дружескимъ увѣреніямъ Французовъ. Мнѣ прискорбно было видѣть, что воинъ народа просвѣщеннаго коварными внушеніями возбуждаетъ людей къ злодѣянію и къ убійству. Но онъ не успѣлъ въ своемъ намѣреніи: Паша до самаго отъѣзда мо-

его обходился со мною дружески, и Комиссаръ Англійскій былъ въ Каирѣ свидѣтелемъ привязанности жителей къ Французамъ. Два человѣка имѣютъ большое вліяніе на дѣла Паши: Розетти и Маруки; они равно ненавидятъ другъ друга и Францію. Розетти служитъ Туркамъ, но имѣетъ тайную связь и съ Беями. Онъ торгуетъ шафраномъ и хлѣбомъ, и нажилъ милліоны. Мугамедъ, Каирскій Паша, есть Грузинскій невольникъ, воспитанный въ домѣ Капитан-Паши; онъ привязанъ къ нему и похожъ на него характеромъ. — Шеикъ Эль-Садатъ, не смотря на все претерпѣнное имъ послѣ отъѣзда Бонапарте, сказалъ гражданину Жоберу: „Пребываніе сего „великаго человѣка въ Египтѣ было озна„меновано одними благодѣяніями. Отече„ство мое должно воспоминать объ немъ „съ признательностію. Онъ былъ добръ и „правосуденъ.“ Я видѣлъ многихъ Арабскихъ Шеиковъ: всѣ они жалуются на Турковъ и желаютъ успѣха Беямъ, которые имѣютъ 3000 Мамелюковъ и 6000 Арабовъ въ войскѣ своемъ. Турецкая арміа состоитъ изъ 16000 человѣкъ, бродягъ и весьма дурно вооруженныхъ. 6000 *Французовъ могли бы нынѣ завоевать Египетъ*, гдѣ народъ, чиновники, купцы и духовные без-

престанно говорятъ о Первомъ Консулѣ, и желаютъ ему щастія. Всѣ извѣстія объ немъ съ удивительною скоростію доходятъ изъ Александріи или Дамьета до Пирамидъ и *большихъ водопадовъ.*

23 Брюмера я пріѣхалъ въ Сирію и послалъ къ Джедзару Пашѣ гражданина Жобера, увѣдомить его, что Бонапарте, согласно съ условіями заключеннаго мира съ Портою, желаетъ прислать въ Сирію Агентовъ торговли; что мнѣ должно съ нимъ переговорить о томъ, и что я прошу его отвѣчать письменно, естьли онъ хочетъ дружелюбно видѣться со мною. Джедзаръ принялъ его холодно и сказалъ, что онъ согласенъ видѣть меня, но не хочетъ писать ко мнѣ. Такой отвѣтъ казался дурнымъ знакомъ; однакожъ я рѣшился въ ту же минуту ѣхать въ Акръ, и остановился въ домѣ Коммиссара Республики Семи Островов. Черезъ нѣсколько минутъ явился переводчикъ Паши и повелъ меня къ нему. Джедзаръ сидѣлъ на коврѣ въ пустой горницѣ, одинъ; подлѣ него лежали пистолеты, духовое ружье, сабля и топоръ. Спросивъ о моемъ здоровьѣ, онъ желалъ знать, вѣрю ли тому, что всякой человѣкъ долженъ умереть въ назначенную для него минуту? Отвѣтъ мой былъ, что я,

подобно ему, вѣрю Фатализму или предопредѣленію. Джедзаръ долго философствовалъ, желая доказать свое остроумїе и даже правосудїе. Онъ безпрестанно твердилъ: „Джедзара называютъ варваромъ, но онъ только строгъ и правосуденъ. Отпиши къ Бонапарте, чтобы „онъ не присылалъ ко мнѣ ни кривыхъ, „ни хромыхъ Агентовъ; скажутъ, что „я выкололъ одному глазъ, а другому „отсѣкъ ногу. Коммиссаръ Французской „будетъ жить въ Сеидѣ, а въ Акрѣ „я самъ буду вашимъ Коммиссаромъ. „Французы достойные люди. Бонапарте малъ ростомъ, но болѣе всѣхъ душею. Знаю, что объ немъ жалѣютъ „въ Каирѣ и хотятъ его возвращенїя.“ — Я сказалъ ему нѣсколько словъ о мирѣ съ Портою. „Знаешь ли, отвѣчалъ онъ, „для чего мнѣ прїятно видѣть тебя? „для того, что ты прїѣхалъ сюда безъ „Фирмана. Я презираю всѣ указы Дивана „и криваго Визиря его. Говорятъ: *Джедзаръ Боснякъ, низкаго роду и тиранъ*; „однакожь ему нѣтъ ни въ комъ нужды, „а всѣ ищутъ его милости. Я родился „въ бѣдности, получилъ отъ отца въ „наслѣдство одно мужество его и возвысился своими трудами, но не горжусь „величїемъ; ибо все исчезаетъ, и завтра

„можетъ быть не станетъ Джедзара, „не отъ того, чтобы я былъ старъ, „какъ говорятъ мои непріятели“ . . . (Тутъ онъ схватилъ оружіе и съ великимъ проворствомъ началъ махать имъ вокругъ головы)... „но воля Божія неис„повѣдима. Сильный Король Французскій погибъ. Навуходоносоръ, величай„шій изъ Царей, обратился въ быка“ — и проч. Онъ изъявлялъ желаніе примириться съ Бонапарте, и слѣдующею аллегоріею хотѣлъ изъяснить мнѣ, что заставило его вооружиться противъ Консула: „Бѣдной невольникъ страдалъ въ „долговременномъ путешествіи и нако„нецъ пришелъ въ садъ, богатый всяка„го роду плодами. Онъ утолилъ голодъ „свой, и вздумалъ тутъ поселиться. „Являются два странника. Одинъ гово„ритъ: *саламалекъ* (здравствуй). *Чортъ „съ тобою!* отвѣчаетъ невольникъ. Дру„гой странникъ спрашиваетъ, для чего „онъ такъ грубо отвѣчаетъ на при„вѣтствіе? Для того, сказалъ неволь„никъ, что естьли бы я обошелся съ „нимъ ласково, то онъ расположился бы „въ этомъ саду и вздумалъ бы наконецъ „выгнать меня отсюда.“ Я просилъ Джедзара обходиться дружелюбно съ Христіянами. Онъ увѣрялъ, что не оскор-

битъ ихъ; и что слово его надежнѣе всѣхъ трактатовъ. Во время нашего разговора нѣсколько разъ въ другой комнатѣ начинала играть воинская музыка, довольно пріятная. — Домъ его великъ и хорошъ, но трудно войти въ комнаты отъ множества переходовъ и закоулковъ. Въ низу крыльца сдѣлана темница, отворенная съ утра до вечера. Тамъ видѣлъ я множество нещастныхъ страдальцевъ. На дворѣ стоитъ 12 пушекъ. Никогда глаза мои не встрѣчали такого гнуснаго, ужаснаго зрѣлища, какое представляетъ лицо Джедзарова Министра. Паша выкололъ ему глазъ, отрѣзалъ уши и носъ. Я видѣлъ въ городѣ болѣе ста человѣкъ, столь же тиранski обезображенныхъ. Смотря на слугъ Джедзаровыхъ и на самыхъ жителей Акрскихъ, всякой подумаетъ, что онъ въ вертепѣ разбойниковъ, которые хотятъ зарѣзать его. Сей извергъ на все вокругъ себя напечатлѣлъ ужасъ злодѣйской души своей. Джедзаръ завладѣлъ всею Палестиною, кромѣ Яффы, которую войско его осаждаетъ уже 5 мѣсяцевъ.

Я пріѣхалъ въ Зантъ 14 Фримера; гдѣ народъ встрѣтилъ меня радостными восклицаніями: *да здравствуетъ Бонапарте!* . . . Смѣло скажу, что *островы*

Тоническаго моря всего болѣе желаютъ принадлежать Франціи.

Орасъ Себастіани.

IV.

Участь Сардиніи.

Самою важнѣйшею новостію можно теперь назвать вѣроятный слухъ, что Король Сардинскій на нѣкоторыхъ условіяхъ, весьма для него выгодныхъ, уступаетъ Англіи свое Королевство; что договоръ уже съ обѣихъ сторонъ подписанъ, и что онъ немедленно будетъ предложенъ Парламенту на утвержденіе. Пишутъ, что *другая* Держава (Франція или Австрія?) хотѣла также купить Сардинію, предлагала Королю 6 милліоновъ и еще милліонъ ежегоднаго доходу, но что онъ Англійскія условія нашелъ для себя выгоднѣе. „На что Сардинія Великобританніи?“ говорятъ Парижскіе Журналисты: „на то, чтобы имѣть вліяніе на Италію и возмущать ее; а „нѣкоторые думаютъ, что она хочетъ „подарить сей островъ бывшему Герцогу „Тосканскому.“ Англія безъ сомнѣнія для того желаетъ имѣть Сардинію, чтобы властвовать на Средиземномъ морѣ, удобнѣе противиться Французамъ, естьли

бы они снова вздумали овладѣть Египтомъ, и при первомъ случаѣ взять Корсику. Впрочемъ Сардинскїй островъ самъ по себѣ не много значитъ; и хотя производитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ виноградъ, масло, померанцы и довольно хлѣба, однакожъ наполненъ болотами и весьма не здоровъ климатомъ. Гавань столичнаго города Калїари хороша, но не велика; городки Альгеро, Ористано, Сассари могутъ назваться только изрядными мѣстечками. Жители славятся лѣностїю, невѣжествомъ и варварствомъ. Одинъ Король сложилъ съ себя корону, чтобы только не ѣхать въ Сардинїю; а другой продаетъ ее какъ деревню, чтобы не жить среди болотъ ея!

V.

Парижскія извѣстія.

„Наконецъ (пишутъ изъ Парижа) мы „снова имѣемъ честь и славу видѣть „Французскїя головы въ Кардинальскихъ „шапкахъ! Папа, въ угожденїе Консулу, „четырехъ Республиканскихъ Епископовъ „пожаловалъ въ Кардиналы, и въ рѣчи „своей назвалъ Бонапарте любезнѣйшимъ „сыномъ церкви, примолвивъ, что Ка„толическая Вѣра ожидаетъ отъ него

„еще важнѣйшихъ услугъ и благодѣя-
„нїй. Всѣ добрые Французы искренно
„радуются щастливому согласїю между
„Консуломъ и Его Святѣйшествомъ.“

Послѣ *Монитёра* самый вѣрнѣйшїй и любопытнѣйшїй Журналъ есть Bulletin de Paris, издаваемый весьма близкимъ къ Консулу человѣкомъ. Выписываемъ изъ него слѣдующую статью, весьма достойную примѣчанїя: „Министры Англїйскїе „знаютъ, что Великобританнїя лишилась „великихъ выгодъ, заключивъ миръ; зна-„ютъ, что она должна терять болѣе и „болѣе въ его продолженїе, и желая уда-„лить насъ отъ того, что ими по неволѣ „оставлено, они хитрымъ образомъ вошли „въ переговоры съ Диваномъ и съ *нами са-„ми*. Въ Константинополѣ Англїя „предлагаетъ *тройный* союзъ, чтобы обез-„опасить Египетъ отъ всякаго будущаго „нападенїя, и въ то же самое время тре-„буетъ денегъ, издержанныхъ ею для „Египетской экспедицїи; безъ чего не „хочетъ вывести войска изъ Алексан-„дрїи. Всякой спроситъ: гдѣ возьметъ Пор-„та 36 миллїоновъ пїастровъ? и также: „какимъ образомъ она можетъ не за-„платить ихъ, не имѣя средствъ проти-„виться Англїи *собственными силами*? „Предложенїя Англїйскихъ Министровъ

„въ Парижѣ таковы, что ихъ можно одѣ„лать только въ Константинополѣ: они „хотятъ, чтобы Франція *обязалась* ни„когда не посылать войска ни въ Маль„ту, ни въ Египетъ!! . . . Не смотря „на раздоры зависти, польза Англіи и „Франціи соединяется въ одномъ предме„тѣ; а именно, въ усмиреніи Американ„скихъ Негровъ. Сей важный предметъ „долженъ имѣть сильное вліяніе на дѣла „Европы. — Судьба Швейцаріи еще не рѣ„шена. Мнимыя Кантонныя постановле„нія, напечатанныя въ газетахъ, весь„ма не достовѣрны. Между тѣмъ преж„ніе слухи возобновляются. Говорятъ, „что Пеи-де-Во или Французская Швей„царія, вмѣстѣ съ Прусскими Графства„ми Нёшателемъ и Валаньженемъ, соста„вятъ особенную Республику. Говорятъ „также, что часть Гельвеціи присоеди„нится ко Франціи (бѣдная Швейцарія!).

Монитёръ жалуется на ложные слухи, распускаемые врагами Правительства о новыхъ перемѣнахъ Конституціи, о налогахъ на имѣніе народное, и проч.; изъ чего можно заключить, что Бонапарте не хочетъ, по крайней мѣрѣ на сей разъ, ни *Императорства*, ни *Величества*. — Съ нѣкотораго времени Консульскія опредѣленія начинаются словами: *Правитель-*

ство Республики опредѣляетъ, вмѣсто: *Консулы постановляютъ*, какъ писали прежде.

Г. Джефферсонъ, Президентъ Соединенныхъ Областей, пишетъ къ Парижскому Институту слѣдующее: „Граждане „Президентъ и Секретари! Я получилъ „отъ васъ увѣдомленіе, что Народный „Институтъ избралъ меня въ иностранные Члены для Класса политическихъ „и нравственныхъ Наукъ. Принимаю сей „знакъ благосклонности съ чувствительностію, равною тому уваженію, котораго достойно знаменитое общество людей ученыхъ и славныхъ. Не имѣю „права на сію честь, но радуюсь ею какъ „доказательствомъ братскаго духа, соединяющаго въ одно семейство всѣхъ друзей Науки, разсѣянныхъ по разнымъ „частямъ міра.“

VI.

Выписка изъ Лондонскихъ вѣдомостей.

Реформы, сдѣланныя Консуломъ въ арміяхъ, возбуждаютъ негодованіе старыхъ Офицеровъ. Бонапарте уничтожилъ или соединилъ съ другими многіе Полки, объ-

явивъ, что они слишкомъ малочисленны. Желая убавить жалованье, онъ явно предпочитаетъ богатыхъ Офицеровъ бѣднымъ, и достойные, заслуженные люди уступаютъ первенство молодымъ, имѣющимъ одну выгоду богатства. Сверхъ того нынѣшнее Французское Правительство требуетъ отъ Генераловъ знаковъ хорошаго воспитанія и свѣтскаго тона; а многіе изъ нихъ, умѣвъ сражаться и побѣждать, не умѣютъ ни пріятно кланяться, ни говорить вѣжливо. Можно ли такихъ людей терпѣть при Дворѣ блестящемъ, который непремѣнно хочетъ казаться опытнымъ въ Царской пышности?

Уже нѣсколько мѣсяцевъ носятъ въ Парижѣ шпаги. Сей предметъ возбудилъ вниманіе Консула. Онъ намѣренъ отличить шпагою привилегированные классы людей: Офицеровъ, Членовъ Правительства, Кандидатовъ или гражданъ избирательныхъ; а другіе не будутъ имѣть права носить ее.

Не давно Консулъ, будучи у Госпожи Бонапарте, въ присутствіи многихъ людей сказалъ: „Госпожа Сталь новымъ „романомъ своимъ довершила зло, кото„рое, по волѣ судьбы, ея фамилія дол„жна была сдѣлать Франціи. Слогъ ея „портитъ вкусъ, а Мораль отвращаетъ

„отъ добродѣтели.“ Госпожа Бонапарте, слушая его, не могла скрыть своего удовольствія: ибо она думаетъ, что Гж. Сталь, съ великимъ жаромъ доказывая необходимость развода, тайно хотѣла развести ее съ Консуломъ.

Вотъ трогательное письмо Наполеона къ сестрѣ его, женѣ умершаго въ Америкѣ Генерала Леклера: „Ввѣряя Генерал у Леклеру Сен-Домингскую экспедицію, я предвидѣлъ для него опасности и славу. Супругъ твой оставилъ по себѣ великое имя, которое оправдываетъ мой выборъ. Ты раздѣляла съ нимъ опасности, не оставляла его до послѣдней минуты, исполнила должность вѣрной супруги, и своею добродѣтелію утѣшаешь меня въ нашей общей горести. Я не только доволенъ, но и славлюсь твоимъ поступкомъ: можешь ли послѣ того сомнѣваться въ нѣжныхъ утѣшеніяхъ дружбы, которыя здѣсь ожидаютъ тебя? Мы должны всѣмъ жертвовать отечеству. Взявъ на себя правленіе, я обязался въ случаѣ нужды принести ему въ жертву жизнь свою и моихъ ближнихъ. Супругъ твой исполнилъ часть сего обязательства. Имя его включится въ списокъ великодушныхъ, а твое украсишъ списокъ любезныхъ Франціи вдовъ,

„для которыхъ Великій Народъ обѣщал-„ся быть покровителемъ. Отечество усы-„новляетъ твоего младенца. Не забывай, „что оно со временемъ потребуетъ отъ „тебя отчета въ его воспитаніи.“

Когда братъ Марграфа Баденскаго изъявилъ Консулу благодарность за воз-награжденія, полученныя симъ Принцомъ, Бонапарте отвѣтствовалъ: „Народъ Фран-„цузскій одинъ великодушенъ; онъ пору-„чилъ мнѣ наградить Князей, достой-„ныхъ его благодѣянія. Умноживъ владѣ-„нія Его Свѣтлости, я умножилъ число „благополучныхъ людей. Щастливы пове-„лители народовъ, когда они могутъ „такимъ образомъ служить человѣче-„ству!“ Консулъ ушелъ, не дождавшись отвѣта. Онъ всякой разъ исчезаетъ какъ молнія, когда скажетъ фразу красивую и напередъ заготовленную.

Генералъ Журданъ возвратился изъ Піемонта въ Парижъ. Слышно, что онъ бывалъ нескроменъ въ разговорахъ о Бона-парте, и часто твердилъ: „Этотъ чело-„вѣкъ забылъ, что онъ всѣмъ обязанъ „Генераламъ. Я согласился служить ему „для того, что онъ предложилъ мнѣ на „выборъ: соединить судьбу мою съ его „жребіемъ или быть жертвою моего „упрямства и его власти.“ — Абдала

Мену, славной трусъ, Французъ душею, а Турокъ вѣрою, отправленъ Консуломъ въ Пїемонтъ на мѣсто Журдана.

Французскїй Сенатъ, Законодательный Корпусъ и Трибунатъ напоминаютъ совѣтъ Персидскихъ Генераловъ, которыхъ собралъ Ксерксъ, предпринимая воевать съ Греками, и которымъ онъ сказалъ: „люди не должны говорить, что я ни съ кѣмъ „не хотѣлъ совѣтоваться — и для того „вы сюда призваны; но знайте, что ваше „дѣло повиноваться, а не совѣтовать.“

Не давно у Генерала Моро обѣдали многїе Генералы, которые служили подъ его командою. За десертомъ гости призвали повара и единодушно опредѣлили наградить его *почетною кастрюлею.* Они заказали ее одному изъ славнѣйшихъ мастеровъ Парижскихъ и велѣли изобразить на ней разныя смѣшныя аллегорїи.

Конецъ седьмой Части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

ЯНВАРЬ No 1.

Стран.

I. Марѳа посадница, или покореніе Новагорода. - - 3
II. Дзетингъ, или храмъ предковъ. 31
III. Римская роскошь въ четвертомъ вѣкѣ. - - 33
IV. Описаніе Гишпанскаго театра. 39
V. Новая шашечная игра. - 42
VI. Генералъ Лефеверъ. - 43
VII. Супружеская молитва. - 46
VIII. Стихи къ П*** И*** Б — ой. —
IX. О дѣлѣ Карнатскаго Набаба, которымъ долженъ нынѣ заняться Англійскій Парламентъ. - 48
X. О политической системѣ Англіи и Франціи. - - - 50
XI. О восточномъ и западномъ народѣ. - - 54
XII. Открытіе Англійскаго Парламента. - - - 60
XIII. Взоръ на прошедшій годъ. - 75
XIV. Извѣстія. - - 89

ЯНВАРЬ No 2.

Стран.

I. *О привычкѣ.* - - 85

II. *Англійское великодушіе.* - 92

III. *Кометы.* - - - 96

IV. *Стихи во изъявленіе всеподданнической благодарности за полученную Высочайшую милость 1802 года, Ноября 10 дня.* - 100

V. *Любовь.* - - - 102

VI. *Марѳа Посадница, или Покореніе Новагорода (Книга вторая).* 103

VII. *Отцы Оверньйскіе во Франціи.* 133

VIII. *О Дельфинѣ, новомъ романѣ Госпожи Сталь.* - - 136

IX. *Нѣкоторыя замѣчанія на уголовные и гражданскіе законы въ отношеніи къ Россіи.* - 141

X. *Письмо изъ Парижа.* - 156

XI. *Извѣстія.* - - 159

ФЕВРАЛЬ No 3.

Стран.

I. Письмо изъ Парижа. 169
II. О врагахъ стихотворства — новое сочиненіе Лагарпа, переведенное изъ Французскаго Журнала. 175
III. Удивительный пѣшеходъ въ Англіи. 180
IV. Взоръ на нынѣшній Римъ. 183
V. О камняхъ падающихъ съ неба. 187
VI. Непроницаемое полотно, новое изобрѣтеніе во Франціи. 191
VII. Летучая рыба. 192
VIII. Марѳа посадница, или покореніе Новагорода (Книга третія). 193
IX. Голубка и бабочка. 226
X. О смерти Автора Душеньки. 227
XI. Смѣсь. 229
XII. Происшествія въ Сен-Доминго. 232
XIII. Франція. 236
XIV. Письмо изъ Берна. 246
XV. Разныя извѣстія. 247

ФЕВРАЛЬ № 4.

Стран.

I. Трогательная добродѣтель женщины. - - - 249
II. Описаніе Соломонова трона. - 257
III. Импровизаторы. - - 259
IV. О Кофе. - - - 264
V. Первая Пиндарова Пиническая пѣснь Этиллину Хирону, Королю Сиракузскому, на побѣду его колесницы. - 268
VI. Филины и соловей, или просвѣщеніе (Басня). - - 275
VII. Къ отечеству. - - 277
VIII. На цѣпочку для часовъ. - 278
IX. Путешествіе вокругъ Москвы. - —
X. Героическая любовь супруги. - 299
XI. Описаніе царства Аттиллинъ на берегахъ Ганга. - 299
XII. Обозрѣніе прошедшаго года. - 305
XIII. Донесеніе Консулу Бонапарте Полковника Себастіани, бывшаго въ Египтѣ и Сиріи. - 314
XIV. Участь Сардиніи. - 323
XV. Парижскія извѣстія. - 324
XVI. Выписка изъ Лондонскихъ вѣдомостей. - - 328